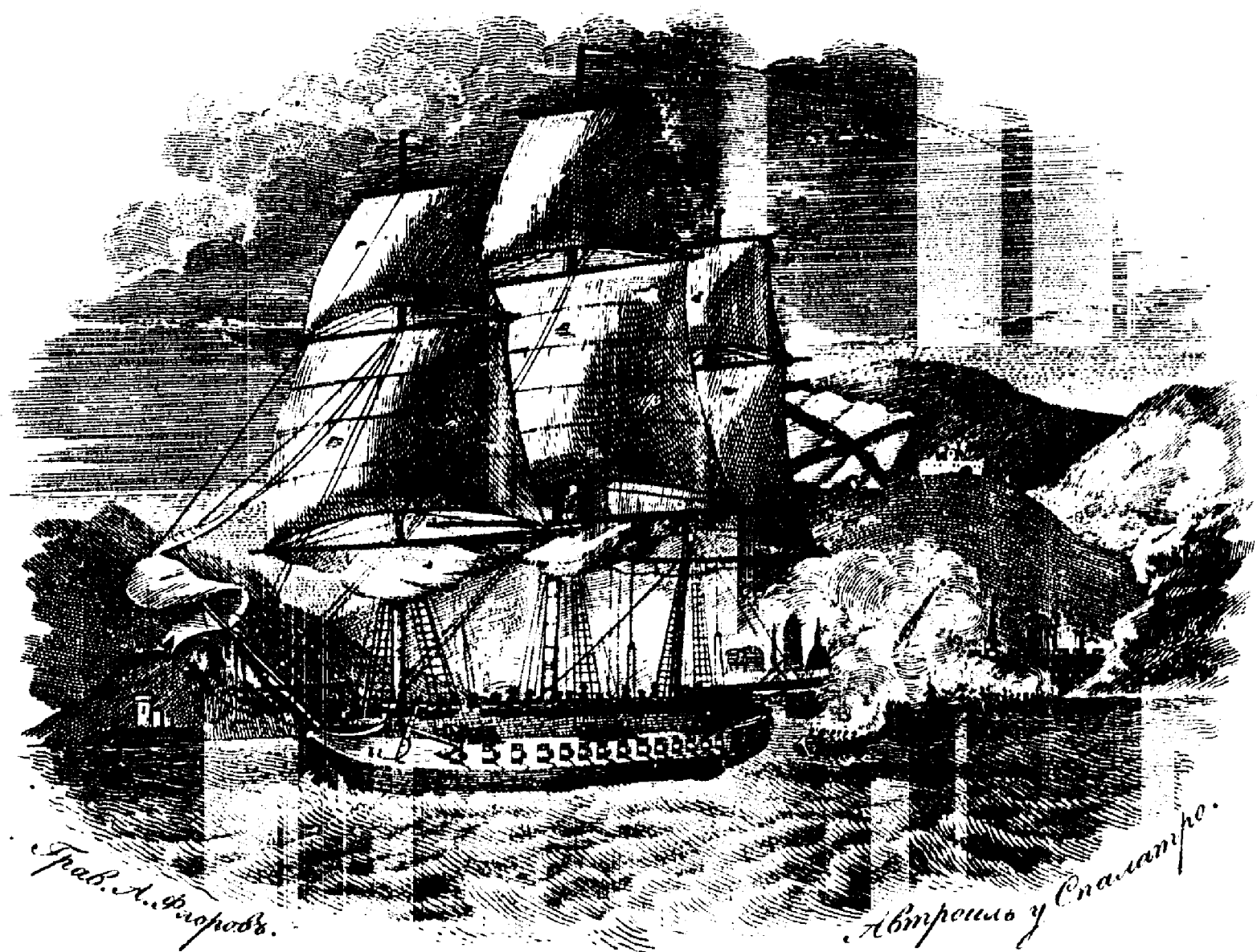

ПИСЬМА
МОРСКАГО ОФИЦЕРА,
*служащаго дополненіемъ къ Запискамъ
Морскаго Офицера.*
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НАПЕЧАТАНО ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

Въ Москвѣ.

1825.

П И С Ь М А
МОРСКАГО ОФИЦЕРА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА СЕЛИВАНОВСКАГО.
1826.

Печаташь позволяешся съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Октяб-ря 15 дня 1825 года. Сію рукопись, часть II, разсматривалъ Адъютантъ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Снесивевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	<i>Стран.</i>
<i>На пути изъ Неаполя въ Мессину</i>	1
<i>Мессина—описание землетрясенія, бывшаго въ 1783 году</i>	2
<i>На пути изъ Мессины въ Палерму — видъ восхожденія солнца на морѣ</i>	9
<i>Палермо — сады, Флоры и Ботаническій — кладбище — игроки — прогулка въ окрестностяхъ</i>	15
<i>Палермо — Королевскій дворецъ — фонтанъ — Руская монахиня въ монастырѣ Св. Цециліи</i>	22
<i>Мессина</i>	41
<i>Реджіо—зрѣлище разбитаго корпуса Неаполитанскихъ войскъ и смущеніе жителей</i>	44
<i>Краткое обзорѣніе Неаполитанской Исторіи</i>	57
<i>Военный взглядъ на происшествія въ 1806 и 1807 годахъ</i>	124
<i>Въ Крейсертвѣ противу Рагузы и у береговъ Далма- ціи—Капо Чеспо</i>	166
<i>Острова Агостинскіе</i>	179
<i>Островъ Меледа</i>	185
<i>На пути въ Каттаро</i>	187
<i>Кастель-Ново — совершенная свобода и равенство Чер- ногорскаго народа</i>	191
<i>Островъ Браццо</i>	197
<i>Взглядъ на Далмацію</i>	201
<i>Скардонскій водопадъ</i>	219
<i>Спалатро — развалины Діоклипіанова дворца — и древ- няго города Солоны</i>	225
<i>Венеція — общее обзорѣніе города и нравовъ жителей — Арсеналь</i>	231
<i>Венеція — церковь Св. Марка — Дожевъ дворецъ</i>	256
<i>Островъ Звееа—садъ — церковь Спасителя — Ридоншо</i>	268
<i>Венеція — прекрасная дамская спальня — спашуи: Гебы, Амура и Психеи славнаго Кановы—Ганимедъ Фидіевой работы</i>	270
<i>На пути изъ Венеціи въ Пирано — основаніе Венеціи, могущество и богатство ея — причина паденія — положеніе города</i>	284
<i>Кастель-Ново</i>	347

О Г Л А В Л Е Н І Е II^й Ч А С Т И.

Стан.

<i>Корфа</i> — фрегаты Французскіе изъ Тулона — плѣнные	
Турки—нѣчто о поединкахъ	352
<i>На пути изъ Корфу въ Тріестъ</i> — корабль спалъ на мѣль	370
<i>Тріестъ</i> — употребленіе жаровень вмѣсто печей — убійство въ шеагрѣ	377
<i>Описаніе Истріи</i>	391
<i>Тріестъ</i> — нѣкоторыя свѣденія о устройствѣ Австрій- ской арміи	402
<i>Тріестъ</i> — война 1809 года между Австріею и Франці- ею — затруднительное положеніе Россійской эс- кадры — публичная лошерея — и другія увеселенія — Руской клобъ — повелѣніе, оспавя корабли, воз- вращишься сухимъ пушемъ въ Кронштадъ.	407

П И С Ь М А

МОРСКАГО ОФИЦЕРА.

1806 ГОДЪ.

На пути изъ Неаполя въ Мессину.

3 Февраля. По причинѣ крѣпкаго проливнаго вѣтра, продолжавшагося двои сутки, я не могъ писать къ вамъ, любезные друзья. Сего же числа ушромъ, послѣ проливнаго дождя, вѣтръ сдѣлался попутный, мы много подвинулись впередъ и теперь видимъ Спромболи; но меня зовутъ на вахту, надобно бросить перо.

4 Февраля. Мессинскій проливъ въ глазахъ; а вѣтру нѣтъ и печеніемъ вершинъ насѣпуда и сюда. Вчера на моей вахтѣ я наслаждался прекраснымъ зрѣлищемъ: въ то время, какъ изверженіе Спромболи вилось огненнымъ столбомъ до небесъ, и море и близъ лежащіе острова казались горящими; вдали въ разстояніи 150 верстъ, какъ свѣтъ теплящейся лампы, мелькало изверженіе горы

Этны. Я всегда съ удовольствіемъ смотрю на сей пламень, заспаляющій препешать гордосць человѣческую. О! сколько здѣсь чудесъ природы; разсмапривая, удивляясь имъ, я всегда прошивъ воли повпоряю вамъ одну и шуже мысль: взгляните вмѣстѣ со мною на изверженіе огнедышущей горы.

Мессина.

6 Февраля. Вчера предъ полуднемъ мы вошли въ Мессину. Съ неперпѣніемъ ожидалъ я обѣда, чпобы послѣ скорбе ѣхатъ на берегъ, гдѣ узналъ, что семь тысячъ Англійскихъ войскъ, возвратившихся изъ Неаполя и находившихся здѣсь на транспортныхъ судахъ, по согласію Неаполитанскаго Короля, займутъ Мессину, Кашаньо и Сиракузы въ видѣ вспомогапельныхъ войскъ. Мессинцы и правительство съ первыхъ дней должны были раскаяться въ семъ предпріятіи. Вчера чернь убила Англійскаго солдата за наглосць, а нынѣ Англичане убили Сицилійскаго мап-роза. Не проходишь дня безъ шуму и драки.

7 Февраля. Слѣды ужаснаго землетрясенія, низпровергшаго Сицилію и Калабрію, еще и донынѣ видны. Судя по развалинамъ въ Мессинѣ, описаніе сего землетрясенія, сдѣланное Г. Швибурномъ, находившимся тогда въ семъ городѣ, заслуживаетъ вѣроятіе. Полагая, что вамъ пріятно будетъ

прочешть подробности сего произшествія, изложенныя очевидцемъ, предлагаю переводъ сокращеннаго письма, которое можетъ подать вамъ мысль о дѣйствіи землетрясенія, сего ужаснаго бича рода человѣческаго.

«Съ чего долженъ я начать, говоритъ Г. Швибурнъ, чтобы описать томъ страшный, незабвенный въ памяти моей день, который освѣщаль низпроверженіе несчастной Мессины? Какой языкъ и какія выраженія долженъ я избрать, дабы представилъ хопя тысячную долю постигшаго насъ бѣдствія? ужасный день! ужаснѣйшая ночь!

«5 Февраля 1783 года, въ при четверти часа по полудни, сильный ударъ, подобный грому нѣсколькихъ тысячъ орудій вдругъ выспрѣлившихъ, былъ началомъ землетрясенія и вѣспникомъ смерти для многихъ тысячъ людей. Ударъ сей, имѣвшій направленіе вверхъ, потрясъ самыя пвердыя, огромныя зданія; жители въ великомъ страхѣ спѣшили оставишь городъ, не помышляя ни о чемъ другомъ, какъ только о спасеніи жизни. Вскорѣ направленіе шо перемѣнилось, и земля всколебалась подобно морю: подземные громы постепенно увеличивались. Грохотъ, слышимый подъ ногами нашими, и клокопаніе, подобное кипѣнію расплвленныхъ металловъ, привели въ препетъ самыхъ мужесп-

венныхъ. Стѣны и башни крѣпости первыя преснули, отдѣлились другъ отъ друга, и пали. Самыя большія строенія исчезали предъ моими глазами подобно театральнымъ декораціямъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ прекрасная набережная представляла кучи камней, еще двигавшихся. Облака пыли ясно означали мѣста, гдѣ разваливались строенія.

«При наступленіи ночи большая часть жишелей, послѣдуя примѣру Принца, Королевскаго сына, вышли за городъ. Тамъ иные на берегу моря помѣстились въ раскинутыхъ палаткахъ, другіе на корабляхъ и лодкахъ, въ гавани споявшихъ. Природа, казалось, начинала успокоиваться; небо было ясно и безоблачно, море совершенно тихо. Бѣдные люди, почиая себя въ безопасности отъ паденія строеній, по причинѣ отдаленія ихъ, начинали приходить въ себя, помышлять о продолженіи жизни, иные наслаждались уже сладкимъ сномъ: какъ вдругъ въ семь часовъ вечера посреди сей измѣннической пишины, и безъ малѣйшаго предвѣщающаго сотрясенія, мысъ Кампано поднялся вверхъ, рассыпался на части, повергся въ море и исчезъ. Море, принявшее въ нѣдра свои споль тяжелую массу, уклонилось къ прошивулежащему берегу, и по-

попивъ на ономъ 28 человекъ съ ихъ домами, возвратилось назадъ, съ удвоенною яростію. Огромная волна, поднявшаяся выше обыкновенной поверхности воды на пять сажень, мгновенно поглотила около 2500 человекъ, на песку и въ лодкахъ близъ берега расположившихся. Вопли отчаянія оставшихся въ живыхъ, которые по щастію находились выше, нежели какъ поднялось море, вскорѣ распространились по всѣмъ около лежащимъ холмамъ, которые въ восемь съ половиною часовъ также въ свою очередь разрывались, засыпали или подавляли людей. Отъ поглощенныхъ моремъ и землею не слышно было никакого крика; они погибли какъ червь, котораго мы, не замѣчая, подавляемъ ногою.

«Въ сіи бѣдсвенныя минуты страшное рокопаніе подземныхъ громовъ, какъ бы изходившихъ изъ центра земли, ревъ морскаго волненія, трескъ разрушаемыхъ зданій и ужасный гулъ отъ колебанія земли, заглушилъ сненанія людей и вой животныхъ.

«Въ продолженіи землетрясенія грозныя густыя облака спустились, и низко, неподвижно висѣли надъ колеблемою землею. Чрезмѣрный жаръ, сильное обращеніе воздуха и мракъ ночи, освѣщенный пурпуровымъ цвѣтомъ облаковъ, отъ которыхъ все

небо, казалось, было объято пламенемъ, ничто въ сравненіи съ тою ужасною минутою, когда кипящее море изрыгало столь великое количество сѣрнаго дыма, что онымъ вскорѣ вся атмосфера наполнилась. Удушаемый смраднымъ симъ запахомъ, и ослѣпленный пепельнымъ дождемъ, я распротершись на камнѣ, предалъ себя на волю Господа. Мнѣ казалось уже, что слышу призывный гласъ трубы грознаго Архангела. Въ самомъ дѣлѣ ни съ чѣмъ не возможно сравнить сіе грозное бorenіе стихій, какъ только съ представленіемъ свѣта, когда всемогущій Судія, окруженный всѣмъ величіемъ, воззоветъ мертвыхъ изъ гробовъ и потребуетъ отчета въ грѣхахъ нашихъ.

«Разсвѣтъ слѣдующаго дня представилъ прогашельнѣйшее зрѣлище. Поверхность земли во многихъ мѣстахъ совершенно измѣнилась: горы и холмы низпроверглись; рѣки, заваленныя оными, обратились въ озера; вода индѣ высохла, повсюду помутнилась и получила горкій прошивной запахъ; деревья иныя были вырваны съ корнемъ, другія стояли наклонившись. Отъ селенія и двухъ озеръ, находившихся на мысу у маяка Торре-ди-фаро, не осталось и слѣдовъ; первое истреблено до основанія, послѣднія засыпаны. Словомъ, всѣ роды явле-

ній, сопровождавшихъ разрушительное землетрясеніе, можно было видѣть здѣсь во всемъ ихъ ужасномъ и величественномъ разнообразіи. Несчастная Мессина сдѣлалась кучею развалинъ. Прекрасная ея Палаццата болѣе не существуетъ. Не возможно изчислить, сколько убытковъ потерпѣли оставшіеся жители.

«Восемь сотъ пруповъ выкинуто на берегъ: большая изъ оныхъ часть такъ обезображена, что на лицахъ едва остались человѣческія черты. Не многіе извлечены были изъ воды еще дышущіе, еще менѣе были выкопаны изъ-подъ развалинъ. Съ горькими рыданіями собрали мы прупы погибшихъ, разорванныхъ на части. Ни жена мужа, ни отецъ сына не могли узнать въ сихъ плачевныхъ остаткахъ. И такъ, дабы избѣжать заразы, отъ гніенія многихъ тѣлъ произойти долженствующей, мы сложили оныя въ кучу, обложили сухими сучьями, и подобно Индусамъ, сожгли.

«Спешеніе раненыхъ, вопли малютокъ, тщетно призывавшихъ матерей, раздирая душу, на каждомъ шагу напоминали бѣдствіе, перенесенное жителями. Многіе лишились всего имущества; другіе, утративъ милыхъ сердцу друзей и родныхъ, остались одни безпріютными сиротами, не имѣя,

гдѣ укрѣпѣть свою голову. Голодѣ, печаль, болѣзни, нищета, вопѣ все, чего богатѣйшія фамиліи въ Мессинѣ ожидаѣть должны.»

Землетрясеніе сіе опрокинуло всю Калабрію и восточную сторону Сициліи. Потрясенія 5 и 7 Февраля и 28 Марта были жесточайшія; онѣ довершили разрушеніе и перемѣнили самый видѣ сей прелестной и плодотворной страны. Центрѣ дѣйствія былѣ около Мессины и Реджіо: величайшее опустошеніе претерпѣла нижняя Калабрія; жители Пальмы погребены подѣ спѣнами своего города. Браньяно также разрушился, и весь берегѣ Калабріи, начиная отѣ мыса Спарпивенто до мыса Спило и даже до Сквйлаччи, совершенно опустошенѣ. Мессина и окрестности Реджіо, гдѣ началось землетрясеніе, потерпѣли болѣе всѣхѣ. Отраженіе онаго простиралось даже до Неаполя, и на семѣ великомѣ пространствѣ жили претерпѣли болѣе или менѣе, смотря по тому, ближе или далѣе находились они отѣ центра потрясенія. Въ мѣстахѣ, близкихѣ къ оному, не осталась камня на камнѣ, и около 40,000 человекѣ утратили жизнь бѣдственнѣйшимѣ образомѣ. Фрегатѣ, плывшій между Сициліею и Липарскими островами, вертикальнымѣ ударомѣ споль сильно бросило вверхѣ, что люди, на-

ходившієся на верхней палубѣ, были сбиты съ ногъ, и нѣкоторыя пушки опрокинулись. Море при безвѣтріи волновалось столь неправильно, что фрегатъ едва не потонулъ. Замѣтишь нужно, что землетрясеніе весьма отлично отъ изверженія огнедышущихъ горъ; оно безспорно есть самое гибельное явленіе въ природѣ. Изверженія обыкновенно возвѣщающіяся особливими признаками, на примѣръ: густымъ дымомъ, покрывающимъ вершину горы, и опасно быть можетъ только ближайшимъ селеніямъ; землетрясенія же случаются, такъ сказать, невзначай, на большомъ пространствѣ и не подающъ ни малѣйшей надежды къ спасенію.

На пути изъ Мессины въ Палерму.

8 Февраля. Окончивъ дѣла и порученія, въ два часа по полудни мы снялись съ якоря, и въ нѣсколько минутъ были уже внѣ пролива въ волѣ Непшуна. Какъ пріятно, друзья мои, переходишь изъ одного порта въ другой, вспрѣчаешь на каждомъ шагу новые предметы, слышаешь вездѣ новый языкъ, который столько же разнился, какъ люди и одежда! Съ отправленія изъ Россіи, какъ будто на волшебной колесницѣ, обѣѣхали мы большую и лучшую часть Европы. Какъ весело будетъ воспоминашь все мною видѣнное! Но море шумитъ, волны бѣлѣютъ, небо

темнѣетъ , а мнѣ надобно уснуть , чтобы бодрымъ выпши на ночную справу. Эпи Липари, сіи Геспериды, окруженные подводными камнями, пребываютъ осторожности, кошорая на морѣ, равно какъ и отважность, составляетъ первую потребность , первую добродѣтель морскаго Офицера ; но мы желая опличиться смѣлостію , рѣдко бываемъ осторожны , за то часто раскееваемся , и еще чаще пренебрегаемъ благоразумною осмотрительностію. Извините за небольшое опспупленіе. Я всегда такъ рассуждаю , когда имѣю надобность быть болѣе робкимъ , нежели дерзкимъ.

9 Февраля. Въ полночь наспутившая пишина опстановила насъ между Липарскими островами. Я вступилъ на вахшу предъ восхожденіемъ солнца. Никогда въ продолженіи моей службы зрѣлище сіе , къ кошорому уже привыкъ , не казалось мнѣ столь прелестнымъ и величественнымъ. Постараюсь изобразить вамъ оное съ возможною точностію.

Небо и море чисты , какъ стекло ; воздухъ растворенъ ароматами цвѣтущихъ благовонныхъ растѣній ; легкій попутный вѣтерокъ едва наполняетъ паруса ; природа опдыхаетъ , и царствующая на водахъ глубокая пишина прерывается чуть слышнымъ журчаніемъ , производимымъ ходомъ фре-

гаша. Живописные Липарскіе острова ограничивають зрѣніе съ правой стороны, съ лѣвой синѣють и далеко впередъ просягающіяся крупные берега Сициліи.

Луна скрылась на западѣ, блескъ звѣздъ начинается пускнѣть и мало по малу небо свѣтлѣетъ. Первые лучи солнца уже проникають темно-голубыя облака. На западѣ ночной мракъ разсѣвается, воспокъ постепенно покрывается пурпуровыми полосами; облака алѣють болѣе и болѣе. Цвѣтъ тверди безпрестанно измѣняется, предметы становящіяся виднѣе, краски живѣе, и вдругъ миллионы золотыхъ лучей, вылепая изъ общаго центра, ослѣпляютъ изумленные мои взоры. Воспокъ горитъ, солнце является, и я вижу предъ собою вышедшій изъ волнъ блестящій шаръ, изъ нѣдръ коего съ быспрошою неимовѣрною льющаяся огненные потоки; въ одно мгновеніе блескъ оныхъ становится тягостенъ глазамъ. Уклонивъ взоръ мой и обратившись къ западу, вижу предметы, до того сокрытые, какъ бы ко мнѣ вдругъ приближившіеся. Оживленная природа, казалось, чувствовала присутствіе прекраснаго свѣтила. Ощущаемое мною удовольствіе въ сіи поржественныя минуты ни съ чѣмъ не могу я сравнить, какъ съ восхищеніемъ спрадальца, получившаго внезапное изцѣленіе.

10 *Февраля*. Утро прекрасное, вѣтрѣ тихій и попушный; потомѣ шелѣ небольшой дождь, а съ полудня было очень жарко. Видѣ Сицилійскаго берега съ сей стороны представляешѣ прекраснѣйшую картину. Плодоносные берега ограничиваются высокими горами. Въ прибрежныхѣ долинахѣ на высотахѣ, одѣтыхѣ свѣжею зеленью, разбросаны селенія и замки. Изобиліе и богатство, пріятныя и романтическія мѣста, одні другими смѣняясь, представляютѣ прекрасную совокупность. Я восхищался тою стороною Сициліи, которая заключается между мысомѣ Пассаро и Фаро; но сія еще превосходнѣе: здѣсь живописцы, списывая съ природы, могутѣ усовершенствовать свои таланты, получишь вкусѣ и умѣнье употреблять шѣни и краски; здѣсь они должны научиться искусству производить на зришелей долгое и пріятное впечатлѣніе. Липарскіе острова, покрытые померанцовыми и апельсинными рощами, представляютѣ иные виды не менѣе прелестныя. Курящіяся на нихѣ сопки причиною чрезмѣрнаго ихѣ плодоносія.

11 *Февраля*. Въ полдень открылась Палерма. Жаль, что много сказалѣ хорошаго о Липарскихѣ островахѣ и о противоположащемѣ берегѣ. Видѣ Палермы очаровашеленѣ,

не подражаемъ; все то, что говорили о немъ многіе путешественники, какъ дурная копія прекраснаго оригинала, ни мало меня не удовлетворяетъ. Будучи не въ состояніи описать того, что предъ глазами моими, хотя чувствую и постигаю всѣ красоты, но долженъ противу воли молчать!

Подъ всѣми парусами вошли мы прямо въ гавань и остановились между Неаполитанскимъ кораблемъ и фрегатомъ. Множество любопытныхъ собралось на пристань разсматривать Руской фрегаты и Рускихъ.

П А Л Е Р М А.

12 Февраля. Послѣ обѣда я поѣхалъ на берегъ: переѣздъ былъ короткой; стоило только толкнуть шлюпку, и уже спутили на пристань. Насъ было пятеро: мы шли очень скоро мимо Арсенала по набережной гавани, обсаженной по обѣ стороны деревьями. Не доходя до города взяли слугу и приказали везть себя въ лучший трактиръ. Онъ привелъ насъ въ кофейной домъ подъ названіемъ голубя, но мы не долго тутъ пробыли и пустились далѣе.

Улицы показались мнѣ шире и чище Неапольскихъ; дома пріятнѣйшей архитектуры: лучшіе обложены мраморомъ и украшаются портиками и колоннадами; мостовыя гладки, какъ полъ. Прошедъ большею улицею чрезъ

красивыя вороша, вышли за городъ. Какъ день былъ праздничный, то слуга предложилъ иппи въ публичный садъ, называемый Флора. Мы прошли около прехъ верспъ между садовъ и загородныхъ домовъ, безпрестанно встрѣчая толпы людей и любуясь видимымъ довольствомъ и изобиліемъ. На прекрасномъ лугу недалеко отъ сада остановились: группы крестьянъ и дворянъ играли въ мячъ, въ особый родъ кегельной игры, и еще въ одну игру, которую вамъ не умѣю назвасть, но обьясню: ушверждающъ въ землѣ кольцо, кашающъ въ него на извѣстномъ разстояніи деревянный шаръ; и кто попадетъ, тотъ и выигрываетъ. Зная гордость здѣшняго дворянства, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на временную его ласку къ народу; но тѣмъ не менѣе это смѣшеніе поработченной бѣдностью съ надменнымъ богатствомъ, всегда прискорбное моему сердцу, нечувствительво повергло меня въ задумчивость. Но вотъ великолѣпными ворошами вошли въ садъ Флоры.

Какъ мнѣ начашъ описаніе сего прекраснѣйшаго сада? Я долженъ бы сказасть вамъ: чипайше гдѣ нибудь въ другой книгѣ; но зная ваше любопытство, и увѣренъ будучи въ вашемъ снисхожденіи, продолжаю: спавъ въ центрѣ на площадкѣ у прекраснаго фонтана, гдѣ божество рѣки, сидящее на дикомъ

мшистомъ камнѣ, льетъ изъ урны воду, которая на чешыре спороны падаетъ каскадами, вы видите предъ собою восемь аллей, оканчивающихся пріятными зданіями; а за ними представляюща синѣющее море, или высокія горы, коихъ зеленый хребетъ ограничиваетъ горизонтъ. Площадь обставлена статуями древней Греческой работы, изъ коихъ двѣ мраморныя группы изобилія и мира, хотя Италіанской работы, но по моему, нимало не уступаютъ превосходнымъ Греческимъ статуямъ. У насъ въ Россіи теперь суровая зима, здѣсь же весна, и по апельсиннымъ и померанцовымъ деревьямъ, обремененнымъ плодами, порхаютъ и поютъ пшички. Здѣшніе господа хладнокровно прохаживаются, и, кажется, не чувствуютъ и не наслаждаются всѣми прелестями *своей природы*: человекъ ко всему легко привыкаетъ. Италіанцамъ также не въ диковину цвѣтущая природа, какъ намъ снѣгъ.

Изъ Флоры перешли мы въ Ботаническій садъ. Здѣсь собраны всѣ рѣдкія и лучшія растѣнія. Я будучи худой ботаникъ сердился на себя за то, что надписи на горшкахъ не помогли мнѣ узнать ни силы нравъ, ниже ихъ употребленія. Нѣсколько фонтановъ, для которыхъ невѣдомо, откуда берутъ сколько воды, и величественный, проспой

архитектуры рошона, по образцу древнихъ храмовъ сооруженная, служащъ наилучшимъ украшеніемъ сего сада. По аспидной лѣстницѣ, украшенной Сѣинксами, взошли мы къ портику, между колоннами коего стоятъ колоссальныя статуи Эскулапа и Гиппократа. Огромныя двери открылись, и мы вошли въ круглую залу, вокругъ которой разставлены лавки для учениковъ, по срединѣ столы для распѣній и кафедра для Профессора натуральной исторіи. Вокругъ стѣнъ рошона поставлены восемь статуй знаменитыхъ мужей, упражнявшихся въ медицинѣ. Въ Апрельъ начнутся здѣсь лекціи. Смерклось уже, когда мы возвратились въ городъ и опшуда на фрегатѣ.

13 Февраля. Утро употребилъ на разсматриваніе прекрасной Палермы; послѣ обѣда ѣздилъ въ монастырь св. Мартина. Путешественникъ не можетъ описать всего, что видишь, ни изяснить, что чувствуешь. Ему всегда надобно имѣть особенное вниманіе и память. Опасаясь наскучить вамъ продолжительнымъ рассказомъ, и бывъ уже предупрежденъ описаніемъ всѣхъ достопамятностей прелесной столицы Сицилійской, которой по краткости моего въ ней пребыванія подробно не могъ осмотрѣть, предлагаю описаніе только тѣхъ предметовъ, которые случилось мнѣ видѣть.

Кладбище въ монастырѣ св. Мартина достойно, чшобы сказать о немъ нѣсколько словъ. Мы сошли въ подземельную залу, высокую, свѣплую и совершенно не похожую на залу усопшихъ. Во впадинахъ стѣнъ въ различныхъ положеніяхъ лежатъ скелеты умершихъ монаховъ; въ тяжелыхъ сундукахъ хранятся кости ихъ начальниковъ. По бѣлешамъ видно, что смертные ихъ ошашки и одежды покоятся въ сей хранилѣ уже болѣе столѣтій. Въ залѣ нѣтъ ни зловонія, ниже какого признака кладбища. Я просилъ изъяснить мнѣ причину сего у провожавшаго меня монаха. Онъ вывелъ насъ изъ залы, и показалъ большой погребъ, находящійся подъ залою. Послѣ погребенія кладутъ умершаго въ сію каморку на перекладинахъ, закрываютъ дверь, и крѣпко ее замыкаютъ. По прошествіи года тѣло рушится, и одинъ сухой скелетъ, облеки одеждою, выставляють въ залѣ. Кости тѣхъ, которые прежде умерли, за неимѣніемъ мѣста, погребаютъ въ землю. Сюда-то чаще должны приходять люди гордые и злые, дабы видоу ничтожество могли они исправить; но будутъ ли они поражены симъ ужаснымъ явленіемъ? сомнѣваюсь. Человѣкъ, способный погасить въ себѣ угрызенія совѣсти и страхъ Божій, едва ли будетъ мыслить о будущемъ, о вѣчности. Онъ скоро забудетъ

полезное впечатлѣніе, здѣсь полученное, и лишь его оставивъ, то снова начнешь наслаждаться только настоящимъ днемъ.

При возвращеніи въ городъ преснула рессора; пока ее увязывали, я пошелъ впередъ, и мила двѣ при лунномъ свѣтѣ прошелъ пѣшкомъ. Чего не перевертѣлось въ моей головѣ; но спукъ приближавшейся коляски прервалъ мои мечты, и я съ унылымъ духомъ сѣлъ и поскакалъ. Было десять часовъ, какъ мы вѣхали въ городъ.

Одинъ Неаполитанскій морскій Офицеръ Луи Кавалканте, общій нашъ знакомецъ, ѣздившій съ нами въ монастырь, предложилъ зайти въ домъ къ его поварищу. Я отказался недосугомъ, и Луи просилъ только остановиться на минушу, чтобы взять свою шинель; въ отсутствіе его наемный мой слуга совѣтовалъ не ходить въ домъ: ибо въ немъ, какъ онъ думалъ, ищущъ случая жить на щепѣ ближняго. Напрасно усердный мой Николешо предупреждалъ меня: я въ карты не играю, а потому не подвергался опасности быть обыграннымъ навѣрное. Этого промысла здѣсь въ большой модѣ и употребленіи.

Хозяинъ вышелъ вмѣстѣ съ Г. Кавалканте и неоптупно просилъ взойти; не учтиво

было бы отказатьсь. По запачканной лѣстницѣ пришли мы на верхъ въ изрядно убранные покои. Въ гостинной было еще при челоѣка : послѣ обыкновенныхъ привѣтствій спросили , не хочу ли я заняться игрою? я отвѣчалъ, что никогда за карты не принимался. Разговаривая о разныхъ предметахъ, наконецъ коснулись музыки и пѣнія. Я безъ намѣренія сказалъ, что люблю опѣнно и то и другое. Вы любите, сказалъ хозяинъ съ важною миною, и сдѣлалъ знакъ рукою. Вошли трое слугъ въ щегольской ливреѣ: хозяину подали скрипку, гостю арфу, другому гитару, четвертый приготовился пѣть по нотамъ. Сперва играли небольшой концертъ, потомъ нѣсколько арій; наконецъ одинъ хозяинъ игралъ Испанскій танецъ фанданго, и мое равнодушіе, опасеніе, что нахожусь посреди не слишкомъ честныхъ господъ, кончилось. Тоны скрипки измѣнялись въ неизобразимомъ согласіи; всѣ перемѣны опѣ живой къ тихой мелодіи были выражены съ удивительною пріятностію; въ заключеніе на арфѣ, а потомъ на гитарѣ играли соло съ акомпаниментомъ прочихъ инструментовъ. Съ удовольствіемъ неизъяснимымъ я слушалъ прилѣжно, и дабы не упустить ни одного тона, не смѣлъ дышать. Есть минуны, кои мы щещно будемъ стараться описатьъ.

Музыка кончилась; хозяинъ хладнокровно принялъ мои похвалы и предложилъ познакомиться меня въ одномъ домѣ, гдѣ я могъ бы слышать превосходнѣйшихъ пѣвицъ. Я извинился недосугомъ, раскланялся и ушелъ, не зная, что думаютъ о Графѣ Карелла (такъ звали хозяина) и его друзьяхъ Принцъ дель Бонфранелъ и Кавалеръ Карачіолъ, племянникъ славнаго Карачіоло. Николетто по возвращеніи на фрегатъ разсказалъ, что слуги Графа спрашивали у него о моемъ состояніи. . . . Я охотно извиняю дурное намѣреніе молодыхъ шалуновъ; ихъ любезность и шаланшы меня восхищали. Уже за полночь, прощайте, друзья; я насилу въ два дни описалъ то, что случилось въ одинъ.

14 Февраля. Всякой день передъ обѣдомъ, раздѣлившись на паршіи, переходимъ мы изъ саду въ садъ, или по прекрасной дорогѣ идемъ въ городъ или въ красивыя ближнія деревни. Сего дня я былъ въ двухъ садахъ, принадлежащихъ Дюку Делакеза, а другой Кавалеру. . . не упомяну имени. Въ первомъ собрано множество странностей. Тутъ есть пущыни, грошы, подземелья, обваливающіяся зданія и утесы, съ которыхъ можно спрыгнуть, не опасаясь ушибиться. Старый Дюкъ приготовилъ для себя на холмикѣ гробницу, богатую и мраморомъ, и

позолопою, и Лапинскими спихами. Садъ не великъ; нѣсколько шаговъ доспапочно, чтобы убѣдился въ семъ. Изъ цвѣтниковъ, расположенныхъ вокругъ дома, переходишь въ аллеи, надъ которыми самъ Дюкъ съ нѣсколькими работниками прудится, чтобы лишить ихъ послѣдней тѣни и вырыть на остальномъ пространствѣ ямы, дабы садъ могъ быть названъ оригинальнымъ.

Второй садъ несравненно простѣе. Не видно въ немъ замысловатыхъ причудъ, а только вкусъ, искусство и большіе труды хозяина. Море, огромная гора Пелегрини, прелестныя окрестности и самая Палерма, представляющъ вокругъ сада разнообразныя ландшафты. По прекрасной аллеѣ, выходя изъ сада, встрѣтились мы съ худо одѣтымъ человекомъ безъ шляпы и съ проточкою въ рукахъ. Когда онъ прошелъ, Николетто сказалъ намъ, что это одинъ изъ знатнѣйшихъ и богатыхъ вельможъ въ государствѣ, лишившійся ума. Впереди и сзади его шли въ опдаленіи по двое слугъ въ богатыхъ ливреяхъ. Бѣдный спрдадецъ, по видимому, лишившись употребленія всѣхъ чувствъ, мало говоришь, ничего не понимаетъ, что вокругъ его происходитъ, и никогда не пребудетъ пищи. Часто въ одномъ жилетѣ, безъ чулокъ, въ башмакахъ, иногда и босикомъ, обык-

новенно бродитъ онъ близъ сего сада и давно уже влачитъ странническую жизнь, убѣгаетъ своего дома, и охотнѣе отдыхаетъ въ чужомъ. Въ городѣ всѣ его знаютъ; бѣдные люди, коимъ онъ прежде благопоторилъ, охотно предлагаютъ ему свои услуги. Сумасшествіе его произошло отъ суровости одной красавицы; вотъ рѣдкость въ здѣшнемъ климатѣ! и здѣсь любовь и женщины доводятъ до бѣды! Мы возвратились назадъ, и, въ другой разъ встрѣтившись съ бѣднымъ спрадальцемъ, поклонились ему съ уваженіемъ; онъ не обратилъ на насъ ни малѣйшаго вниманія; но когда вздохъ, вырвавшійся у меня отъ сожалѣнія, былъ имъ услышанъ, онъ остановился, обратилъ глаза къ небу, потомъ сѣлъ подъ дерево, склонилъ голову на грудь и не хотѣлъ отвѣчать на наши вопросы. Мы оставили его въ покоѣ.

Палермо, 15 Февраля.

Мнѣ вздумалось поклониться гробу св. Розаліи, находящемуся на горѣ Пелегрино. Три бишыхъ часа съ великимъ трудомъ всходилъ я на гору и съ каждымъ шагомъ впередъ открывались новые, отдаленные, восхищительные виды. Обширная Палермская долина, распростирающаяся у подошвы сего дикаго утеса, представляетъ разнообразныя предметы. Разсѣлина горы, гдѣ

было найдено непѣнное тѣло святой, украшена съ великолѣпіемъ, подлинно царскимъ. Съ должнымъ уваженіемъ поклонившись серебрянной ракъ святой, которой мощи хранящся въ городской соборной церкви, и въ самомъ гробѣ наполнивъ спжляночку водою, подобно прочимъ пилигримамъ, съ посохомъ въ рукахъ возвратился въ городъ. Не смотря на чрезмѣрный жаръ и усалоспъ, признаюсь, я былъ очень доволенъ своимъ набожнымъ подвигомъ.

Чипали ль вы что нибудь о сей великой покровительницѣ сполиты Сицилійской? Г. Бридоне, одинъ изъ извѣстныхъ Англійскихъ путешественниковъ, описываетъ торжествъ, совершаемое въ Палермѣ въ честь ея, удивленія достойнымъ образомъ. Дабы дать вамъ полное понятіе о семъ, я буду говорить его словами.

«За десять дней до начатія торжества, всѣ художники, масперовые, можно сказать весь городъ, занимающся приуготовленіями. По обѣ стороны главныхъ улицъ, по краямъ пропуаровъ спавяпъ колонны, пирамиды, арки изъ дерева, раскрашенныя и испещренныя искусственными цвѣтами и успавленныя разноцвѣтными спаканчиками. Средняя площадь, особенно фоншанъ и четверо городскихъ воротъ, составляющихъ главные

пункты иллюмінації, украшаються велико-
льпнїйшимъ образомъ. Посреди Марино
(набережная) сооружается круглый храмъ
съ прекрасною колоннадою; прошиву онаго
спавяпся плопы для двухъ фейерверковъ.
Самое лучшее украшеніе сего поржеспва
есть огромная пріумфальная колесница.
Судя по величинѣ оной, подумать можно,
что она должна навсегда оспаться на мѣ-
стѣ, гдѣ спроишся. Сія огромная машина
занимаеиъ всю ширину Толедскаго проспек-
та; вѣ длину проспираеиъ на 10, а вѣ вы-
шину до 12 саженой, такъ, что вершина ея
споишъ выше огромнѣйшихъ домовъ вѣ Па-
лермѣ. Нижняя ея часть подобна галерѣ, а
верхъ пирамидѣ. Вѣ кормовой части, нѣ-
сколько округленной, на шести прекрасныхъ
Коринѣскаго ордена сполбахъ успроивает-
ся круглый храмъ, покрытый куполомъ, на
коемъ ушверждаеиъ исполинская серебря-
ная спашуя св. Розаліи; края же купола
украшаються множеспвомъ фигуръ свяпыхъ
и Ангеловъ. Вся машина опъ верху до низу
успавляеиъ цвѣтами вѣ горшкахъ, поме-
ранцовыми деревами и другими разнаго рода
украшеніями.»

«Освѣщеніе соборной церкви почиается
жишелями важнѣйшимъ предметомъ. Каж-
дая церковь вѣ городѣ, каждый алтарь, осо-
бенно главнопреспольный, украшаються со

вкусомъ и великою роскошію. Окны домовъ на большихъ улицахъ заспанавливаються прозрачными карпинами; на краяхъ крышекъ домовъ и церквей вѣшается безчисленное множество разноцвѣтныхъ фонарей съ восковыми свѣчами; наружныя стѣны успаваются хрустальными лампадами. Удивленный споль великими пригопвленіями, я съ большимъ неперпѣніемъ желалъ видѣть сію чудную иллюминацію.»

«12 Іюля около пятого часа по полудни начался праздникъ. Окны, балконы и крыши домовъ на Толедо были наполнены зрителими. Тріумфальная колесница св. Розаліи, запряженная попарно 56 сильными лошадьми, послѣдуемая эскадронами всадниковъ и знаменѣйшими вельможами въ древнихъ дорогихъ одеждахъ, обшитыхъ золотомъ и усыпанныхъ бриліантами, наконецъ двинулась. Тысячи народа сопровождали ее громкими восклицаніями. Процессія на каждахъ 50 или 60 шагахъ останавливалась, и оркестръ музыки, помѣщенный въ храмъ, въ задней часпи машины успроенный, похвальною пѣснею славилъ свяшую. Сей огромный, движущійся замокъ продолжалъ шествіе свое по Толедо отъ морскихъ до вѣшнихъ воротъ около трехъ часовъ; потомъ началось освѣщеніе Марино.»

«Ночь была столь тиха, что ни одной
 плашки не погасло. Иллюминація подлинно
 была прекрасна и выше всякаго описанія.
 Посреди великолѣпнаго освѣщенія удивлен-
 нымъ глазамъ моимъ предсталъ Греческой
 архипектуры храмъ, наполненный вмѣсто
 древнихъ божествъ Вицероемъ и знамени-
 тѣйшимъ дворянствомъ. Пропиву онаго, на
 морѣ, возвышались огромные черпоги, укра-
 шенные колоннами, арками и различными
 профеями и армашурами. Всѣ галеры, ше-
 беки и другія военныя суда поспавлены
 были вокругъ сихъ черпоговъ. Предъ заж-
 женіемъ фейерверка пальба съ крѣпостей и
 военныхъ судовъ продолжалася болѣе полу-
 часа, потомъ вдругъ, какъ бы дѣйствіемъ
 волшебства, черпоги въ одно мгновеніе за-
 пылали разноцвѣтными огнями. Въ пред-
 двѣрїи черпоговъ водометы изливали сребри-
 стый огонь; спѣны горѣли палевымъ, окны
 пурпуровымъ, и такъ далѣе.»

«Вдругъ, столь же нечаянно, какъ загорѣ-
 лась первая декорація, возлѣ черпога явился
 садъ съ горящими пальмовыми и померанцо-
 выми деревьями, вазами и спашуями. множе-
 ство вылепѣвшихъ изъ оконъ догоравшаго
 черпога солнцъ, звѣздъ, бураковъ, огнен-
 ныхъ шаровъ и болѣе 40,000 ракетъ, въ
 короткое время погасили огни и спроенія

сіи по окончаніи Марсова огня не примѣтно исчезли.»

«Въ продолженіи фейерверка градскій пре-порѣ Герцогѣ Каспеллано угощаль на свой щетѣ дворянѣ, имѣвшихъ билеты для входа въ большой храмѣ. Богатѣйшіе люди попере-мѣнно каждую ночь угощали приглашен-ныхъ и старались одинѣ другаго превзойти вкусомъ и изобиліемъ кушаньевъ и прохла-дительныхъ напитковъ.»

«По сожженіи фейерверка, Вицерой въ ве-ликолѣпно освѣщенной галерѣ опсправился въ море. Галера, движимая 42 веслами, бы-спро лепѣла по гладкой поверхности водѣ, копорья, приѣмля блескъ прекрасно освѣ-щеннаго корабля, казалось, пламенѣли. Когда галера нѣсколько удалилась отъ берега, то представила собою очаровательное зрѣлище. Матрозы гребли въ тактѣ по духовой му-зыкѣ. Рожки, бубны и трубы въ опдале-ніи соспавляли удивительно согласную гар-монію.»

«Увеселенія перваго дня окончились про-гулкою по Тоledo, копорая, если только можно, была освѣщена еще великолѣпнѣе, нежели Марино. Два ряда, или лучше, двѣ спѣны' длиною до 4 верстѣ, представляли двѣ непрерываемыя линіи блистательнѣй-шихъ цвѣтовъ. Вдали огни шакѣ сливались,

что Палерма, казалось, была объята пламенем. Два ряда каретъ послѣдняго вкуса, наполненныхъ прекрасными женщинами и ихъ кавалерами, кружились посреди сихъ волшебныхъ огней. Блиспавшая на всѣхъ лицахъ радость сообщила и мнѣ чужестранцу такое удовольствіе, котораго не могло вмѣщать мое сердце. Я охотно повергся бы предъ св. Розалією, дабы возблагодарить ее за содѣланіе столь великаго числа людей благополучными и довольными. Около двухъ часовъ ночи экипажи разбѣхались, и каждый возвратился домой.»

«Веселости вѣчераго дня начались риспаніемъ, при раза повтореннымъ. Одна изъ большихъ улицъ, называемая *иль Корсо* (*), была покрыта на 4 вершка пескомъ. Шестъ лошадей Варварійскихъ и лучшихъ Сицилійскихъ породъ, безъ сѣделъ и уздъ, покрытыя шелковыми попонами, управляемые 12 лѣтними легко и прелестно одѣтыми мальчиками, пустились въ бѣгъ по пушечному выспрѣлу, произведенному у воропъ Феличе. Къ удивленію моему изъ мальчиковъ, которые на всемъ скаку держались только за гривы лошадей, ни одинъ не упалъ, и лошади безъ понужденія спремившіяся въ бѣгъ изъ всѣхъ силъ, никого не раздавили, хотя

(*) Улица риспализцъ.

улица во всю длину свою набила была народомъ.»

«Побѣдителя, котораго лошадь упредила прочихъ, везли въ пріумфѣ на позлащенномъ о двухъ колесахъ фаetonѣ: выигрышъ, состоящій изъ куска шелковой матеріи, несли передъ нимъ на показъ народу.»

«При наступленіи ночи большія улицы такимъ же образомъ освѣщены были, и дворянство нынѣшній день собиралось у Архіепископа. Около десятого часа торжественная колесница возвратилась обратно, на Марино. На сей разъ машина освѣщена была большими восковыми свѣчами и представляла дѣйствительно спящий видъ: иной почелъ бы оную за волшебный по воздуху плывущій замокъ.»

«Дабы не наскучить читателю, прохожу молчаніемъ претій день, который, исключая нѣкоторыхъ переменъ, былъ подобенъ первому, я останавлиюсь на четвертомъ.»

«Въ сей день торжество началось также бѣгомъ; собраніе же дворянства было у Штапскаго Совѣтника, коего чинъ и достоинство въ большемъ здѣсь уваженіи. Сей вельможа угощалъ насъ съ такою же роскошію, какъ и другіе; музыка и пѣвцы были у него лучшія. Около одиннадцати часовъ ночи

Вицерой, въ сопровожденіи всего общества, отправился пѣшкомъ на среднюю площадь, а опшуда въ соборную церковь. Не смотря, что опѣ иллюминацій было свѣтло, какъ днемъ, каждого дворянина сопровождали двое слугъ съ большими восковыми свѣчами.»

«Какъ скоро Вицерой достигнулъ площади, чепыре оркестра заиграли симфонію, и продолжали, пока онѣ не ушелъ. Глухія стѣны безъ оконъ обращенныхъ къ площади домовъ украшены были обоями, спашуями и искусственными цвѣтами, опѣ чего приняли совсѣмъ иной видъ, и вмѣстѣ съ двумя главными улицами, крестомъ на площади сходящимися, являли взору прелестное зрѣлище. Чепверо гошическихъ воротъ, освѣщенныхъ разноцвѣтными огнями, ограничивая зрѣніе, изумляли взоръ. Не возможно описать дѣйствія, произведеннаго симъ величественнымъ явленіемъ; оно превосходитъ всякую вѣроятность. Башни надъ воротами со вкусомъ были убраны профеями и гербами: Неапольскимъ, Сицилійскимъ и Испанскимъ.»

«По мѣрѣ приближенія нашего къ соборной церкви народная толпа густѣла, увеличивалась, и намъ бѣзъ присутствія Вицероя не возможно было бы въ оную войши. Большія двери главнаго входа предъ нами опво-

рились, и я, ступивъ на порогъ, при первомъ взглядѣ подумалъ, что церковь горитъ; попомъ осмопрѣвшись, не могъ выбрать предмета, коимъ былъ бы достоинъ болѣе моего вниманія. Въ чрезвычайномъ удивленіи, обращаясь то въ ту, то въ другую сторону, я не боялся показаться страннымъ, и хопя скоро замѣтилъ, что глаза всего дворянства на меня обратились, продолжалъ любоваться окружающими меня предметами. Имъ конечно было пріятно видѣть мое изумленіе; но оное было пусто и у мѣста и справедливо. Прежде сего я не вѣрилъ, чтобы человѣческое искусство могло чтонибудь произвести чрезвычайно великолѣпное; но здѣсь долженъ былъ повѣрить собственнымъ глазамъ. Стѣны церкви, украшенныя цвѣтами, фольгою, множествомъ зеркалъ различныхъ цвѣтовъ; двадцать восемь алтарей, особенно главный, обложенные золотомъ и драгоценными матеріями, сами собою могли бы изумить распочительнѣйшаго Царя; но представьте себѣ десять тысячъ большихъ восковыхъ свѣчъ, и какъ меня увѣряли, почти столько же хрустальныхъ лампъ, вдругъ зажженныхъ, и вы должны со мною согласиться, что едва ли возможно вообразить величественнѣе и роскошнѣе сего зрѣлища. Оное дѣйствительно превосходило не только все то, что прежде мнѣ

случалось видѣшь; но даже и то, что могъ бы и самъ придумать. Арабскія сказки, вымышленные замки волшебниковъ, и самое освѣщеніе купола церкви св. Петра въ Римѣ, ничто въ сравненіи съ симъ храмомъ солнца. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, къ сожалѣнію я не долго могъ наслаждаться симъ рѣдкимъ явленіемъ. Жаръ отъ свѣчъ былъ столь несносенъ, и преломленіе огней на зеркалахъ столь пѣгоспно глазамъ, что я принужденъ былъ выйти. Стоило ли труда распочать столь много золота, дабы доставить зрителямъ удовольствіе, только нѣсколько минутъ продолжающееся.»

«Въ пятый и послѣдній день праздника всѣ городскія улицы были освѣщены, и дворянство по прежнему угощалось въ домѣ Препора. Праздникъ окончился большою процессіею, состоявшею изъ десяти машинъ, изъ коихъ нѣкоторыя были вышиною до восьми съ половиною сажень. Машины сіи представляли храмы, скинии и пр. . . и столь же великолѣпно украшены были, какъ колесница св. Розаліи. Восковыя же статуи Ангеловъ и Святыхъ въ человѣческій ростъ такъ превосходно были вылиты и съ такимъ вкусомъ одѣты въ шпофныя плашья, что казались дѣйствительно живыми.»

«Позади десяти огромныхъ машинъ при-
цапъ шесть знатнѣйшихъ гражданъ несли
въ сопровожденіи самаго Архіепископа мо-
щи св. Розаліи въ тяжелой серебряной
вазѣ. Едва процессія достигла средней пло-
щади, какъ воды прекраснаго фонтана, на
оной находящагося, обратились въ огнен-
ныя каскады, копорыя во всѣ стороны из-
вергали разноцвѣтный огонь. Лучи огня
сихъ, проникая чрезъ воду, дробились, умно-
жались и составляли испинно прелестныя
радуги. Огненный фонтанъ, весьма искусно
устроенный позади падающей воды, догорѣвъ
до шлага, произвелъ весьма сильный выш-
рѣлъ, возвѣстившій объ окончаніи торже-
ства. Во всемъ многочисленномъ собраніи
слышны были взаимныя дружескія проздрав-
ленія съ окончаніемъ празднества, и бытъ
можетъ, нѣкоторые были довольны онымъ
сполько же, сколько были рады начатию.»

«На другое утро, когда фигуры сіи раз-
возили въ каретахъ по монастырямъ, гдѣ
ихъ дѣлали монахини, я не будучи близору-
кимъ, счелъ оныя за дамъ, вѣхавшихъ въ на-
рядныхъ плащяхъ ко Двору, и при проѣздѣ
учтиво имъ кланялся. Нѣкоторые изъ мо-
ихъ пріятелей, желая позабавиться на
счетъ моей ошибки, когда приближалась ка-
рета съ спатуями, говорили мнѣ: вошъ

Принцесса Паперно, а это Герцогиня Виллафранко и пр., словомъ, я уже опвѣсилъ съ полдюжины пренизкихъ поклоновъ, какъ сіи насмѣшники, не могши продолжашъ шутки, начали смѣяться опъ чистаго сердца, и увѣряли меня, что я теперъ подлинно могу назваться усерднымъ Каполикомъ: ибо все упрѣ преклонялся предъ святыми и Ангелами.»

П а л е р м о.

19 Февраля. Корабль Прасковія, опвезшій изъ Неаполя въ Каглиари Сардинскаго Короля, пришелъ нынѣ съ Англійскимъ кораблемъ на рейдъ.

Командоръ Сорокинъ приказалъ намъ выпши на рейдъ и изгошовишъся къ опправленію въ Мессину; но въ продолженіе прехъ дней дулъ крѣпкій прошивной сѣверо-западный вѣтръ, которымъ развело такое жестокое волненіе, что не только писашъ, но даже ходишъ было невозможно. Я обѣщалъ сообщашъ вамъ и малыя подробносши, но опъ разсѣянія и другихъ причинъ нѣсколько дней не могъ приняшъся за перо. Тѣмъ лучше для меня: ибо не такъ скоро наскучу вамъ моими разсказами.

Мнѣ не удалось поговоришъ съ вами о Королевскомъ дворцѣ, которой снаружи по-

ходитъ на старинную крѣпость. Передній его фасадъ въ два этажа, очень простой архитектуры, а въ длинныхъ крыльяхъ и связяхъ даже выбиты стекла. Дворецъ находится у самого выѣзда изъ города; передъ нимъ обширная площадь украшена прекраснымъ монументомъ, состоящимъ изъ четырехъ фигуръ. Жаль, что площадь очень засорена и сіе изящное произведение скульптуры оспается непримѣтнымъ. Внутреннее убранство покоевъ, какъ говорятъ, великолѣпно; въ немъ хранятся всѣ Геркуланскія и Помпеанскія сокровища; множество уборовъ привезено изъ Неаполя. Надѣялся должно, что наружность дворца вскорѣ будетъ приведена въ порядокъ.

Въ центрѣ города замѣчанія достойнъ огромный фонтанъ; но не буду что сѣсненъ кругомъ задними фасадами домовъ. Подлѣ его женскій монастырь св. Цициліи. Богатые убранства церкви и соразмѣрность архитектуры отвѣсствуютъ вкусу и великолѣпію. Въ немъ находится одна Русская монахиня, прекрасная, несчастная и молодая: такъ описалъ ее Капелланъ церкви, который предлагалъ намъ видѣться съ нею; но мы отказались по той причинѣ, чтобы она не приняла нашего посѣщенія за упрекъ

въ ошступленіи отъ вѣры (*). Въ самомъ дѣлѣ съ нашей стороны было бы жестоко присущствіемъ своимъ напомнить ей и прежнія нещасія, и, бытъ можетъ, безразсудный обѣтъ. Ее зовутъ мамеръ Елена, а фамиліи никто не знаетъ.

Палерма не обширна, столько же богата нищими и монахами, какъ Неаполь; но по своимъ зданіямъ гораздо онаго прекраснѣе и великолѣпнѣе по церквамъ. Улицы вездѣ прямыя и довольно широкія, пересѣкающіяся на крестѣ, вымощены большею частію мраморомъ. Роскошь дворянства и безпечность черни, видимое избыточество произведеній, составляютъ главную принадлежность сей прелестной столицы, преданной Королю. Неаполистанцы почиаются здѣсь измѣнниками и предашелями.

20 Февраля. Послѣ бури наступила тишина, время выяснилось и природа явилась въ прежнемъ своемъ блескѣ. Мы свѣхали на берегъ, и пошли въ городъ на удачу, вышли на бишую дорогу, и шедши все прямо,

(*) Жаль! мнѣ кажется, должно бы полюбопытствовать и спросить, по крайней мѣрѣ, у Капеллана, какъ Руская сюда попала.

очутились на зеленомъ лугу; миновавъ оной, пошли по узкой пропинкѣ, по обѣимъ сторонамъ коей были сады съ лимонными деревьями. Грязь отъ вчерашнихъ дождей принудила повернуть въ сторону; и потомъ слѣдуя по теченію ручья, мы уже поздно достигли города, до полуночи просидѣли въ пракширѣ и ворошились на фрегатѣ. Если бы вся Сицилія была такова, каковы окрестности Палермы, то островъ сей былъ бы наипрекраснѣйшій въ свѣтѣ. Все прекрасное кончилось въ Палермѣ, всякая похвала возможна только для нее; но далѣе, за сею чершою, Сицилія представляеѣ неуспройство, слѣды непросвѣщенія. Не смотря на множество рѣчекъ, отъ дождей спановящихся очень быспрыми и глубокими, нѣтъ мостовъ, дороги только для муловъ, и какія дороги! Труды Діона и добраго Гіерона давно исчезли. Всѣ поэмы украшены лаврами и миршами, которые на самомъ дѣлѣ нигдѣ такъ не хороши, какъ въ звучныхъ стихахъ. Сицилія также ими покрыта и, къ удивленію моему, не сдѣлалась отъ сего лучшею. Я видѣлъ здѣсь цѣлые лѣса лавра и мирша, и прошу извиненія у Венеры и Аполлона, наши совсѣмъ не поэтическіе куспарники ничѣмъ ихъ не хуже.

21 число. Провелъ на кораблѣ Прасковіи: сказывать ли вамъ о томъ произшествіи,

которое не всегда должно и можно повѣрять бумагѣ. И такѣ пусть оно останется тайною для всѣхѣ, для друзей же только до свиданія. Люди, обиженные природою, по простотѣ своей бывають опаснѣе людей умныхѣ. Я полагаю, что поступки первыхѣ зависяють отѣ живошнаго инстинкта: большаго отѣ нихѣ и претбовать не должно; но съ мужами, одаренными разумомѣ, почтиающими коварство и лести понокспію ума, надобно обходиться какѣ съ огнемѣ. Со мной сбылась пословица: съ богатымѣ не шаянись, а съ знашнымѣ не водись; ошибка на моей сторонѣ.

На пути въ Мессину.

24 Февраля. Въ 10 часовѣ ухра мы распались съ прекрасною Палермой, долго зеленѣлись окружающія ея долины и поля, наконецѣ все изчезло въ опдаленности, и мы остались между небомѣ и водою. Эта перемѣна обыкновенно наводитѣ скуку; но какѣ сельскіе жишели привыкають къ красотамѣ природы, такѣ и мы обыкшіе къ морю, напропивѣ не понимаемѣ, почему единообразный видѣ онаго сполько устрашаетѣ въ первой разѣ по оному плавающихѣ.

Вѣ потѣ самый моменѣ, какѣ транспортѣ Курьерѣ, на кошоромѣ привезенѣ

былъ въ Палерму Министерской экипажъ, проходилъ мимо насъ, вдругъ вѣтръ зачихъ; судно уже было такъ близко, что зацѣпившись изломало у насъ ушлегаръ (*). Командиръ онаго Лейтенантъ Ольденбургъ, приѣзжавшій къ нашему Капитану по должности, спѣшилъ опираться назадъ, но по неосторожности оступившись на лѣспницѣ, упалъ въ воду. Люди, бывшіе на шлюпкѣ, ошоропѣвъ, не успѣли схватить его у борща, а когда опвалили, то преломленіе солнечныхъ лучей на водѣ препятствовало видѣть своего Командира. Одинъ матрозъ изъ усердія бросился въ воду, но самъ скоро спалъ понушь; пока его спасали, Ольденбургъ благополучно доплылъ до корабля Прасковіи, бывшаго у насъ подъ вѣтромъ.

25 Февраля. Шпиль продолжался во все утро; предъ полуднемъ задулъ легкій вѣтерокъ, съ которымъ къ вечеру пришли на видъ Спромболи. Волканъ сей молчалъ; Эшна скрывалась въ облакахъ. Долго и напрасно дожидалъ я изверженія, наконецъ сошелъ въ свою каюту и мнѣ вздумалось обратишь ваше вниманіе на слѣдствіе нынѣшней войны и на характеръ Королевы.

(*) Ушлегаръ составляетъ подвижное продолженіе наклонной мачты, на носу корабля лежащей и Бушприпомъ называемой.

До сего времени всѣ усилія Французовъ взять Гаету остались безплодными. Любезный нашъ Принцъ Филипсальскій частыми вылазками, упорнымъ защищеніемъ и опсправленіемъ на потѣ свѣтѣ по нѣскольکو десяшковъ и сопенъ непріятелей и своихъ храбрыхъ гренадеровъ, заслужилъ уже имя героя. Массена испощивъ всѣ усилія и опспажность, принужденъ былъ обратишь осаду въ блокаду, но онъ и въ семъ ошибеться; ибо Гаета съ моря свободно получаетъ все нужное. Напрошивъ того Наслѣдный Принцъ съ главною арміею въ Калабріи не можетъ держаться прошиву превосходнаго числа и продолжаетъ опспупать къ Реджіо. Изъ Палермы опсправлены были для развѣдыванія къ Неаполю фрегаты Сирена и корветъ Фама, оба прекрасныя. Они не доходя рейда, зашпилили опъ оплошности командировъ были взяты Французами, которые, посадя на нихъ войска, завладѣли опспровами: Искіею, Прочидою, Капри и другими. Опъ неудачь сихъ Неаполипанскій Дворъ въ крайнемъ уныніи; ложные слухи беспокоятъ народъ, преданный Королю и гошовый умереть за опспечество. Несчастный Король не имѣетъ силъ поправиться; одна Королева смѣло прошивуборспвуетъ неблагопріятспву судьбы, и въ ея твердости Сицилія найдетъ свое спокойствіе. Не смѣю

утверждаю, но думаю, что Французамъ не удастся завоевать Сицилію. Въ ней не найдутъ они измѣнниковъ, а эшаго уже и довольно. Если Французамъ удастся высадить войска въ Сициліи, не знаю, будемъ ли мы защищать ее, или останемся только зрителями. Войска наши теперь въ Корфѣ; часть оныхъ съ Генераломъ Ласси отправилась въ Россію, хотя новый Главнокомандующій Синявинъ тому и прошивился. Пусть Монархи спараются объ общемъ порядкѣ, о благоденствіи Европы; мое дѣло исполнять то, что прикажутъ. Съ неперпніемъ ожидаю перваго выспрѣла; я готовъ усердно убивать всякаго недоброжелателя и врага моему Императору.

М е с с и н а.

26 Февраля. Сей часъ положили мы якорь въ Мессинской гавани, и я спѣшу къ прекрасной Маріани. Она приняла меня, какъ нельзя лучше, но не подумайте, любезные друзья, чшобы я уже былъ въ нее влюбленъ; я посѣщаю чаще другихъ кофейный ея домъ, кажется, только пошому, что оный ближе къ пристани. Впрочемъ въ ея соспояніи слово любовь не сущесвуемъ, и всѣ усилія ея любезности внушаютъ мнѣ одно холодное удивленіе. Спрансвуя по морямъ, я опыкъ опъ привязанности къ женщинамъ;

сердце мое совершенно свободно ; а если иногда и бываюшѣ такія вѣпрѣчи, такѣ это на нѣсколько часовѣ или много недѣль.

Марта 4. Всѣ дни провождалѣ я на фрегатѣ, и вѣ хорошую погоду сѣ товарищами прохаживался вѣ окрестностяхѣ Мессины, и хошя оныя не такѣ прекрасны, какѣ окрестности Палермы, хошя вѣ нихѣ не увидишѣ такихѣ превосходныхѣ мѣстоположеній, садовѣ и домиковѣ : но видѣ Калабріи и пролива, покрышаго входящими и выходящими кораблями, доставляешѣ не малое удовольствіе. Иногда взобравшись на возвышенность, копорая у насѣ почлась бы горою, а здѣсь, вѣ сравненіи сѣ другими, составляешѣ небольшой толькѣ холмѣ, я обращаю взорѣ вокругѣ и люблюсь разнообразіемѣ предметовѣ. Возвращаясь вѣ городѣ, нахожу у Маріанны стаканѣ добраго лимонаду или умѣренный ужинѣ. Сидя вѣ ея кофейной лавкѣ, слушаю и мѣшаюсь вѣ разговоры моряковѣ, всякой день кѣ ней собирающихся ; или наконецѣ забавляюсь, то сѣ ея малюшкой, то сѣ попугаемѣ, сѣ копорыми не такѣ легко поладить, какѣ сѣ нею. Желаю и вамѣ, друзья мои, если случится спранспрововатѣ, находишѣ такое же препровожденіе времени, копорое, также какѣ и мнѣ, приносило бы удовольствіе. Карамзинѣ правду сказалѣ:

Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ най-
детъ.

Я стараюсь сему слѣдовать, и иногда нѣ-
сколько дней сряду живу съ собою мирно,
около себя все нахожу пріятное; иногда же
очень отъ сего далекъ. Хотѣлъ бы испра-
виться, но сіе мнѣ не всегда удается.

5 Марта. Наслѣдный Принцъ сего дня
приѣхалъ изъ Калабріи вмѣстѣ съ нашимъ
Министромъ. Я встрѣтилъ ихъ въ то самое
время, какъ они выходили на пристани. За-
тѣсною не удалось мнѣ видѣть Принца
въ лицо. Народъ толпами бѣжалъ, безпре-
спанно восклицая: да здравствуетъ Ферди-
нандъ! да здравствуетъ Королевское семей-
ство! На главной площади, по которой на-
добно было ему проходитьъ, стояли войска,
а напрошивъ въ нѣсколько рядовъ распо-
жены были глиняные горшки, начиненные
порохомъ, употребляемые здѣсь для Мар-
сова огня. Едва Принцъ спалъ подходишь
къ назначенному для пребыванія его дому,
войска сдѣлали на караулъ, а горшки пре-
скомъ своимъ изобразили барабанный бой.
Я любопытствовалъ, какъ это дѣлается:
самый малый горшокъ былъ въ 4 дюйма, а
большіе въ одинъ и полтора футовъ. Мѣра
или такта соблюдается помощію разстоя-

ній, а підвищеніє и пониженіє звуковъ величиною горшковъ. Видъ оныхъ циліндричєскої, на днѣ запалъ.

6 Марта. Сей часъ прислано намъ повелѣніє со всѣми Рускими купеческими судами ипши къ Реджіо для забранія Неаполитанскаго войска. Мы спѣшимъ, снимаемся, и миѣ нѣкогда долѣе съ вами бесѣдовать.

Р е д ж і о, 7 Марта 1806.

Вчера мы подошли къ Калабрскому берегу. Ночью я ѣздилъ извѣспить о нашемъ прибытіи старшаго Неаполитанскаго Генерала. Войска безпрерывно приходили къ берегу и садились на гребныя суда, кои поспѣшнѣе перевозили ихъ въ Мессину. Въ одной крєстьянской избѣ нашелъ я лежащихъ на соломѣ болѣе 20 Офицеровъ, и между ими Генерала, опличавшагося только однимъ колпакомъ. Солдаты во всемъ вооруженіи, распянувшись, лежали на сырой землѣ; мѣстами какъ звѣзды горѣли костры сухихъ дровъ; лошади связанные и согнанныя въ кучи, вокругъ бивуаковъ повѣсивъ голову и безъ корму, едва дышали. Клики солдатъ, обыскивавшихъ свои полки и рошѣ, и скрипъ незанятыхъ колесъ Артиллеріи и обоза доказывалъ совершенное разбитіє и безпорядокъ Неаполитанской арміи. Не взирая на шем-

ную ночь, при свѣтѣ фонарей поспѣшали переправлять ее въ Сицилію, всюду суеписались, и только топъ покоился, кто уже совершенно не въ силахъ былъ работать. Сія картина разспроеннаго, убѣгающаго отъ непріятеля войска, которое уступая только истощенію силъ, осмѣливается отдыхать, была для меня новымъ зрѣлищемъ.

На разсвѣтѣ оное сдѣлалось еще разительнѣе: множество носилокъ съ ранеными, на коихъ видна была запекшаяся кровь, офицеры въ пыли и грязи, солдаты безъ обуви, истомленные голодомъ и робкіе отъ неудачи, тѣснились въ безпорядкѣ вокругъ гребныхъ судовъ. Кавалерія была еще въ худшемъ положеніи: многіе рейтары безъ помощи другихъ не могли слезать съ лошадей и падали на правую замертво отъ усталости; лошади, избиныя до костей, издавали. Сердце сжималось отъ жалости; душа моя спрадала, видя, что не дѣлали никакихъ пригошовленій къ сохраненію разбитаго корпуса. Вышедши изъ сего сборища на мило впередъ, къ утѣшенію моему увидѣлъ, что здѣсь копали шанцы; небольшой отрядъ, не столько потерпѣвшій, стоялъ на позиціи. Вдали изрѣдка слышались пушечные выстрѣлы; но вскорѣ эхо умолкло; непріятель не смѣлъ, или не хотѣлъ продол-

жашь преслѣдованія и остановилъся на высотахъ; Неаполитанскій авангардъ спокойно сложилъ ружья въ козлы, что и меня успокоило.

Продолжая итти по дорогѣ, ведущей къ той сторонѣ, откуда ожидали непріятеля, повсюду видѣлъ я слѣдствія недавняго землетрясенія, копорыя часто здѣсь бывають: вездѣ представлялись пропасти, 'бугры' и большія пространства перерытой и перевернутой земли. Нѣсколько хижинъ стояли совершенно на боку, другія до половины какъ бы завязли въ землѣ, а иныхъ примѣны были только развалившіяся стѣны. Наружность сей земли съ моря представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ; деревья хотя большею частію стоятъ наклонившись, но еще не лишились жизни, почему и покрываютъ онѣ прекрасною зеленію землю, на самомъ дѣлѣ почти лишенную оной. На разстояніи двухъ миль не встрѣтилъ я ни одного жишеля; отряды Неаполитанскихъ войскъ разсѣянны шли къ зборному мѣсту. Уставши и не успѣвъ увидѣть передовыхъ Французскихъ постовъ, другою дорогою возвратился я назадъ.

Послѣ обѣда я согласился съ тремя товарищами итти въ городъ Реджіо, копорый отъ зборнаго мѣста былъ только въ $3\frac{1}{2}$ вер-

спахѣ. Дорога шла по берегу моря; въ нѣкоторомъ разстояніи высокія каменистыя горы, изрѣдка прикрытыя зеленью, стояли наклонившись; нѣсколько разрушенныхъ домовъ составляли предмѣстіе города. Дома разсѣянные, низменные и длинные, улицы кривыя, не мощенныя и грязныя, составляли самый Реджіо, нѣкогда славный, а нынѣ ничтожный и защищаемый небольшою чепвероугольною крѣпостью, въ коей только двѣ башни къ морю вооружены пушками, съ сухаго же пущи стѣны мѣстами преснули, а самыя ворота развалились. Посреди незначущихъ зданій возвышается древней Греческой архитектуры огромная церковь, съ куполомъ покрытымъ свинцомъ. Замѣтишь должно, что храмы западной церкви покрывались оспроконечными безобразными крышами, а восточной великолѣпными куполами, какъ бы на воздухъ повѣшенными. Реджіо расположенъ близъ песчаного мыса, осѣненнаго деревьями. Не смотря на низменность, глубина позволяетъ и большимъ кораблямъ проходить подлѣ онаго. Въ Реджіо можно брать лоцмановъ (*) только до пролива, ибо оныя, по прїѣздѣ Королевскихъ

(*) Проводникъ корабля, знающій направленіе и глубину фарватеровъ; также положеніе и входы въ гавани.

поселенныхъ у маяка, обязаны имъ сдавать корабли для выводу оныхъ въ море.

Мы зашли отдохнуць въ худую харчевню, копорая называется лучшимъ кофейнымъ домомъ въ городѣ. Сидя у окна, я видѣлъ предъ собою ужасныя слѣдствія войны: несчастные жилили въ опчаяніи и спрахѣ спрашивали вспрѣчающихся, далеко ли Французскія войска? продолжаютъ ли сражаться Калабрійцы? никпо по видимому не хотѣлъ покориться пришлецамъ, никпо и слышать не хотѣлъ ужаснаго для ихъ имени Іосифа, пожалованнаго Королемъ; но къ удивленію моему никпо не думалъ о защищеніи. Всѣ, хопя блѣдные опъ спраха, съ восклицаніемъ: да здравствуетъ Фердинандъ! спѣшили съ имущесствомъ на лодки, и перѣзжали въ Сицилію. Плачь женщинъ и вопли дѣтей раздирали мою душу. Я не могъ смотрѣть на сіе прагическое явленіе, и возвращаясь къ зборному мѣсту, былъ погруженъ въ мрачную задумчивость.

Солнце заходило, море было шихо, грозныя пучи скоплялись на сѣверѣ, по проливу бѣлѣлись паруса, опдаленныя Калабрійскія горы сизѣли, Сицилійскія крыши были багрянцемъ. Видъ восхищительный, совершенно сходствовавший съ расположеніемъ моего духа, и пошому сдѣлавшій на меня

глубоке впечатлѣніе. Я мечталъ , что шучи, скоплявшіяся на сѣверѣ , означають грозныя силы сѣвера , должны спвующія успокоить южную Европу и освѣтитъ ее свѣтомъ , видимымъ мною на Сицилійскихъ горахъ ! Ахъ ! если бы угодно было Богу дать мнѣ силу исполиновъ , я готовъ былъ однимъ ударомъ погубить полчища Наполесна.

8 Марта. Къ довершенію вчерашняго впечатлѣнія, вотъ что случилось ночью. Около 9 часовъ вечера жестокимъ шкваломъ (*) фрегатъ попалъ въ якоря, который задержалъ уже весьма въ близкомъ разстояніи отъ берега. Вѣтръ усиливался, а съ нимъ и печеніе становилось быспрѣе. Суда, на которыя были посажены войска, стояли отъ берега далѣе пушечнаго выспрѣла. Непріятеля ожидали съ часу на часъ ; барказъ, на которомъ могли бы завести спановой якорь и на немъ опшянуться, былъ въ Мессинѣ съ солдатами. Офицеръ, посланный на шлюпкѣ просить помощи у Капитана Англійскаго фрегата Авроры, привезъ отказъ, и мы потерявъ время, были въ опасномъ положеніи. Непріятель, поставивъ нѣсколько пушекъ за стѣною , удобно бы могъ насъ бить , стрѣляя вдоль фрегата, а мы могли защи-

(*) Порывъ вѣтра.

щасься съ кормы только двумя пушками, и по невѣрнымъ возвышенными выспрѣлами.

Вспутивъ на вахшу, я взялъ два барказа съ купеческихъ судовъ, и на одинъ пошчасъ положилъ канатъ. Ночь была темная, вѣпръ очень крѣпкій, печеніе неимовѣрно быстрое. При такихъ обстоятельствѣхъ я сомнѣвался, чшобы барказъ съ купеческаго судна могъ поднять якорь. Капитанъ былъ боленъ, слѣдсвенно вся отвѣспвенность оспавалась на мнѣ; но чшобы быть правымъ, я долженъ былъ на сіе опважиться, какъ на послѣднее средство къ спасенію фрегата, ибо на одномъ якорѣ споятъ было не надежно. И пакъ я приказалъ спускатъ якорь на барказъ, и въ тоже время около его поставилъ гребныя суда съ фонарями. Спасительная мысль! едва якорь коснулся барказа, крики: спасите! помогите! барказъ опрокинуло! привели меня въ ужасъ, оцѣпенѣніе. Я приказалъ бросатъ въ воду бочки, и что было подъ руками, и чуть самъ не выскочилъ съ поплавкомъ (*) за бортъ.

(*) Употребляется для спасенія упавшихъ въ воду, и пошому на каждомъ кораблѣ вѣшающіхъ за кормою, и держатъ во всегдашней готовности.

Теченіємъ быспро пронесло погибающихъ за корму и голоса ихъ вскорѣ умолкли. Въ неизвѣстности объ ихъ участи, въ опчаяніи, ломая руки и чувствуя сильное стѣсненіе въ груди, я бѣгалъ по палубѣ взадъ и впередъ, самъ не зная куда и за чѣмъ. Не военный судъ меня устрашалъ, но смерть 13 лучшихъ матрозовъ пягопила мою совѣсть. Наконецъ гребныя суда возвращающіяся, пристающіе: я не смѣю спросить, не смѣю опровергнуть рѣши; мучительное ожиданіе, отъ котораго зависѣла и честь и жизнь моя. Наконецъ рѣшаюсь, спрашиваю; слава Богу, никто не попонуль, всѣ спасены! мнѣ опвѣчающіе. Какое радостное чувство тогда меня обвѣяло! вамъ можно его понять, вы морскіе! Я бросился обнимать спасенныхъ: они благодарили меня отъ души, называли кто благодѣтелемъ, кто спасителемъ, кто милосердивцомъ. Удовольствіе мое было неизбъяснимо и стоило мнѣ не дешево; кровь ручьемъ полилась изъ носа, и сіе дѣйствіе слабаго моего сложенія спасло меня отъ большой бѣды: мнѣ и безъ того надобно было бросить кровь, ибо болѣе получаса я горѣлъ какъ на огнѣ, и не понималъ, что вокругъ меня происходило.

Едва я успѣлъ опомниться, вѣпрѣ обратился въ бурю, пошелъ проливной дождь, громъ и молнія попрысали и освѣщали небеса; не

было уже никакой возможности опьянеться. Приготовив башарей, поставив людей к пушкам и скрыв огонь, по необходимости должен был в сем опасном положении дожидаться утра. Завернувшись в шинель, я сел на фалконет, на самой корме утвержденный, и куря трубку, тщательно приглядывался и прислушивался, нет ли какого движения со стороны неприятеля. Ужасная ночь! ужасное положение вашего друга! быть на краю гроба от бури и быть принужденному еще сражаться, не ожидая никакой выгоды: этого слишком уже много. Вы можете себе представить, с каким нетерпением, с каким претепотом ожидал я утра и замечал малейшую перемену в облаках. Наконец, к счастью, ветер начал упасть, небо прояснившись, светлеть, и когда первые лучи восходящего солнца проникли туман, лежавший на вершинах гор, ветер сполько стих, что я без труда мог опьянеться и выйти из опасности. Французские посты стояли на ближних высотах; но они не прежде пронулись с места, как около полдня. Когда с последними судами вступили под паруса, тогда увидели мы густые колонны пехоты и конницы с распущенными знаменами и сияющими орлами входящая в Реджіо. И

такъ , всѣ права несчастнаго Фердинанда на Калабрию и на Неаполитанское Королевство кончились. Увы! вся Италія во власти Наполеона.

Мессина, въ часъ ночи, 8 Марта.

Подъ вечеръ мы спали на прежнемъ мѣстѣ въ Мессинѣ, и едва привязались къ набережной, я былъ уже на берегу. И здѣсь, какъ въ Реджіо, страшное смущеніе и суепа. Разбитыя войска не могли внушить довѣренности гражданамъ. Купечество болѣе всего беспокоилось о своемъ имуществѣ; не знали, куда бѣжать и какъ сохранить богатства; напропивъ того ремесленники и поселяне гласно требовали оружія и гошвы были умереть за отечество; требовали, чтобы начальники даны имъ были изъ своихъ единокровцевъ, а не Неаполитанскіе офицеры требовали, чтобы Англичане удалились въ Мальту, и желали, если нужна помощь, просить оной у Россійскаго Монарха. Правительство для успокоенія умовъ объявило о собраніи поголовнаго ополченія. Оное чрезъ три недѣли было кончено и состояло изъ 52 тысячъ, кромѣ 22 тысячъ регулярныхъ войскъ. Англичане принуждены были съ неудовольствіемъ на нѣкоторое время сдать крѣпости Королевскимъ Комен-

даншамъ. Неаполитанскія войска также опдѣлены были отъ Сицилійскихъ и переведены въ Палерму. Съ такою армією и при помощи нашего и Англійскаго флота, Французамъ, не имѣющимъ морской силы, не возможно и думать о завоеваніи острова.

Въ вечеру я пришелъ къ Маріаннѣ. Она также не рада была сосѣдству своихъ соотечественниковъ, и за ужиномъ убѣдительно просила меня доставить ей случай отправиться въ Россію и поселиться въ Одессѣ. Ея просьба привела меня въ удивленіе. Я не зналъ, что отвѣчать: ибо не имѣлъ никакой возможности взять ее съ мужемъ въ Корфу, а потомъ отправить въ Россію. Толковать, что у насъ не позволено брать женщинъ на корабли, было бы бесполезно и не у мѣста; сказать, что это не прилично: она бы не поняла меня; наконецъ, увѣрять, что молодой женщинѣ не должно пренебрегать общимъ мнѣніемъ и пересудами праздныхъ людей, значило бы оскорбить ея щеславіе, и посему я уклонился отъ отвѣта. Перо прищипилось, и я, не имѣя терпѣнія оное очинить, скажу вамъ: прощайте!

15 Марта. Время было непостоянное, и я, также какъ оно, колебался.

На этихъ дняхъ я познакомился съ нѣкоторыми Англійскими офицерами Егерскаго и Вапевилева полковъ. Въ нихъ нѣтъ ни одного Англичанина , а всѣ Швейцары , Поляки и Французскіе эмигранты. Оба сіи полка особенно оплчились подъ начальствомъ Принца Конде на Рейнѣ , потомъ находились въ Россійской Польшѣ , и напоследокъ перешли въ Англійскую службу и участвовали при покореніи Египта славнымъ Аберкромбіемъ. Офицеры сихъ полковъ люди вообще очень благовоспитанные, пріянные въ обществѣ и искусные въ своемъ ремеслѣ: съ ними есть о чемъ поговорить. Спранствуя изъ страны въ страну , они много видѣли , многимъ воспользовались , и такъ любезны въ обращеніи, что ихъ не лзя не полюбить.

Я забылъ вамъ сказать, что мы получили весьма пріянные новости. Вице-Адмиралъ Сенявинъ, принявъ главное начальство надъ силами, въ Средиземномъ морѣ находящимися, отправилъ эскадру въ Адриатическое море, которая 21 Февраля приобрѣла цѣлую провинцію Боко-ди Капаро, и набрала множество призовъ. Говоря въ, что Адмиралъ очень обходителенъ съ офицерами , ласковъ съ солдатами, предприимчивъ и понокъ въ политику. Извѣстная его храбрость и швер-

достъ характера обѣщаетъ намъ блестящіе успѣхи. Лестно служишь у начальника смѣлаго и съ талантами. Съ неперпѣніемъ жду минушы, когда пойдѣмъ въ Корфу. Министръ нашъ ѣдетъ въ Палерму.

18 Марта. Сегодняшнее Воскресенье я былъ въ трехъ церквахъ: въ одной, проповѣдникъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ увѣщевалъ слушателей убѣгать роскоши, жить умеренно, искоренять спраси и освѣщать разумъ истинною вѣрою; однимъ словомъ: ипши по слѣдамъ тѣхъ пастырей церкви, которые уклонясь удовольствій свѣтской жизни и пренебрегая богатствомъ, военною славою и почестями, въ смиреніи умерли въ монастыряхъ. Рѣчь сія, произнесенная не во время и весьма не кспашъ, по обстоятельствамъ обратила на себя вниманіе. Бѣдный священникъ! если успа твои поучали съ тѣмъ намѣреніемъ, чпобы ослабить ревность патриотовъ къ опеческву—мнѣ жаль тебя.

21 Марта. Завтра мы отправляемся въ Корфу; конвой нашъ уже готовъ. Ввечеру я пошелъ въ послѣдній разъ посмотришь на Маріанну, и рѣшился не говорить ей о скорой разлукѣ; но печальный видъ мой мнѣ измѣнилъ. Маріанна догадалась, сначала позадумалась, потомъ разсмѣялась, и увѣрила

меня симъ, что она не имѣетъ нужды въ моемъ покровительствѣ. И слава Богу! подумалъ я про себя.

КРАТКОЕ ОВОЗРѢНІЕ НЕАПОЛИТАНСКОЙ ИСТОРИИ (*).

Отъ освобожденія Италіи знаменитымъ Суворовымъ и до того времени, какъ войска наши, высаженные въ Неаполь, возвратились въ Корфу, можно назвать періодомъ Россійскаго владычества въ Италіи (отъ 1799 по 1806 годъ). Италіянцы, привыкнувъ перемѣнять своихъ повелителей, наскучили Французскою революціею, равно и Австрійскимъ правительствомъ; общее мнѣніе обратилось въ пользу Россійскаго Двора, отдаленность котораго ручалась имъ за совершенное безкорыстіе. Неаполь два раза видѣлъ въ спѣхахъ своихъ наши войска; сильный Россійскій флотъ, находившійся въ Корфѣ, какъ бы высмапривалъ благопріятный случай для ниспроверженія Французскаго тягостнаго ига; все сіе вмѣстѣ поддерживало надежду народа. Но какъ теперъ перемѣнились обстоятельства, то я считаю приличнымъ обратишь вниманіе читателей на достопамятныя произшествія сего

(*) Сія сшашья писана Издашелемъ въ 1823 году.

періода; а дабы связать повѣствованіе обѣ оныхъ съ послѣдствіемъ, нахожу необходимымъ, къ краткому обозрѣнію Неаполитанской исторіи, предшествовавшей сему періоду, присовокупить новѣйшія произшествія по 1820 годъ.

Изъ всѣхъ книгъ, вышедшихъ въ продолженіе Неаполитанской революціи, произведенной сектою Карбонаріевъ, ни одна не была лучше принята, какъ Исторія Неаполитанскаго Государства, на Французскомъ языкѣ изданная Россійскимъ Сенапсоромъ Графомъ Орловымъ. Хотя мнѣ показалось, что въ самомъ титулѣ книги есть какая-то несообразность, противорѣчіе: но какъ Графъ не первый изъ Рускихъ предпочелъ чужой языкъ своему, то я сѣвшилъ прочесть изданную имъ Исторію Неаполитанскаго Государства, и къ удивленію моему не нашелъ, чего желалъ и чего по справедливости всякой Руской ожидать былъ долженъ. О дѣйствіяхъ флота подъ начальствомъ Адмирала Ушакова, о взятіи Неаполя опрядомъ Капитана Белли совсѣмъ не упомянуто, и достопамятный періодъ отъ 1799 по 1806 годъ въ отношеніи къ Россіи едва замѣченъ. Таковая спранныость принудила меня прочесть нѣсколько томовъ Англійскихъ, Италіянскихъ писателей, собрать Россійскіе докумен-
ты

того времени, и сей трудъ показалъ мнѣ, что Исторія Неаполитанскаго Государства отъ начала до конца Французской революціи, и даже до того времени, пока вся Италія подпала власти Наполеона, въ спрогомъ смыслѣ не заслуживаетъ названія Неаполитанской Исторіи. Графъ вѣроятно потому, что не имѣлъ у себя Россійскихъ реляцій того времени, или не хотѣлъ прочесть Италіанскіе докуменшы и повѣрить оныя съ нашими, Англійскими и съ мнѣніемъ очевидныхъ свидѣтелей, защищавшихъ правое дѣло законнаго Короля и ему преданныхъ, почерпнулъ всѣ свѣденія изъ нечислаго источника. Онъ принялъ Мониперы и мнѣнія Французскихъ и Неаполитанскихъ революціонныхъ писателей за матеріалы досповѣрныя, какъ между тѣмъ они менѣе другихъ, или даже совсѣмъ не заслуживали сего предпочтенія; ибо Графу, какъ Рускому, должно было бы вспомнить, что Французы и Неапольскіе вольнодумцы были тогда непріятели и намъ и Неаполитанцамъ-Роялистамъ; и что не возможно соблюсти исторической точности, почерпая свѣденія изъ однихъ непріятельскихъ документовъ, писанныхъ такими особами, которыя были не довольны своимъ старымъ правительствомъ и хотѣли новаго, какое бы оно впрочемъ ни было.

Дабы показати чисташелямъ справедливостъ моего заключенія, я предлагаю одинъ примѣръ: предъ взятіемъ Неаполя Французами 1799 года Генваря 23, Графъ Орловъ утверждаеши, будто убійство Кабинетъ-курьера Ферьери было знакомъ неудовольствія противу Короля, и причиною, понудившею Королеву уговорити Фердинанда къ отправленію въ Сицилію. Это совершенно несправедливо: напрошивъ того, народъ симъ буйствомъ доказалъ горячую свою преданность къ Королю. Графъ умолчалъ о томъ, что чернь проводила своего Монарха съ извѣвленіями искреннѣйшаго сожалѣнія объ его отбѣздѣ, и не упомянулъ о томъ, что на другой день всѣ сословія гражданъ столицы, Кардиналъ Архіепископъ Неапольскій, начальники управъ и народная депутація, прибывъ на Англійскій корабль, на копоромъ находился Фердинандъ, со слезами и на колѣняхъ умоляли его оспашься посреди вѣрныхъ подданныхъ. Если Король не убѣдился сими прогашельными извѣвленіями привязанности, то сіе ни мало не доказываеши, чшобы подозрѣнія Королевы были основательны, чшобы Король былъ нелюбимъ, и чшобы волненіе народа можно было назвати возмущеніемъ въ пользу Французовъ, какъ говориши Графъ Орловъ.

По отбѣздѣ Короля, народъ вооружился и рѣшительно объявилъ, что будетъ защищаться до послѣдней крайности. Мнѣнія высшаго сословія были различны: одни присоединились къ народу, другіе полагали лучшимъ опдаться Неаполь слабому корпусу Французовъ безъ сопротивленія. Сіи послѣдніе названы Папріотами, и тѣ изъ нихъ, которые напали на Лазароніевъ, защищавшихъ крѣпость Сантъ - Эльмо, и въ послѣдствіи, при Французскомъ правленіи, угнѣтали своихъ соотечественниковъ, названы героями; благородныя же усилія первыхъ заслужили имянованіе Якобинцевъ. Словомъ, тутъ чистаго дається совсѣмъ превратное понятіе о происшествіяхъ; и если вѣришь повѣствуемому въ Исторіи Неаполитанскаго Государства, то должно будетъ согласиться съ редакторомъ оной, Г. Дювалемъ, что будто похвально измѣняять общество; весьма полезно исполнять волю всякаго побѣдителя; что любители революціонной ложной свободы и равенства дѣйствительно заслуживаютъ пища папріотовъ и героев; и что Государи не имѣютъ никакого права наказывать предателей, нарушителей общественного спокойствія, легкомысленныхъ переметчиковъ, причинившихъ неизчислимые бѣдствія своему обществу!!! —

Исторія Неаполитанскаго Королевства писана для однихъ Французовъ, и пошому принята и прославлена Парижскими журналами справедливо; но какъ въ заглавіи поставлено имя чужеземнаго автора, и даже непріязненной тогда державы: то многіе могутъ соблазниться и почестъ исторію сію за образецъ безпристрастія. Быть можетъ, предубѣжденіе сіе распространилось уже гораздо далѣе предѣловъ Франціи и укоренилось въ мнѣніи не однихъ только Французовъ; а пошому многимъ можетъ показаться, что я беру на себя слишкомъ много. Сіе предположеніе дѣйствительно могло бы меня устрашить, если бы происшествія многимъ еще памятные, очевидные свидѣтели и участники въ сихъ происшествіяхъ не утвердили меня въ противномъ. Впрочемъ я не мыслю убѣдить предубѣжденныхъ приспращіемъ, не выдаю своего замѣчанія на Исторію Неаполитанскаго Государства, какъ непогрѣшительное, и долгомъ почиаю уведомить благосклоннаго читателя, что кромѣ дѣйствій Россійскаго флота и войскъ, и другихъ происшествій отъ 1798 по 1808 годъ, я иногда слѣдовалъ и повѣствованію Графа Орлова, мало отступаая только въ такихъ случаяхъ, гдѣ, по сличеніи съ другими книгами, находилъ правдоподобныя противурѣчія.

Если вѣрить баснословнымъ преданіямъ, Неаполь былъ основанъ Аргонавтами; но всего вѣроятнѣе, что сія древняя Парѣнопа и близъ лежащія обласпи населены были Греческими колоніями, копорыхъ языкъ и нравы сохранились въ обласпяхъ, нынѣ принадлежащихъ Королевству обѣихъ Сицилій, завоеванному воинспвенными Римлянами въ самой глубокой древности.

По раздѣленіи Римской Имперіи на Восточную и Западную, Калабрія и Неаполь принадлежали Греческимъ Императорамъ. Римъ, ослабленный симъ раздѣленіемъ, вскорѣ утратилъ свое величіе и славу, сдѣлался жерпвою Готѣовъ и Лонгобардовъ, и Одоакръ, предводителъ варваровъ, возсѣлъ на престолъ Цесарей. Отъ сего времени даже до XV столѣтія Европа представляла самую печальную картину Готическаго невѣжества. Словесность, науки, вкусъ, исчезли какъ призраки. Въ сей бѣдственнѣй для человѣческаго разума періодъ, особы первѣйшихъ степеней не умѣли читать. Искра просвѣщенія, возженная Карломъ и Алфредомъ Великими во Франціи и Англіи, вскорѣ по смерти сихъ мудрыхъ Государей угасла; но въ южной Италіи она хранилась подъ пепломъ, и мало по малу посреди общаго мрака, покрывавшаго Европу, распространила просвѣщеніе по всей Италіи.

Имперія Карла Великаго, умершаго въ 814 году по Р. Х., имѣла равную участь съ Имперією Александра Македонскаго. Она раздѣлена была его преемниками. Сынъ Карла Великаго, Людвиѣ Безпечный, получилъ Францію и Германію, а внукъ его Бернардъ наслѣдовалъ Италію съ прилежащими островами. Бернардъ утратилъ жизнь вмѣстѣ съ властію отъ руки жестокаго дяди, и владѣнія его по смерти Людовика въ 840 году раздѣлены были сыновьямъ его Лотарію, Людовику и Карлу. Первому съ титуломъ Императора досталась Италія, Провансъ и плодородныя страны между Саоною и Рейномъ.

Ни одна страна не претерпѣла столь великихъ переменъ въ правленіи, какъ Королевство обѣихъ Сицилій. Послѣ Лотарія, Италія была опустошаема многими воинственными пиратами: какъ въ 914 году Оттонъ Великій присоединилъ ее къ своей Имперіи. Угнетенная внутренними несогласіями и непрерывными раздорами Папъ и Германскихъ Императоровъ, бѣдствующая Италія раздѣлилась на многія независимыя слабыя владѣнія. Неаполитанское Королевство, послѣдовавъ общей судьбѣ Италіи, послѣ продолжительныхъ усилій о сохраненіи своей независимости, прошивъ Грековъ и Сарацыновъ, и безсильныхъ Князей Бе-

Беневенша, Капуи, Неаполя и Гаеты, попеременно его покорявших, подпало наконецъ подъ власть Рыцарей Норманскихъ, которые подъ предводительствомъ Танкреда, изгнавъ Сарацынъ, основали могущественную монархію, прославленную побѣдами и просвѣщеніемъ. Близкое сосѣдство и дружественныя сношенія съ Греціею были причиною сохраненія наукъ и художествъ въ сей части Италіи.

Норманскіе Бароны, учредившіе въ Неаполитанскомъ Королевствѣ феодальное правленіе, столь же скоро утратили свое могущество, какъ и приобрѣли оное. Преступленія Карла Плѣшиваго, сына и наслѣдника Рожера, пронырство Папъ и честолюбіе Германскихъ Императоровъ обогрибли кровію поля Италіи. Посыднѣй обычай, принятый Папами, тогда по чрезмѣрному суевѣрію всемошными въ Европѣ, искавъ пособій иноземныхъ Государей, былъ наиболѣе пагубенъ Неаполю. Около 1166 года по Р. Х. Папы опдали Королевство Обѣихъ Сицилій Франціи, и сіе несчастное государство въ продолженіи сполѣтїя было разоряемо то Франціею, то Испаніею. Домъ Анжуйскій послѣ многихъ трагическихъ произшествій, уступая и покоря оное попеременно, владѣлъ Королевствомъ до того,

пока Людовигъ XII (*), бывши разбитъ въ 1504 году, уступилъ Испаніи корону, на кошорую по почной справедливости не имѣлъ никакого права.

Правленіе Испанскихъ Королей Австрійскаго Дома было чрезъ мѣру пѣгостно, и произвело народное возмущеніе подъ предводительствомъ Мазаньелло, молодаго босаго рыбака, послѣдовавшее въ 1647 году. Успѣхи Мазаньелло принудили высокомерныхъ Испанцевъ уничтожитъ обременительные налоги на жизненные припасы и дать новыя права народу. Но прежде, нежели оными могли воспользоваться, Мазаньелло, упоенный властію и непрерывною дѣятельностію души и тѣла, потерялъ разсудокъ и былъ тайно убитъ. Дюкѣ-де-Гизѣ, заступившій его мѣсто, не имѣя способностей, нужныхъ начальнику черни, былъ задержанъ и опосланъ въ Мадридъ.

До пресѣченія Австрійской линіи Испанскіе Короли спокойно владѣли Неаполемъ; но когда слабый внукъ Людовига XIV взошелъ на Испанскій престолъ, Эрц-Герцогъ Ав-

(*) Домъ Анжуйскій происходилъ отъ Карла Анжу, брата Французскаго Короля Людовика IX, а отъ сего право на Неаполишанское Королевство перешло къ Людовику XII, бывшему Орлеанскому Герцогу.

спрійскій Карл занял Неаполитанское Королевство. Вслѣдствіе различныхъ прашаповъ Дону Карлосу, сыну Испанскаго Короля, въ замѣну Неаполя отданы были Парма и Піяченца, и новая война за наслѣдство сего Королевства возгорѣлась въ 1733 году. Кровопролитіе сіе окончилось миромъ, въ 1736 году заключеннымъ, по коему Донъ Карлосъ признанъ Королемъ Обѣихъ Сицилій.

Въ 1759 году, по смерти Короля, брата своего, Донъ Карлосъ наслѣдовалъ Испанскій пронъ. Первый сынъ его по слабости сложенія признанъ неспособнымъ къ правленію; по сему впорый назначенъ былъ наслѣдникомъ и дѣйствительно въ послѣдствіи царствовалъ подъ именемъ Карла IV, а третій Фердинандъ IV, тогда дѣтя 8 лѣтъ, провозглашенъ Королемъ Обѣихъ Сицилій.

Благость, душевная доброта, свойственныя Бурбонамъ, суть отличительныя черты характера Фердинанда IV; но сія благость, столь драгоцѣнная въ частномъ человѣкѣ, рожденномъ повиноваться, можетъ назваться слабостію въ особѣ, долженствующей повелѣвать. Фердинандъ могъ бы быть Генрихомъ IV, если бы у него былъ лучший наставникъ, а онъ имѣлъ такого, который приспраспилъ его къ охотѣ до

такой степени, что она похищала у него золотое время для других занятий. Не взирая однакож на полиптику, сколь ложную, столь и жестокую, стремившуюся к единой цели-державы Неаполь в зависимости от Мадрида, недоспахи, утвержденные воспитанием, уступили превосходным природным его качествам. Фердинанд содбался опцем своего народа; постоянное его сопропвление Феодализму, доступность, добросердечие привязали к нему прудящийся класс подданных, и не смотря на бурное, несчастное его царствование, он сохранил сию любовь, сию слепую преданность, всегда добрыми Монархами заслуживаемую и никогда пиранам не воздаваемую. Любовь подданных послужила Фердинанду щипом противу всх коварств и козней сильных его врагов.

Фердинанд в 1768 году вступил в супружество с Марією Каролиною, Эрцгерцогинею Авспрійскою. Каролина наслдовала блистательныя качества своей матери, Маріи Терезіи. Столь же прекрасная, как несчастная сестра ея, Марія Аншуанеша, она имла вид величественный, взгляд выразительный и спрогий. Рожденная и наученная повелвать, Каролина была сострадательна, щедра, остроумна, хитра,

рѣшительна, иногда увлекаемая и никогда не убѣждаемая, словомъ : она обладала въ высокой степени царственными способностями. Къ сожалѣнію время и театръ, на которомъ она должна была дѣйствовать, не позволили ей показать качествъ своихъ въ лучшемъ видѣ. Имѣя малые средства, она всю жизнь свою провела въ непрерывной почти войнѣ и тревогѣ.

Каролина, убѣжденная въ невозможности переменить миролюбивый характеръ и привычки своего супруга, рѣшилась раздѣлиться съ нимъ тягостъ правленія и вскорѣ содѣлалась единою властительницею Королевства Обѣихъ Сицилій. Тщешно умный Танучи, искренній другъ и Министръ Карла III, хотѣлъ сему пропивиться. Королева, поддерживаемая Дворами Вѣнскимъ и Версальскимъ, заняла мѣсто Короля, удалила Танучи и начала управлять чрезъ Тайный Совѣтъ, состоящій изъ шести Совѣтниковъ и изъ шести Секретарей. Графъ Валдекъ и Кавалеръ Виванціо де Ноле съ супругою и Кавалеръ Акшонъ были душою сего совѣта. Съ 1777 года всѣ дѣла рѣшались въ уборной комнатѣ Королевы, и тамъ предпринимаемы были всѣ мѣры къ учрежденію порядка въ правленіи.

Землетрясеніе 1783 года, испровергнувшее Мессину и 29 городовъ въ Калабріи, доста-

вило случай Королевѣ показати свою со-
спрадашельность. Она истощила всѣ сред-
ства, дабы облегчить бѣдствія разоренныхъ
подданныхъ.

Акшонъ вскорѣ оспался единственныя
любимцемъ Короля и Королевы, орудіемъ
всѣхъ дѣйствій послѣдней. Достойнѣйшіе
патріоты были удаляемы отъ Двора по его
произволу, и сынъ Англійскаго лѣкаря, посе-
лившагося въ южной Франціи, безъ про-
свѣщенія и опытности, безъ характера и
спрастей, оплотившійся только въ одномъ
сраженіи съ Варварійцами, вдругъ и, такъ
сказать, невзначай достигъ званія Мини-
стра военныхъ и морскихъ силъ. На сей
высокой степені извинить только его мож-
но въ одномъ, что онъ будучи иностранцемъ,
безъ упрека могъ не любить чужое отече-
ство. Дабы удержаться при Дворѣ, Акшонъ
слѣдовалъ обыкновенной полишкѣ времен-
щиковъ, удалялъ отъ Королевы ревностныхъ
патріотовъ и всѣхъ людей съ дарованіями.
По сей причинѣ явилось при Дворѣ мно-
жество иностранцевъ. Французскій языкъ
предпочли Италіянскому. Моды и безнрав-
ственные книги революціонныхъ писателей
сообщили въ сердце Неаполя ядъ Француз-
ской революціи.

Сей бичъ, жесточайшій землетрясенія,
прервалъ 20 лѣтнее благоденствіе поддан-

ныхъ (которыя придворныя интриги не мѣшали наслаждаться) и заставилъ Королеву опасаться будущихъ ужасовъ, которые къ несчастію были очень основательны. Акто́нъ, постоянно дѣйствовавшій для личныхъ выгодъ, вмѣсто того, чтобы остановить зло сіе, еще при началѣ бывшее, крошечными мѣрами, удаленіемъ отъ Двора иностранцевъ и чуждыхъ обычаевъ, внушилъ Королевѣ недовѣрчивость къ лучшимъ ея подданнымъ. Каролина, и безъ того подозрительная, повелѣла казнить какъ измѣнниковъ опеческѣва, многихъ молодыхъ людей, коихъ вся вина состояла въ томъ, что они читали Французскія газеты и слѣдовали Французскимъ обычаямъ, принятымъ при Дворѣ. Не смотря на осторожность Актона, нѣкоторыя особы осмѣлились предсказать Королевѣ, что неблагоприятныя поступки молодыхъ людей доказываютъ только ихъ вѣтренность, а не виновность. Королева, убѣжденная сею истиною, не могла однакожъ побѣдить своей недовѣрчивости, и поощренная Актономъ, который, согласно съ тактикою придворныхъ льстецовъ, никогда не позволялъ себѣ противорѣчить ея желаніямъ, увѣрилъ ее, что она заслужила уже народную ненависть. Каролина, опасаясь участи сестры своей Маріи Ангуанезы, рѣшилась погубить гидру революціи

самыми спрогими мѣрами. Учреждена была Юнша для сужденія Якобинцевъ. Тюрьмы въ продолженіи чешырехъ лѣтъ наполнены были большею часпію молодыми вѣтрениками, не понимавшими причины и цѣли своихъ мечпаній. Спраданія невинныхъ распро-спранили и умножили неудовольствія, и люди просвѣщенные, но бѣдные, въ самомъ дѣлѣ учинились опасными Якобинцами. Сіи не имѣя что потерять, надѣялись при переворотѣ много выиграть.

Фердинандъ, во всякомъ случаѣ добродушный, положилъ предупредить бѣдспвенную революцію кропкими мѣрами, и Королева, колебавшаяся въ избраніи оныхъ, въ душѣ обрадовалась его рѣшимости, охотно пожертвовала своимъ Инквизиціею и первымъ Агенсомъ Акпона. Жестокосердый Ванны (*) былъ сосланъ въ започеніе: но мѣра сія къ нещаспію не могла останоишь, съ одной стороны, ропота невинно поспрадавшихъ, съ другой, быспраго распространенія мечпаній о свободѣ и равенствѣ.

Когда добросердечный Людовикъ былъ болѣе невольникъ, нежели Король, Каролина рѣшилась для спасенія его вооружить всю

(*) Президентъ Юншы.

Европу, еще колебавшуюся объявить войну; и дочь великой Маріи Терезіи была главнымъ орудіемъ тройственнаго союза противу Франціи. На сей конецъ въ 1791 году отправилась она въ Вѣну, гдѣ склонила нерѣшительнаго Императора Леопольда заключить миръ съ Турціею и открыть переговоры въ Пильницѣ. Леопольдъ умеръ и Императоръ Францъ вскорѣ по возшествіи на престолъ объявилъ Франціи войну. Цѣлый годъ посвятила она на сіе политическое путешествіе, и можно утвердительно сказать, что если бы всѣ союзные Монархи оказали равное усердіе, согласіе и искусство, какъ сія Королева, то Европа не оплакивала бы столько невозвратимыхъ потерь; но судьба повелѣла иначе: Французская республика повсюду торжествовала, и Австрія, оспавленная всѣми, принуждена была признать ее побѣдительницею и заключить съ нею миръ въ Кампо-Форміо.

Въ продолженіи войны съ Франціею, два мира, подписанные Фердинандомъ, подобно военнымъ перемиріямъ, доставили подданнымъ только ложное спокойствіе. Но когда Папа былъ взятъ въ плѣнъ, Церковныя области объявлены республикою, и Римъ занятъ Французскими войсками подъ предлогомъ отмщенія за убійство Генерала Дюфо: Каролина не сомнѣвалась болѣе въ участи

гоповившейся и для нея, дѣятельно занялась умноженіемъ своей арміи, дабы возможно было съ честію умереть.

Фердинандъ, поспоянно миролюбивый, желалъ сохранить послѣдній прахшпъ, заключенный съ Французскою республикою; но письмо Австрійскаго Императора принудило его рѣшиться нарушить оный. Въ сей депешѣ Императоръ приглашалъ Неаполитанскаго Короля вспомошествовать ему въ предпріемлемой войнѣ, и когда войска его нападуть на Сѣверную Италію, предлагалъ Королю занять Римъ и другія южныя области.

Въ слѣдствіе сего, Фердинандъ 22 Ноября 1798 года выступилъ изъ Неаполя съ 70,000 арміею подъ начальствомъ Генерала Макка. Въ первый день Марша сдѣлана ошибка, рѣшившая участь всего похода. Армія, раздѣленная на пять корпусовъ, выступила по разнымъ дорогамъ, удаленнымъ на столь дальнія разстоянія, что корпусы не могли взаимно другъ другу помогать. Не смотря на испортившіяся отъ дождей дороги, пролегающія чрезъ земли, перерѣзанныя горами, многими дефилеями и рѣками, не ожидая обозовъ со свѣспными припасами, корпусы шли столь скоро, что въ первые дни похода, болѣзни, голодъ и побѣги много уменьшили

армію. Вв Вероли Акшонб, начальник главнаго штаба, едва могб достать кусок жаркаго для Короля. По занятіи Рима, Неаполитанская армія безб сраженія была уже распроена. Французскій Генералб Шампіонетб, успувивб первому напису, собралб разсбланный вв окрестностях Рима 16,000 корпусб, и сб симб малымб числомб разбилб при Чивипа-Каспелана одну колонну Неаполитанскихб войскб; попомб сб такою спремительностію напалб на главныя силы, что Макб вв чetyрехб сраженіяхб потерялб почти всю артиллерію, лагерь и обозб. Вв нбсколько дней Неаполитанская армія была разсблана. Опб холода и голода солдаты умирали; разбиые корпусы сообщили страхб тбмб, которые и вв огнб не были. Опасеніе сихб послбднихб было не безб основанія. Макб вв поспбшномб опсшупленіи не умблб воспользоваться превосходствомб силб и множествомб военныхб положеній вв горахб. Потерявб, такб сказать, голову, онб безб сопровивленія оставилб Гаешу и Капую. Вв поже время Генералб Рожерб Дамасб (*) сб одною дивизіею, опрбзанный и окруженный, выдержалб нбсколько нападений, пробился и опсшупилб сб честію и сб

(*) Сб честію служившій у насб вв царствование Екатерины II.

малою поперею. Главнѣйшая ошибка Макка состояла въ томъ, что онъ безъ всякой нужды опозвалъ Генерала Молиперно изъ Капуи и поручилъ Принцу Мильяно и Дюку Гессо заключить съ Французскимъ Генераломъ перемиріе на два мѣсяца, на которое согласились за $2\frac{1}{2}$ милліона дукашовъ (80 к. сереб.), съ другими условіями менѣе важными. Маккъ, лишившись довѣренности солдатъ, и опасаясь народной ярости, не смѣлъ показаться въ Неаполь. Постыднымъ бѣгствомъ спасся онъ отъ сей опасности, и вмѣстѣ избавилъ армію отъ своей неспособности. Когда Маккъ предсавленъ былъ Шампіонету, сей Генералъ не принялъ отъ него шпаги, и улынувшись, сказалъ: «Поберегите ее для себя; мое правительство запретило мнѣ принимать подарки Англійской фабрики.» Не должно ли удивиться, что и послѣ сего въ 1805 году тому же Макку, вмѣстѣ Ерцъ-Герцога Карла, поручена была Австрійская армія? Но придворный сей Генералъ достойно былъ наказанъ. При Ульмѣ онъ кончилъ свою политическую и гражданскую жизнь. Наполеонъ также не принялъ отъ него шпаги, и какъ безвреднаго соперника освободилъ.

По возвращеніи Фердинанда въ Неаполь народъ требовалъ оружія; 30,000 армія, подъ начальствомъ Генерала Пиньятели, еще

могла, возвративъ Капую, упорно въ оной защищаться, побѣда была несомнѣнна: ибо Французская армія, ослабленная потерями, должна была уступить превосходнымъ силамъ; но къ сожалѣнію Король послушался дурныхъ совѣтовъ, и не воспользовался благотворнымъ воспоргомъ народа. Королева не надѣялась преодолѣть Французовъ и опасаясь напраснаго пролитія крови, убѣждала Короля уступить обстоятельствамъ и удалиться въ Сицилію. Распространенные въ столицѣ слухи о томъ, что Король не рѣшается удовлетворить желанію народа, по наущенію измѣнниковъ и дурныхъ совѣтниковъ, принудили Неаполитанскую чернь почищать измѣнниками всѣхъ шѣхъ, копорыхъ могли подозрѣвать въ поданіи Королю совѣта объ отправленіи въ Палермо. Въ семъ-то волненіи умовъ, кабинетъ-курьеръ Феръери, отправленный къ Нельсону съ предложеніемъ принять Королевское семейство на свой флотъ, былъ на пристани остановленъ Лазаронами, и какъ измѣнникъ убитъ.

Въ ночь на 22 Декабря 1798 года Король, сопровождаемый печальными воплями народа, перебрался на корабль Лорда Нельсона, и не внявъ прошенію всѣхъ сословій, остался въ Неаполѣ, въ слѣдующую ночь отправился въ Палерму. Въ семъ плаваніи Король лишился

младшаго сына. Нельсонъ, дабы не оставишь Французамъ морскую силу, слѣдую полишникъ своего Двора испреблять, если можно, и союзные флоты, предъ своимъ опправленіемъ сжегъ всѣ Неаполитанскіе корабли, которые не могли за нимъ слѣдовать.

Едва Король оставилъ столицу, народъ ворвался силою въ крѣпости, взялъ оружіе, и объявилъ, чтобы всѣ готовились защищаться до послѣдней крайности. Французы, не дождавшись исполненія заключеннаго перемирія, выпунили къ Неаполю. Генералъ Пиньяшелли, коему Король поручилъ начальство надъ арміею и спасеніе опечесства, не могъ воздержать буйства Лазароновъ, которые въ числѣ виновныхъ, гласно похвалявшихся преданностію къ Французамъ и мнѣніями революціонными, умертвили нѣсколько невинныхъ и доспойныхъ вельможъ. Дома Якобинцевъ, такъ называла чернь измѣнниковъ, были разграблены. Пиньяшелли, успрашенный сими явленіями, оставилъ армію и удалился въ Палерму.

Народъ избралъ своими предводителями Молиперно и Рокка Роману; но сіи также не могли воздержать ярости Лазароновъ, которые продолжали убивать большею частію богатыхъ гражданъ. Учрежденное временное правительство щещно покушалось

угрозами и увѣщаніями успокоить чернь. Безпорядокъ до того увеличился, что нѣкоторые малодушные правители города, рѣшились для спасенія столицы, ускорить вступленіе въ оную Французскихъ войскъ. Другіе напротивъ того, предлагали защищаться до послѣдней крайности; но совѣты сихъ патриотовъ были отвергнуты, и мнѣніе первыхъ исполнено, къ вѣщему бѣдствію столицы.

Между тѣмъ Шампйонетъ прибылъ въ Казерту, гдѣ въ Королевскомъ дворцѣ принялъ поздравленія Неаполитанскихъ революціонеровъ, между коими Молиперно наиболѣе способствовалъ къ занятію Неаполя, который, какъ сами Французы признавались, безъ сей помощи не могъ бытъ покоренъ. Народъ нестройными толпами съ достойнымъ похвалы мужествомъ напалъ на Французовъ. Два раза непріятельская артиллерія была въ рукахъ Лазароновъ. Шампйонетъ не иначе могъ оную отбить, какъ съ потерей, тѣмъ болѣе чувствительною, что армія его очень ослабла. Трое сутокъ народъ геройски, съ неописаннымъ ожесточеніемъ, продолжалъ нападать внѣ и защищаться въ самомъ городѣ. Шампйонетъ, удивленный столь опчаяннымъ упорствомъ, уже хотѣлъ отступить, но Якобинцы (такъ назову измѣнниковъ) обѣщали ему скорѣ сдаться

крѣпость Сантѣ Ельмо, что они исполнили слѣдующимъ обманомъ: въ то время, какъ Шампіонетѣ приближился съ войскомъ отъ стороны Капо ди Кино, гдѣ Роялисты (такъ назову добрыхъ гражданъ) сражались и умирали за опечесиво, Молишерно, Рокка Романа и Арковишо, предводители Якобинцевъ, переодѣвшись въ народное платье, бросились въ крѣпости Сантѣ-Ельмо, показывая видъ, будто они бѣгутъ и ищутъ въ оной спасенія отъ Французовъ. Обманутые симъ Лазарони опустили мостъ и были безщадно изрублены. Якобинцы, поднявъ прехвѣдливое знамя на крѣпости, тотчасъ открыли пальбу по городу. Роялисты, поставленные между двухъ огней, окруженные непріятелями и измѣнниками, испожили всѣ усилія храброспи; но наконецъ не могли устоять противу искусства и измѣны. Непріятельская армія вступила въ Неаполь 23 Генваря 1799 года.

Шампіонетѣ, разспрѣлявъ нѣсколько пойманныхъ наудачу Лазароновъ, возстановилъ спокойствіе и обезпечилъ собственность Якобинцевъ, поставивъ у домовъ ихъ стражу. По занятіи всѣхъ областей Королевства, Французы учредили временное правительство и назвали Неаполишанское Королевство Пареннопскою республикою; но сіе чудовищное произведение не могло пере-

жити і двох полних років года. Колыбель ея была вмѣстѣ и гробомъ.

Первымъ дѣйствіемъ Французскаго правленія было уничтоженіе феодальныхъ правъ. Бароны лишились власи и имущества. Канцлеры безъ всякой соразмѣрности къ ихъ канцлерамъ принуждены были внести значительную сумму. Большая часть монастырей упразднены, духовенство распущено, церкви обращены въ конюшни и фабрики; праздники и церковныя процессіи запрещены. Военные начальники въ провинціяхъ также не уважали ни обычаевъ, ни предразсудковъ народныхъ. Земледѣльцы наиболѣе всѣхъ обременены были налогами; 2½ милліона на Неаполь, и 15 милліоновъ франковъ, наложенныхъ на провинціи, должны были разорить всѣ сословія; однимъ словомъ: революціонное правительство дѣлало какъ нарочно все то, что могло увеличить число недовольныхъ и ускорить паденіе ея. Къ числу самыхъ безразсудныхъ мѣръ принадлежало объявленіе, что всѣ тѣ, которые служили Королю, не должны ничего надѣяться отъ Республики. Такимъ образомъ раздоры и несогласія Роялистовъ и республиканской партіи умножались со дня на день. Республиканцы, на опытъ познавъ, что свобода и равенство, слова, сполько прежде имъ льстив-

шія, на самомъ дѣлѣ значащъ грабительство и жестокій военный деспотизмъ, увидѣли предъ собою пропасть. Любовь къ новому правительству примѣшно охладѣла, и духъ сопротивленія законному Королю началъ слабѣть. Поспѣшность, съ каковою революціонное правленіе посредствомъ шпывовъ собирало подаши и опправляло деньги во Францію, открыло всѣмъ глаза.

Каролина спѣшила воспользоваться грубыми ошибками революціоннаго правленія. Глубоко пронушая бѣдствіями своихъ подданныхъ, она посылала имъ тайно припасы, деньги и утѣшала словами. Бракосочетаніе ея племянницы въ Мишавѣ, дочери несчастной Маріи Анпуанешы, облегчило ея горести. При полученіи радостнаго извѣстія, что Макдональдъ, смѣнившій Шампіонеша, съ большею частію арміи своей оставилъ Неаполь, дабы соединившись съ Моро, противустать непобѣдимому Суворову, и что Французская армія въ дефилеяхъ Кастель-Франко и Сорѣ претерпѣла значительный уронъ въ сраженіи съ жителями области Абруццо, Королева рѣшилась возвратити пошерянной скипетръ. По повелѣнію ея Кардиналъ Руффо вышелъ на берегъ въ Сциллѣ почти одинъ, и воинственные Калабрійцы вскорѣ собрались подъ знамена

законнаго своего Короля. Кардиналъ съ гор-
стію людей занялъ безъ сопротивленія всю
Калабрію, Базиликадъ, округи Опранто и
область Лючера. Монтелеоне, Капанцаро,
Козенца, Розана и Паоло взяты силою. Дви-
женіе его подобно было рѣкѣ, которая по
мѣрѣ теченія своего увеличивается, ра-
сплещъ и усиливается. Алшомура, упорно
защищаемая республиканцами, взята при-
ступомъ, разграблена и обращена въ пепелъ;
плѣнные казнены, убитые сожжены и прахъ
ихъ, какъ измѣнниковъ, разсѣянъ по воздуху.

Кардиналъ обязанъ быспрыми успѣхами
неспроятныхъ своихъ войскъ содѣйствію
Россійской эскадры, а наиболѣе блистатель-
нымъ побѣдамъ Генералиссимуса Суворова-
Рымникскаго, уже освободившаго въ сіе время
Сѣверную Италію.

Адмиралъ Ушаковъ, командовавшій соеди-
неннымъ Россійскимъ и Турецкимъ флотомъ,
занятый покореніемъ Корфы и другихъ Го-
ническихъ острововъ, оставивъ эскадру
Конпръ-Адмирала Пустошкина для блокады
Анконы, отрядилъ для пособія Кардиналу
Руффо Капишана 2 ранга Сорокина съ 4
Россійскими и однимъ Неапольскимъ фре-
гатами, и корветомъ съ 4 канонерскими
Турецкими лодками.

1 Маія союзная эскадра, подошедъ къ городу Молѣ (что въ Пуліи), атаковала оный на разстояніи картечнаго выстрѣла столь удачно, что непріятель принужденъ былъ вскорѣ сдаться на волю побѣдителя. По восстановленіи въ семъ городѣ прежняго правленія, эскадра отправилась къ Бари, гдѣ капитанъ Сорокинъ встрѣченъ былъ депутатами, кои увѣрили его въ совершенной преданности и послушаніи законному ихъ Государю.

8 числа высаженные у Манфредоніи съ эскадры войска встрѣчены были депутатами сего города и многихъ другихъ съ вошпоргомъ; только весьма значительные по многолюдству и богатству города Фоджіо и Бриндизи пропивились. Сіи города были главнымъ сборнымъ мѣстомъ революціонеровъ.

11 числа Бриндизи и вся обласъ Пулія уже была освобождена отъ республиканцевъ, изъ коихъ многіе побишы, прочіе же разбѣжались. Такимъ образомъ Капитанъ Сорокинъ, обошедъ отъ стороны Адриатическаго моря Неапольскіе берега, дѣйствіями своими, то нападеніями кораблей, то высадными войсками, всегда усердно подкрѣпляемыми вооружившимся народомъ, многія провинціи отъ революціонныхъ Неапольскихъ войскъ

освободилъ и повсюду успѣшно возстановилъ порядокъ и спокойствіе.

Капитанъ Лейтенантъ Белли, высаженный 8 Маія съ 511 морскихъ солдатъ и мап-розовъ съ 6 пушками, на другой день занялъ Фоджіо безъ сопротивленія и принятъ былъ народомъ съ великою радостію. Собравшіеся въ маломъ разстояніи отъ города Якобинцы, всего до 3000 человекъ, угрожали жителямъ разореніемъ. Капитанъ Белли, прошедъ городъ, разбилъ, разсѣялъ и уничтожилъ сей опрядъ. Белли вступилъ въ Фоджіо въ день годовой ярмарки. Сіе обстоятельство послужило къ пользѣ Роялистовъ. Извѣстіе о прибытіи Россіянъ съ неимовѣрною скоростію распространилось повсюду. Трубный гласъ побѣдъ Римникскаго увеличилъ число малаго опряда и невольный страхъ овладѣлъ Республиканцами. Шествіе войскъ нашихъ подобно было пріумфу. Извѣстіе о приближеніи Россіянъ привело въ великую робость и замѣшательство Якобинцовъ; напротивъ того приверженные и вѣрные Королю, встрѣчали оныя, какъ избавителей, съ нелицемѣрною радостію. Посему-то слабый сей опрядъ оказалъ важнѣйшія услуги Королю. Появленіе онаго въ сердцѣ Королевства ободрило народъ, который подобно пожарному пламени мгновенно обхващилъ древо

вольности. Гарнизоны въ крѣпостяхъ и разсѣянныя по городамъ непріятельскіе отряды истреблены были по частямъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ отступить въ Неаполь. Изъ Фоджіо Капитанъ Белли пошелъ форсированными маршами прямо къ столицѣ, и не дошедъ до оной бо верстъ, соединился съ ополченіемъ Кардинала Руффо, и составя его авангардъ, немедленно двинулся въ передъ. По просьбѣ Мишеру, Генерала Королевскаго ополченія, Капитанъ Сорокинъ прислалъ по почтѣ подкрѣпленіе, состоявшее изъ 95 человѣкъ. По прибытіи онаго, Капитанъ Белли съ 600 человѣкъ явился предъ Порпици. Удивленные Французы, видя предъ собою Русскихъ и не смѣя сопротивляясь, бѣжали. Выспавивъ на замкѣ флагъ Короля Обѣихъ Сицилій, и оставивъ въ ономъ гарнизонѣ изъ Королевскихъ солдатъ, Белли скорымъ шагомъ приближился къ крѣпости *Виллини*, и не останавливаясь, взялъ оную приступомъ. Приведенные въ крайнюю робость непріатели (*) и тупъ мало сопротивлялись; никто изъ гарнизона не успѣлъ уйти, и всѣ взяты въ плѣнъ или убиты.

(*) Французы и Неаполистанцы думали, что сей отрядъ мапировъ составлялъ авангардъ арміи Суворова.

Непріятель собрався въ превосходныхъ силахъ у моста Магдалены, который былъ укрѣпленъ и защищаемъ двумя батареями. Дабы затруднить подступъ къ мосту, къ которому ипши было должно дорогою близъ моря, Якобинцы поставили подлѣ берега 30 канонерскихъ лодокъ. Мапрозы, ободренные первымъ успѣхомъ, позабыли усматривать и не видѣли уже никакой опасности. Капитанъ Белли открылъ по флотилии изъ своихъ полевыхъ орудій столь удачный огонь, что съ первыхъ выстрѣловъ двѣ лодки пущены на дно, а прочія опшшупили. Не теряя ни минушы, Белли свернувъ отрядъ свой въ колонну, атаковалъ шшыками, опрокинулъ все вшпрѣшившееся ему на пуши, ворвался въ окопы, взялъ обѣ батареи одну за другой и вошелъ на мостъ вмѣстѣ съ непріятелемъ, который щещно усиливался остановишъ столь смѣлый напискъ, и возвращишъ мостъ. Белли, обративъ пушки взятыхъ батарей и свои прошиву густыхъ колоннъ непріятельскихъ, снова пошелъ на шшыки, прорѣзалъ непріятельской фронтъ въ центрѣ, и тѣмъ принудилъ его въ безпорядкѣ бѣжать къ цитадели. Клики, ура! какъ бы пробудили отъ глубокаго сна жителей Неаполя. Съ сего времени революціонеры должны были сражаться съ Лазаронами, съ цѣлымъ населеніемъ Неаполя.

Такимъ образомъ въ одинъ день покорены были два зámка , укрѣпленный мостъ и превосходный въ силахъ непріятель разбитъ въ окопахъ: взяты 4 пушки большого калибра; потеря въ людяхъ была очень значительна. При взятіи моста опличились Лейтенантъ Снаксаревъ и морской артиллеріи Унтеръ-Лейтенантъ Туяни.

На другой день 3 Іюня Кардиналъ Руффо, находившійся до сего въ полѣ , съ войскомъ своимъ перешелъ на дорогу къ Капуи, послалъ сильный отрядъ къ Гаеѣ , и тѣмъ въ одно время лишилъ столицу важнѣйшихъ сообщений и угрожалъ нападеніемъ на оставшіяся въ рукахъ революціонеровъ двѣ крѣпости. Войска же наши съ большимъ урономъ непріятеля овладѣли замкомъ *дела-Кермени*, въ ономъ укрѣпились , и съ непреодолимымъ мужествомъ отразивъ всѣ нападенія Французовъ, принудили ихъ, оставивъ Неаполь во власть нашу, заключиться въ крѣпостяхъ. Въ сей и послѣдующіе дни Лазароны, соединившись съ прибывшимъ ополченіемъ, нападали на Якобинцевъ. Въ сіи минуты ужаса ни лѣта , ни полъ , ни достоинство , ни богатство , ни несчастіе, ничто не было уважено ; наступилъ часъ мщенія , городъ наполнился трупамъ предашелей отечества. Руффо не могъ остановить сихъ жестоко-

стей, только Рускіе спасли нѣсколько семействъ. Республиканцы, приведенные въ отчаяніе, рѣшились защищаться до крайности.

5 и 6 Іюня занимались строеніемъ батарей противъ замковъ *Ново* и *Дель-Ово*, 7 же окончивъ работы, Капшанъ Белли открылъ по онымъ жестокую канонаду. Непріятель, усмрашенный мѣпкимъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, принужденъ былъ просить пощады. 9 числа по заключеннымъ капитуляціямъ, Французскій гарнизонъ сихъ двухъ замковъ долженствовалъ быть отправленъ въ Тулонъ.

По покореніи приморскихъ замковъ, Белли атаковалъ главную крѣпость Санш-Ельмо; но узнавъ, что Якобинцы хотѣли напасть на него съ тылу, предупредилъ ихъ въ семъ намѣреніи. Войска Кардинала Руффо должны были обойти и напасть на непріятеля съ тылу. Поручикъ Александеръ со спачеловѣками морскихъ гренадеръ, и Мичманъ Викорстъ съ 30 мапрозами и двумя пушками, не дождавшись войскъ Кардинала, произведя ружейный и пушечный огонь, скорымъ шагомъ подошедъ къ самому фронту непріятельскому, состоящему болѣе, нежели изъ 1000 человекъ, съ крикомъ ура! ударили въ шпыки. Сіе нападеніе произведено съ такимъ мужествомъ, что въ самое корот-

кое время положено на мѣстѣ 300 человекъ, въ плѣнъ взято 60, одно знамя, пять полевыхъ пушекъ и 25 обозныхъ лошадей. Остатки корпуса Якобинцовъ разсѣялись и истреблены сельскими жителями. Въ семъ нападеніи, къ сожалѣнію, убитъ храбрый Сержантъ Луневъ, опятившій знамя.

Двѣ капитуляціи и перемиріе, заключенныя по взятіи Каспель-Ново и Каспель-Дель-Ово, коими жизнь и имущество революціонеровъ были обезпечены и обѣщана была пощада всѣмъ виновнымъ, равно позволено имъ было оспасться въ опечесствѣ или вмѣстѣ съ Французскимъ гарнизономъ отправиться въ Тулонъ, не были утверждены Королемъ (*); почему Лордъ Нельсонъ по прибытіи въ Неаполь занялъ Англійскими войсками взятыя крѣпости и соединенными силами союзниковъ принудилъ Французскаго коменданта крѣпости Сант-Ельмо Полков-

(*) Г. Дюваль сильно возстаеъ противу сего нарушенія капитуляцій, и утверждаетъ, будто бы Король непременно долженъ былъ оную утвердить и исполнить. Въ опроверженіе сего можно показашъ на многіе примѣры, гдѣ не только Король, а главнокомандующій не утверждаетъ условій, сдѣланныхъ подчиненнымъ ему Генераломъ.

ника Межана безъ условій положишь ружье. Гарнизонъ сей крѣпости и другихъ отправлены въ Тулонъ, а революціонеры, какъ измѣнники, были задержаны, и всѣ, копорые въ прошедшемъ году выгнали Лазароновъ изъ крѣпости С. Ельмо, помогали Французамъ при занятіи Неаполя, отправляли какія либо должности въ правленіи республики, или сражались прошиву Руффо, словомъ: всѣ дѣйствовавшіе прошиву Короля и опечесхва, числомъ до 15,000, преданы были суду и большая изъ нихъ часть сосланы въ заточеніе или погибли на эшафотѣ.

«Въ сіе несчастное время, говоритъ Гр. Орловъ, всѣ способы къ оправданію были опняшы, и въ семъ обширномъ городѣ было только два класса жителей: палачи и жертвы. Въ числѣ многихъ знаменитыхъ особъ, погибшихъ въ продолженіе сего ужаснаго періода мщенія, особаго вниманія достойны: Манпоне, военный Министръ въ правленіе республики, Баффи, Конфорпи, Пигано, Карафа, Торила, Чирилло, Карачіолло и многіе другіе просвѣщенные люди. Изъ нихъ Чирилло, будучи вопрошенъ судьей, какого онъ званія? отвѣчалъ: лѣкарь. Какую должность занимали вы въ правленіи республики? Народнаго предсавишеля. А въ моемъ присудствіи какъ вы себя назовете? Предъ

побою, отвѣчалъ Чирилло: я герой. Карачіолло по общему мнѣнію заслуживалъ пощаду. Вина сего доспойнаго Адмирала состояла въ томъ, что онъ принялъ команду надъ флотиліею, съ которою безуспѣшно нападалъ на островъ Прочиду, защищаемый Королевскими войсками. Карачіолли былъ повѣшенъ на своемъ кораблѣ. Онъ равнодушно выслушавъ приговоръ свой, спокойно окончилъ начатый разговоръ о постройкѣ Англійскаго корабля, близъ его на якорѣ стоявшаго, и когда его мапрозы не смѣли надѣсть ему пеплю на шею, онъ сказалъ имъ: поскорѣе исполняйте, друзья! мнѣ легче умереть, нежели видѣть ваши слезы. Тѣло его, брошенное въ море, на другой день прибило къ кораблю Лорда Нельсона, на коемъ находился Король, который съ ужасомъ узналъ бездушное тѣло любимаго и уважаемаго имъ подданнаго.»

Попроки крови обагрили площади Неаполя. Тюрьмы наполнены были несчастными Якобинцами, изъ копорыхъ почти каждый день по нѣскольку казнили. Ничто не могло спасти виновныхъ: ибо вина ихъ не подлежала сомнѣнію; но сія чрезмѣрная жестокость, по наказаніи главнѣйшихъ преступниковъ, была уже бесполезна. Многіе несчастные искали покровительства Россіянъ. Адми-

ралъ Ушаковъ и другіе начальники войскъ своимъ предстательствомъ испросили прощенье нѣкоторымъ осужденнымъ, другихъ спасли разными образами (*).

Побѣда Наполеона при Маренго, и миръ, заключенный во Флоренціи 1801 года, принудилъ Дворъ оставить преслѣдованіе Якобинцевъ и согласиться на занятіе восточныхъ обласпей Французскими войсками.

Когда наслѣдникъ Неаполитанскаго престола женился на дочери Испанскаго Короля, а Принцъ Аспурійскій на дочери Фердинанда, Мадридскій Дворъ исходатайствовалъ признаніе неупралишенна для Неаполитанскаго Короля. Въ слѣдствіе заключеннаго мира въ Парижѣ Маркизомъ де Галло, Фран-

(*) Какъ въ замкѣ, въ которомъ содержались преступники, для сохраненія ихъ отъ ярости черни, всегда былъ нашъ караулъ, то караульные Офицеры иногда по повелѣнію Адмирала Ушакова и съ согласія Короля, иногда изъ состраданія, по собственной волѣ, отпускали или отправляли на Рускіе корабли осужденныхъ. Народъ столь большое уваженіе оказывалъ Рускимъ, что одинъ безоружный солдатъ или матрозъ могъ удержать самыхъ неистовыхъ убійцъ. Домъ Якобинца, въ которомъ жилъ Руской, уже былъ безопасенъ отъ мщенія Лазароновъ.

цузскія войска были выведены изъ областей Королевства.

Но путешествіе Королевы въ Вѣну 1804 года переѣхало политику Неаполитанскаго Двора, который въ 1805 году приступилъ къ союзу, и въ Ноябрь мѣсяцъ принялъ 30,000 Россійскихъ и Англійскихъ войскъ. Вступленіе союзниковъ (*) послѣдовало вскорѣ послѣ заключеннаго въ Парижѣ мира. Между тѣмъ щастіе, постоянно благопріятное новому Императору, послѣ Аустерлицкаго сраженія принудило союзниковъ опоздать свои войска; которые выступивъ изъ Неаполя 9 Декабря, заняли на границѣ позицію, и чрезъ мѣсяцъ не видавъ непріятели, отступили къ Баіѣ, Россійскія въ концѣ Генваря 1805 возвратились въ Корфу, а Англійскія въ званіи вспомогательныхъ заняли Сицилійскія крѣпости. Наполеонъ послалъ въ Италію сильную армію подъ начальствомъ брата своего Іосифа, и въ прокламаціи отъ 27 Декабря 1805 года сказалъ: «Бурбоны перестали царствовать; солдаты идите, сбросьте въ море слабые баталіоны ширинъ моря и поспѣшите увѣдомишь меня, что вся Италія повинуется моей волѣ!»

(*) Россійскія, Англійскія и Неаполитанскія войска состояли подъ начальствомъ Генералъ-Аншефа Ласси.

Фердинандъ, не имѣя силъ сопротивляться, долженъ былъ покориться необходимости, и вшорично съ прискорбіемъ удалился въ Палермо. Дѣятельность Дюка Дасколи сохранила порядокъ и спокойствіе въ столицѣ, которая была сдана Французскимъ войскамъ безъ кровопролитія.

ЦАРСТВОВАНИЕ ІОСИФА.

Наслѣдный Принцъ съ одною Неаполишанскою арміею опспунилъ въ Калабрію. Генералы Дюгемъ и Ренье съ 30,000, преслѣдуя его, послѣ многихъ битвъ, въ которыхъ щастіе не всегда имъ благопріятствовало, наконецъ въ сраженіи при Кампо-Тенезе разбили Неаполишанскую армію и принудили ее переѣхать въ Сицилію. Другой 10,000 корпусъ обложилъ Гаепу. Упорное защищеніе сей крѣпости, подкрѣпляемой съ моря свободнымъ подвозомъ войскъ и провіанта, принудило Французовъ, по покореніи Калабріи, усилить число войскъ, поручить осаду Генералу Массенѣ. Гаепа, обороняемая храбрымъ Принцемъ Людвигомъ Гессенъ-Филипсвальскимъ, стоила Французамъ великихъ усилій и поперъ, и послѣ жестокой осады, продолжавшейся около шести мѣсяцовъ, крѣпость сія сдалась не прежде, какъ Принцъ тяжело былъ раненъ и принужденъ

былъ удалиться въ Палермо (*). Защитникъ Гаеши доставилъ солдатамъ Фердинанда уваженіе и славу. Гарнизонъ съ оружіемъ возвратился въ Палермо.

По покореніи всѣхъ областей Неаполитанскаго Королевства, въ началѣ 1806 года Іосифъ наименованъ Королемъ Обѣихъ Сицилій. Въ первый годъ царствованія, онъ едва не лишился легко пріобрѣтенной короны. Англійскій Генералъ Спюаршъ, съ семью тысячами вышедшій на берегъ въ заливѣ Санша-Ефиміи у Майды, разбилъ на голову Генерала Ренье и освободилъ Калабрію до Лаго-Негро. Къ щастію Іосифа, въ сіе время Гаеша сдалась, и Массена могъ всѣ силы обратишь на защиту Неаполя и возвратишь потеряныя провинціи. Англійскія войска удалились безъ сраженія въ Сицилію; но мужественные Калабрійцы продолжали защищаться и рѣшились умереть за опеченство: образуя многочисленные отряды, съ успѣхомъ защищались они въ трудныхъ дефилеяхъ своихъ неприступныхъ горъ, гдѣ наилучше обученныя Французскія войска не могли ихъ разсѣять. Калабрійцы бились съ неистовствомъ, уступали шагъ за шагомъ,

(*) Его Высочеству раздробило черепъ, и по выздоровленіи, я видѣлъ его съ серебряною на лбу накладкою.

и нападеніями своими ни днемъ, ни ночью не давали покою Французамъ. Массена, раздраженный необыкновеннымъ ихъ упорствомъ и своими поперями, прибѣгъ къ неслыханнымъ жестокостямъ. Онъ, какъ люпый пигръ, терзалъ и пожиралъ все на пуши ему вспрѣчавшееся. Мщеніе Калабрійцовъ было не менѣе ужасно; съ обѣихъ сторонъ убивали плѣнныхъ и раненыхъ, не давали и не просили пощады. Массена, снѣдаемый жаждою побѣдъ, не могъ, подобно героямъ, опдашь должную справедливость храброспи народной: онъ выжегъ, опустошилъ и предалъ все огню и мечу; но къ вящшему спыду своему, не могъ покоришь Калабріи, не могъ вырвать у мужеспвенной толпы ни одной значительной побѣды.

Нѣсколько мѣсяцовъ спустя въ 1807 году, когда Наполеонъ опозвалъ Массену съ частию войскъ въ Пруссію, Принцъ Гессенъ-Филипспальскій явился съ арміею въ Калабріи; но на сей разъ онъ не былъ щасливъ. Ренье разбилъ его при Мелипо, и Калабрія снова была занята Французами; однакожъ жишели успѣшно продолжали защищаться въ горахъ. Двѣ крѣпоспи Сцилла и Реджіо оставались во власти Фердинанда.

Іосифъ получилъ хорошее воспитаніе, имѣлъ умъ и способности, доставившія ему

пишло искуснаго дипломата и государственнаго человека; но едва вышелъ онъ изъ сего круга, то доказалъ, что недостойнъ былъ носить корону. Онъ не могъ управлять дѣлами, а пошому вмѣсто его царствовали Саличешши и Родереръ, два злодѣя, изрыгнутые революціею. Первый въ званіи Министра полиціи сдѣлался необходимымъ Королю великою своею способностію открывать заговоры, часто имъ самимъ вымышляемые. Сей жестокій и кровожадный человекъ казнилъ и мучилъ по малѣйшему подозрѣнію. Неаполитанцы, приведенные въ опчаяніе, взорвали домъ его на воздухъ; но люпый Корсиканецъ оспался живъ и жилъ для мщенія. Родереръ, родомъ Французъ, не уступалъ въ жестокости Саличешши, грубый и корыстолюбивый, онъ исправилъ финансы всякаго рода несправедливостями и грабительствомъ. Іосифъ, презираемый и ненавидимый подданными, успѣлъ однакожъ произвестъ нѣкоторыя полезныя перемѣны, и когда къ удивленію свѣта щасливый Наполеонъ возложилъ на него корону Испаніи (1808 въ Маіѣ), онъ при разлукѣ объявилъ конспиріуцію, копорую въ продолженіе царствованія безпрестанно обѣщалъ подданнымъ.

ЦАРСТВОВАНИЕ МЮРАТА.

Іоакимъ Мюратъ, сынъ бѣднаго шрапирщика въ Кагорѣ, обязанъ своимъ щастіемъ храбрости. Наполеонъ отдалъ за него любимую свою сестру и поспѣшно произвелъ его въ Короли. Мюратъ былъ Королемъ только по имени: ибо въ одномъ блистательномъ мужествѣ заключались всѣ его достоинства,

Первымъ дѣйствіемъ Мюрата было покореніе острова Капри; но Англичане, укрѣпившись на островахъ Искѣ и Прочидѣ, съ сильнымъ флотомъ явились предъ Неаполемъ. Второй сынъ Фердинанда начальствовалъ высадными войсками, съ которыми Лазарони при первомъ случаѣ готовы были соединиться; но Мюратъ такъ благоразумно распорядился, что флотъ удалился, не предпринявъ никакого нападенія.

Положеніе новаго Короля было весьма затруднительно. Калабрійцы продолжали защищаться; въ другихъ провинціяхъ народъ, постоянно преданный законному Королю, готовъ былъ къ возмущенію. Не было средствъ помочь всѣмъ нуждамъ правительсва; всего же болѣе опасался онъ уничижительной зависимости отъ Франціи. Мюратъ образовалъ прекрасную и сильную

армію ; но позволивъ солдатамъ безнаказанно всякаго рода безчинства и грабительства , не могъ симъ безразсудствомъ приобрѣсти любви подданныхъ. По заключеніи мира съ Австрією въ 1809 году, Наполеонъ открылъ переговоры съ Каролиною, Королевою Сицилійскою. Мюратъ , рѣшившись ополонити новыя происки сіи, спалъ удаляти отъ себя Французовъ, и за дерзкую мысль сдѣлался самовласнымъ правителемъ, поссорился съ женою и шуриномъ.

Послѣ многихъ трудовъ и приготовленій, Мюратъ рѣшился покорити Сицилію. Въ началѣ 1810 года вся его армія и вновь построенный гребный флотъ собрались въ Калабріи между Сциллою и Реджіо. Одна дивизія ночью и во время штиля переправилась чрезъ проливъ и вышла на берегъ между Мессиною и Скалешшою. Неблаго-разумное сіе предпріятіе не могло быти успешно: изъ дивизіи не спаслось ни одного человека ; часть оной попоплена была на возвращномъ пути, другая положила ружье. Англійскіе фрегаты и канонерскія лодки Фердинанда истребили большую часть перевозныхъ судовъ. Мюратъ , претерпѣвъ великій уронъ, поспѣшно отступилъ. Едва армія вышла изъ Калабріи, народъ снова возсталъ. Генералу Манге, усмирившему

возмущеніе въ Абруццо и Чиленто, поручено было привести въ повиновеніе сихъ истинныхъ мучениковъ любви и преданности къ законному Королю. Манге, подобно Массенѣ, неслыханными варварствами успѣлъ на короткое время усмирить всю Калабрію.

Возникшія неудовольствія между Наполеономъ и Мюратомъ могли бы имѣть печальныя послѣдствія для послѣдняго, если бы повелитель Франціи не занялся въ сіе время важнѣйшимъ предпріятіемъ. Король Неаполитанскій, какъ Вассалъ Императора, въ 1812 году явился въ Россіи съ десяти тысячами Неаполитанцевъ, изъ коихъ весьма не многіе оспались въ живыхъ. Командуя всею кавалеріею большой арміи, Мюратъ отличился въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ и Бородинымъ, но былъ разбитъ подъ Тарупинымъ. Наполеонъ, отбѣзжая въ Парижъ, поручилъ разбитую свою армію Мюрату, но вскорѣ повелѣлъ сдать главное начальство Принцу Евгенію, который, какъ сказано было въ декретѣ, лучше чѣмъ Мюратъ, разумѣлъ управленіе арміею.

Мюратъ, оскорбленный симъ уничижительнымъ объявленіемъ, возвратился въ Неаполь и открылъ тайные переговоры (въ 1813 году) съ Австріею; но послѣдствія

Люценскаго сраженія принудили его воздержаться, и къ удивленію всѣхъ онъ снова явился въ Саксоніи какъ другъ Наполеона, котораго послѣ Лейпцигской битвы наконецъ рѣшительно оставилъ и опозвалъ свои войска. По прибытіи въ Неаполь онъ заключилъ съ Австрією союзъ, коимъ обезпечивала ему сія держава владѣніе Неаполя и обѣщала исходатайствовать на сіе согласіе Союзныхъ Монарховъ, равно убѣдиль Фердинанда опречься навсегда отъ своихъ правъ на корону. Мюратъ съ своей стороны обязался присоединить свои войска къ союзнымъ. Вскорѣ заключилъ онъ перемиріе съ Англією и открылъ для подданныхъ ея свои гавани.

Въ 1814 году Мюратъ съ 40,000 армією вступилъ въ Римъ, занялъ всю Церковную Обласль, Анкону, Чипша-Векію и въ Тосканскихъ владѣніяхъ соединился съ Австрійскими войсками, успѣхи коихъ основаны были двусмысленнымъ его поведеніемъ. Мюратъ тайно спарался о пользахъ Наполеона и не принималъ почти никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ прошиву Вице-Короля Принца Евгенія Богарне. По сему-то на Вѣнскомъ Конгрессѣ не всѣ Монархи согласны были утвердить условія, имъ съ Австрією учиненныя. Наконецъ, когда Наполеонъ оставя Ельбу, явился во

Франції, Мюратъ снялъ личину, объявилъ себя его защитникомъ и другомъ, напалъ на Австрійцевъ, и въ воззваніи объявилъ намѣреніе соединити всѣ владѣнія Италіи въ одно независимое государство. Онъ не постыдился предложить себя даже въ Короли; но народы Италіи оспались равнодушны и немногіе повѣрили столь дерзкому и неблагоприятному его вызову. Генералъ Біанки, собравъ разсѣянные Австрійскіе корпусы, разбилъ его 4 Апрѣля при Панаро. Приближеніе Англійскихъ войскъ подъ командою Лорда Беншика во флангъ его, принудило раненаго Мюрата къ поспѣшному отступленію. 2 Маія 1815 года у Толеншино Австрійцы разбили его въ другой разъ. Здѣсь щастіе совершенно оставило его. 22 Маія Австрійцы заняли Неаполь безъ кровопролитія по капитуляціи. Семейство Мюрата отправлено въ Тріестъ. Мюратъ не хотѣлъ однакожъ отрѣчься отъ престола; и переодѣвшись въ мапрское плащье, ночью удалился на островъ Искью, откуда на небольшой шебекѣ съ малымъ числомъ преданныхъ ему приспалъ къ берегамъ Франціи въ Каннахъ. Здѣсь Мюратъ узналъ, что голова его была оцѣнена. Опасаясь убійцъ, онъ долженъ былъ скрываться въ лѣсахъ, и съ великимъ трудомъ успѣлъ спастись въ Корсику, гдѣ, къ несчастію,

вознамѣрился съ 300 Офицеровъ возвра-
тити потерянное царство, въ то самое
время, какъ Адьютантъ его Мачироне уже
исходатайствовалъ ему убѣжище въ Боге-
міи. Мюрашъ надѣялся на любовь прежнихъ
своихъ подданныхъ; но жестоко въ томъ
обманулся, и едва 15 Сентября 1815 года
приспалъ въ Пиццо, что въ Калабріи, былъ
схваченъ народомъ, и 18 того же мѣсяца,
по приговору военного суда и въ слѣдствіе
закона, имъ же самимъ изданнаго, распрѣ-
лянъ.

Такъ погибъ храбрый баловень форшуны,
не имѣвшій достоинствъ и характера, не-
обходимыхъ для Государя. Простолудинъ
сей, будучи недоволенъ одною изъ прекрас-
нѣйшихъ коронъ въ Европѣ, желалъ обла-
дать всею Италіею. Его вѣтренность, не-
постоянство, Азіатская пышность, слѣ-
пое подражаніе шурину, разорили народъ,
который онъ долженствовалъ бы содѣлать
щасливымъ, дабы тѣмъ оправдать дерз-
скую мысль управлять имъ. Не смотря на
сіе, онъ имѣлъ благоразуміе утвердить нѣ-
которые новыя постановленія Іосифа. Его
дѣятельностію всѣ отрасли управленія фи-
нансовъ (*), военныя и воспитанія были

(*) Подати и безмѣрные налоги брали на шты-
кахъ.

улучшены, общества образованы по образцу Французскому, законы Франції замѣнили старый безобразный порядокъ судопроизводства. Онъ употребилъ все свое частное богатство на учрежденіе многихъ полезныхъ заведеній; но не сдѣлалъ самаго нужнаго. Какъ деспотъ и подражатель Наполеона, не далъ народу давно имъ самимъ обѣщанной конституціи (*), которая одна могла пріобрѣсть ему любовь подданныхъ и утвердить благосостояніе націи. Съ того времени, какъ Мюратъ поссорился съ Наполеономъ, Французскіе чиновники замѣнены были Неаполитанскими, и Фердинандъ, по принятіи своихъ владѣній, отдавая должную справедливостъ правленію бывшихъ при Мюратѣ Министровъ, сказалъ: *Въ отсутствіе мое я имѣлъ здѣсь хорошихъ прикащиковъ.*

Честолюбіе Каролины Мюратъ было главною причиною несогласій между Наполеономъ и Мюратомъ. Сія женщина, которой не лзя отказать въ великомъ характерѣ, непременно хотѣла повелѣвать и желала, чтобы мужъ ея игралъ ролю подданнаго Наполеона. Извѣстный Таллейранъ гово-

(*) Конституція сія въ тотъ самый день, какъ Мюратъ оставилъ Неаполь, была обвѣявлена и не исполнена.

рилъ обѣ ней, что она имѣла голову Кром-
веля на прекрасномъ женскомъ пуловищѣ.
Рожденная съ великими способностями,
умомъ проницательнымъ и гибкимъ, она
имѣла твердость и рѣшительность муж-
скую, любезность и пріятность въ обра-
щеніи благовоспитанной, милой женщины;
ей не доставало только способности скры-
вать свое властолюбіе; и если она не до-
стигала иногда своей цѣли: то это потому,
что желала достигнуть оной слишкомъ
скоро. Наполеонъ, который почиталъ зятя
своего только что храбрымъ, думалъ, что
онъ легко съ помощію сестры можетъ имъ
управлять; но братъ и сестра въ семъ
жестоко обманулись: Мюратъ хотѣлъ самъ
царствовать и быть Королемъ независи-
мымъ.

Если бы Наполеонъ въ 1813 году, вмѣсто
того, чтобы Неаполитанскую армію оп-
дать подъ команду Евгенія Богарне, пору-
чилъ начальство надъ Французскою арміею
въ Италіи Мюрату: тогда бы сей отваж-
ный воинъ могъ быть ему весьма полезенъ;
тогда Мюратъ не подумалъ бы присоеди-
ниться къ Союзникамъ, а напрошивъ съ
сильною арміею могъ бы угрожать самой
Вѣнѣ. Наполеонъ многими подобными сему
поступками доказалъ, что онъ былъ столь
же худой политикъ, какъ искусный полко-

водець. Едва щасіе его оспавило, созвѣдіе зашмилось и обширный умъ его померкъ.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ФЕРДИНАНДА IV.

Фердинандъ во второй разъ удалившись въ Сицилію, хопя покровительствуемый Англіею и не боялся угрозъ новаго Аппилы, но едва сохранилъ шѣнь власпи. Брипанское Министерство, поставивъ во всѣхъ Сицилійскихъ крѣпостяхъ свои гарнизоны подъ видомъ улучшенія правительсва, мало по малу присвоило себѣ верховную власпъ. Уже учрежденъ былъ Парламентъ по образцу Англійскаго; Бароны лишены феодальныхъ правъ; однакожъ народъ, не смолря на тайныя побужденія, оспался равнодушнымъ, и ожидалъ въ молчаніи повелѣній Короля, дабы изгнать ложныхъ друзей и слишкомъ опасныхъ покровителей.

Въ семъ случаѣ кропкій Фердинандъ оказалъ необыкновенную пвердоспъ характера: преслѣдуемый претованіями Англійскаго посланника, Король удалился въ замокъ Циза, гдѣ услышавъ, что военный опрядъ приближается съ намѣреніемъ принудить его возвратиться въ Палерму, онъ приказалъ въ залъ поставить наскоро пронъ: возсѣвши на оный, и окруживъ себя малымъ числомъ придворныхъ, Король на

предложеніе Англійскаго дипломатика возвращишься въ Палерму и уступишь корону сыну , рѣшительно отвѣчалъ: «По какому
«праву и уполномочію вы сіе отъ меня пре-
«буете ; если Англійское правительство
«желаетъ сей жертвы, то я въ любви под-
«данныхъ найду довольно силъ , чтобы вос-
«противиться дерзкимъ оскорбленіямъ чу-
«жеземцевъ.» Англійскій агентъ въ чрез-
мѣрномъ смущеніи отвѣчалъ: что не думали
употребить противу Его Величества какое
либо насиліе и предлагаемое имъ есть част-
ное и личное его мнѣніе. «Такъ знайте, от-
вѣчалъ Король: «что я никогда не откажусь
«отъ короны , и съ сей минуты избавлю
«себя отъ постыднаго вліянія.»

Таковая рѣшительность возвратила пре-
жній порядокъ , всѣ запрудненія окончаны.
Англійскій Министръ принужденъ былъ со-
общить Королю имена Сицилійскихъ дво-
рянъ , кои ему помогали. Фердинандъ не
сдѣлалъ изъ сего никакого употребленія :
онъ , бросивъ въ огонь запечатанный па-
кетъ , сказалъ удивленному Министру:
«вотъ мое мщеніе злымъ и слабымъ.»

Въ сіи несчастныя времена кто можетъ
изчислить огорченія Королевы Маріи Каро-
лины ? Не только видѣла она корону свою
на главѣ простолюдима , но и ближнихъ

своихъ лишенныхъ Испанскаго прона и Тосканскихъ владѣній. Не смотря на удручавшія ея нещастія, съ презрѣніемъ отвергнула она предложеніе выдать старшую свою дочь за всемогущаго власпишеля, и не смотря, что онъ женился на Ерцѣ-Герцогинѣ Австрійской, она постоянно прошивилась полишикѣ грознаго Наполеона.

Наконецъ терпѣніе Всемогущаго исполнилось и время освобожденія народовъ настало; Европа вооружилась противу своего гонимеля, и заключила на Эльбу того, который не довольствовался одною изъ обширѣйшихъ Имперій. Кровь народовъ престала липься; политическій горизонтъ началъ освѣщаться: но посреди общей радости справедливыя надежды Королевы были остановлены пракпапомъ, заключеннымъ Австрійскимъ Императоромъ съ Мюратомъ. Каролина чрезъ Россію прибыла въ Вѣну. Конгрессъ, занятый важнѣйшими дѣлами, медлилъ рѣшеніемъ въ ея пользу. Здоровье ея, ослабленное продолжительными огорченіями въ то самое время, когда коварное поведеніе Мюрата обѣщало ей возвращеніе владѣній и спокойствія, апоплексическій ударъ въ ночь съ 7 на 8 Сентября 1815 года прекратилъ жизнь ея. Тѣло Королевы положено возлѣ гроба ея матери.

Революційные писатели судили о ней несправедливо. Она, соопвѣственно высокому своему рожденію, была возвышеннаго характера, щедролубива, и сполько ненавидѣла непріятелей общеспвеннаго порядка, сколько любила, покровительствовала и помогала друзьямъ своего опечества и Монарха. Сіи двѣ спраспи были вѣ ней нераздѣльны. Она первая разгадала характеръ и политику Наполеона, и начала прошивишся ему пою же хипроспію и защищахся его же оружіемъ.

Смерть Неаполитанской Королевы была, такъ сказать, сигналомъ паденія двухъ ея непримиримыхъ враговъ. Наполеонъ, разбитый при Ватерло, принужденъ былъ возвратишъ Францію Бурбонамъ и опправленъ вѣ започеніе на островъ Св. Елены. Положеніе Мюраша вѣ тоже время сдѣлалось опчаяннымъ, и онъ, какъ сказано выше, погибъ подобно романическому рыцарю, во всю свою жизнь искавшему приключеній.

Наконецъ послѣ девятилѣшняго опсупствія, Фердинандъ возвратился вѣ свою столицу, ознаменовавъ вшеспвіе вѣ оную милоспіями и мудрымъ снисхожденіемъ. Кромѣ немногихъ Миниспровъ, большая часть служившихъ Мюрашу сохранили свои мѣспа и ни одинъ изъ преданныхъ ему

не былъ преслѣдованъ за политическое мнѣніе. Въ отсутствіе законной власпи государственныя доходы отъ 7 милліоновъ возросли до 21 милліона; почему Король рѣшился не только по части финансовъ, но и по другимъ отраслямъ правленія слѣдовать Іосифомъ и Мюратомъ учрежденному порядку. Похитители престоловъ всегда съ большею удобностію могутъ искоренить злоупотребленія, освященныя временемъ. Кавалеръ Медичи и Маркизъ Томасси, избранные Фердинандомъ первыми Министрами, утвердили тишину и заслужили общее уваженіе и любовь.

Неблагоразумное поведеніе Министра полиціи Маркиза Канозы, желавшаго уничтожить сексу Карбонаріевъ, было причиною новыхъ безпокойствъ. Дабы объяснить оныя, соберемъ здѣсь разныя свѣденія объ учрежденіи сего политическаго общества, доселѣ извѣстныя.

Въ 1799 году Кардиналъ Руффо основалъ тайное общество *La santa fede* (святая религія); защищеніе законной власпи и сопротивленіе нововведеніямъ Французскихъ революціонеровъ было цѣлію онаго. Общество сіе состояло изъ богатыхъ помѣщиковъ, придворныхъ и народа, преданныхъ Фердинанду. Оно при началѣ царствованія Мю-

раша найбільше процвітало и поддерживало несогласія другихъ парсій.

Нѣкоторые писали утверждають, что будто общество Карбонаріевъ (угольниковъ) основала въ 1812 году покойная Королева Каролина Австрійская; другіе, напрошивъ того, увѣряють, что Свободномыслящіе (Liberales), которые не были особенно преданы ни Мюрату, ни Бурбонамъ, учредили сію секшу, дабы воспронившись обществу Санта Феде, и всѣмъ вообще благопріятствовавшимъ самовласцію.

Частное сіе общество имѣло цѣлю распространить политическія свѣденія, основанныя на правилахъ свободной конституціи. Въ постановленіяхъ онаго не было ничего тайнаго; общество состояло, какъ казалось, въ собраніи небольшого числа ученыхъ и просвѣщенныхъ людей, и всѣ шѣ, которые мыслили свободно, имѣли умъ и любили правду, именовались Карбонаріями.

Каролина Мюратъ въ званіи правительницы, опасаясь вліянія сей политической секшы, приняла противъ оной нѣкоторыя мѣры осторожности. Мюратъ, возвратившись въ Неаполь послѣ Лейпцигской битвы, подвергнулъ оную жестокимъ гоненіямъ.

Сіе принудило главных членов общества, коих число увеличилось до 200,000, уменьшив число членов, постановить нѣкопорыя правила для тайнаго своего управленія. Исключенные изъ Карбонаріевъ содѣлались ихъ врагами и основали особое общество подъ названіемъ Кальдераріевъ (кошельщиковъ). Мюрапъ, долго колебавшійся, наконецъ спалъ покровительствовать Карбонаріямъ, какъ сильнѣйшимъ и опаснѣйшимъ: но сіе уже было поздно; пренебрегаемый одною, и ненавидимый другою, въ послѣдніе дни царствованія своего онъ не получилъ помощи ни отъ одной изъ сихъ паршій.

По возвращеніи Фердинанда, Кавалеръ Медичи оставилъ обѣ секты въ покоѣ и пѣмъ почти уничтожилъ ихъ и сохранилъ общественное спокойствіе. Канозо, назначенный Министромъ полиціи, почиая Карбонаріевъ непримиримыми врагами Королевской власти, основалъ новое общество подъ названіемъ Кальдераріевъ дель Контрапезо. Соединивъ ихъ съ прежнею сектою сего названія, онъ рѣшился уничтожить и разсѣять всѣхъ Карбонаріевъ и франкъ-Масоновъ. Каноза для приведенія въ исполненіе своего намѣренія, уже роздалъ Лазаронамъ 20,000 ружей: какъ Король, не желая допустить, чтобы отъ сопротивле-

нія и ненависши двухъ полипическихъ партій произошли опасныя несогласія, смѣнилъ Канозу, ограничилъ власть Министра полиціи и пѣмъ въ короткое время возстановилъ прежній порядокъ и спокойствіе.

Вскорѣ по смерти Каролины Австрійской, Фердинандъ женился на вдовѣ Принца Пармано; однакожъ не назвалъ ее Королевою; старшую дочь наслѣдника своего выдалъ за Принца Беррійскаго, а Принца Леопольда женилъ на Ерцъ-Герцогинѣ Клеменшинѣ Австрійской. Старшему же своему сыну далъ шило Герцога Калабрскаго.

Чума, завезенная Турецкимъ кораблемъ въ Пулю, и голодъ, произшедшій отъ дурнаго урожая 1816 года, были новымъ испытаніемъ для добраго сердца Фердинанда. Едва сіи преходящія бѣдствія миновались, какъ Папа сталъ поддерживать пребыванія Неаполитанскаго духовенства. Король съ нѣкоторыми перемѣнами подтвердилъ постановленія и законы, введенные въ продолженіе военнаго обладанія Французовъ, и повелѣлъ по онымъ управлять въ Сициліи, которая съ сего времени объявлена соединенною съ Неаполитанскимъ Королевствомъ.

Въ числѣ многихъ дѣйсвій, къ славѣ и чесши Фердинанда относящихся, должно

однакожъ упомянушь о нѣкопрыхъ, напоминающихъ слабость и безпорядки феодальнаго правленія. Внутри Государства шайки разбойниковъ до того усилились, что Король принужденъ былъ съ премо ашаманами, братьями Вардарелли, заключить условіе, по которому они вступили въ службу Короля и обязались преслѣдовать другія шайки, не менѣе опасныя. Варварійскіе корсеры, безнаказанно грабившіе прибрежныхъ жителей, принудили Короля, подражая древнему обыкновенію, купить съ ними миръ золотомъ. Фердинандъ обязался съ 1817 года платить ежегодно Алжирскому Дею 120,000 рублей. На подобныхъ же условіяхъ заключенъ былъ союзъ и съ Деемъ Трипольскимъ.

По заключеніи мира съ Варварійцами, неожиданно явилась предъ Неаполемъ эскадра Соединенныхъ Штатовъ. Министръ Пинкней, угрожая бомбардированіемъ, требовалъ возвращенія двадцати милліоновъ рублей, составляющихъ собственность подданныхъ Американскихъ Штатовъ, конфискованную Мюратомъ. Требованіе сіе было не безъ основанія. Въ 1809 году Маркизъ де Галло, бывшій Министръ иностранныхъ дѣлъ, объявилъ Консулу Соединенныхъ Штатовъ, что Американскіе корабли могутъ свободно приходить въ Неа-

полипанскіе порты. Едва нѣсколько кораблей прибыли, какъ Мюратъ, согласно повелѣнію Наполеона, продалъ грузъ и корабли съ публичнаго порга. Сіи деньги употреблены на снаряженіе неудачной экспедиціи прошиву Сициліи. Американскій Министръ просилъ въ замѣну пребуемой суммы позволенія въ одномъ изъ портовъ, предпочтительно въ Мессинѣ, или на одномъ изъ острововъ основать торговую контору, построить арсеналъ и госпиталь. Король, отказавъ въ уплатѣ пребуемой суммы, позволилъ Американцамъ свободную торговлю во всѣхъ портахъ Королевства, утвердилъ преимуществва подданныхъ Америки на равнѣ съ прочими союзными державами, однакожь не согласился ни на какія особыя привилегіи. Американская эскадра, получивъ при непроданныхъ корабля, оставила Неаполь, не предпринявъ прошиву онаго никакихъ непріязненныхъ дѣйствій.

Въ 1817 году Король заключилъ торговый трактатъ съ Англіею и конкордатъ съ Папою; послѣдній былъ источникомъ запруднишельныхъ споровъ, кончившихся отказомъ принять Іезуитовъ и запрещеніемъ Епископамъ безъ позволенія Короля отъноситься къ Папѣ.

Въ теченіи 1818 и 1819 годовъ всѣ части правленія были улучшены, науки и торговля процвѣтали, обѣщаны новые законы, словомъ: подданные Фердинанда наслаждались спокойствіемъ и давно незнаемымъ блаженствомъ: какъ вдругъ духъ свободы, не терпящій никакой власти, распространимый секшою Карбонаріевъ на всю Италію и сосѣдственные государства, потрясъ тронъ Фердинанда. Мѣры осторожности, принятыя Правительствомъ, ускорили революцію. Король подписалъ конституцію, и отказался отъ самодержавія, полагая, что желаніе возмущенной арміи раздѣляетъ народъ и всѣ сословія государства: но послѣдствія доказали, что большая часть подданныхъ его не принимали ни малѣйшаго въ себѣ участія. Хотя политическіе писатели нашего времени вообще похваляли благотворную цѣль и намѣренія Карбонаріевъ, произведшихъ переворотъ 1821 года: но какъ предположенія ихъ основывались единственно на умозаключеніи, которыхъ пользы многіе не понимали, то въ исполненіи конституціи при самомъ началѣ встрѣтились непреодолимые препятствія. Добрыя намѣренія Карбонаріевъ, вопреки общаго ожиданія, имѣли пагубныя слѣдствія. Время, сей суровій судія, обличило пристрастіе начальниковъ, захватившихъ бразды прав-

ленія; испина не замедлила воспоржествовать надъ хипроспію. Честолюбіе и гордостъ немногихъ горячихъ головъ не могли обманушь цѣлую націю.

Полишическая независимоспъ, предложенная народу, была для него непоняшна и недостаточна; обѣщанное блаженспво удалялось, подобно тѣни, а слѣдспвія сихъ перемѣнъ въ правленіи были весьма сомнительны. Добрые граждане, привыкши любить и повиноватся Королю, оскорбились, увидѣвъ въ мѣсто одной самодержавной власти многія, и въ рукахъ такихъ мужей, копорыхъ все достоинспво состояло въ самолюбіи и гордости. Безпорядки со дня на день увеличивались; Фердинандъ, не могши оспановитъ оныя и предупредитъ бѣдспвія, грозящія опечеспву, поручилъ правленіе Наслѣднику и удалился въ ожиданіи того времени, когда ясно и очевидно будетъ каждому, что не для всѣхъ народовъ полезны могутъ бытъ представительныя правленія; что свобода для нѣкоторыхъ споль же опасна, какъ брива въ рукахъ младенца.

Духъ сопротивленія всякой законной власти, подобно злему изчадію Французской революціи, вскорѣ обнялъ почти всю Европу. Не только Испанія и Италія, но Гре-

ція, Франція и большая часть Германіи. ожидали отъ Неаполитанскихъ Карбонаріевъ условленнаго знака къ возмущенію. Въ предупрежденіе онаго, и дабы подавить гидру революціи при самомъ рожденіи, Союзные Монархи пригласивъ Фердинанда на совѣщаніе въ Лайбахъ, согласно положили посласть сильную армію въ Неаполь, и шамъ истребить злонамѣренную секту Карбонаріевъ. Какъ скоро извѣстно спало о семъ рѣшеніи Короля и Союзныхъ Монарховъ, народъ отказался отъ всякаго учаспія; солдаты по приближеніи Австрійской арміи бросили ружье, разбѣжались; ибо не хотѣли сражаться для поддержанія власти Пепе, Филанджьеры и имъ подобныхъ, коимъ, не унижая другихъ ихъ достоинствъ, можно сказать, еще долго нужно было учиться управлять согласно съ законамъ.

Худой успѣхъ сей революціи полагають должно въ томъ, что въ оной приняли живое участіе малое число ученыхъ и небогатыхъ дворянъ, которые надѣялись не много потерять и много пріобрѣсть, словомъ: побудительною причиною большей части Карбонаріевъ была не польза опечесства, а личные выгоды; лучшіе изъ нихъ, по свойственной людямъ слабости, искали власши, и къ сожалѣнію были ея недостойны; из-

лишнее же самолюбіе нѣкоторыхъ изъ нихъ разстроило хорошо обдуманый ихъ планъ. Есѣли и согласишься съ революціонными писателями, что цѣль начальниковъ секты Карбонаріевъ была благонамѣренна, то конечно она была преждевременна: ибо они рѣшились произвешъ возмущеніе въ царствованіе Короля добродушнаго, милосердаго, котораго не могли они назвать ни несправедливымъ, ни жестокимъ, котораго народъ обожалъ, и который желая блага своимъ подданнымъ, имѣлъ возможность сопротивляться, и ѣкогда, подобно Мученику Людовину, не положилъ бы своей головы на плаху.

Окончимъ исторію сего государства крапкимъ и общимъ заключеніемъ.

Географическое положеніе Неаполитанскаго Королевства долженствовало бы сохранишь въ немъ тишину; напротивъ же того, оно наиболѣе было возмущаемо. Изъ Исторіи сего государства видно, что частныя выгоды его Государей всегда были причиною несчастія подданныхъ. Почти безпрестанно спорили объ обладаніи сей прелестной страны, по наслѣдству, по духовной или по дарственнымъ грамошамъ, всегда незаконнымъ, или несправедливымъ. Папы, Германскіе Императоры, Испанскіе

и Французскіе Короли , одинъ за другимъ воевали за корону Обѣихъ Сицилій. Богатства и силы сего государства употреблялись для частныхъ выгодъ Монарховъ-завоевателей , а не въ пользу общественную. Въ продолженіе ужаснаго періода Французской революціи почти всѣ правительства Европы вооружились, дабы защищать алтари и проны. Королевство Неаполитанское, удаленное отъ театра войны, могло бы хотя отъ части избѣгнуть бѣдствій, его опягопившихъ : но Королева Каролина Австрійская была главою сихъ великихъ союзовъ, была постояннымъ и непримиримымъ врагомъ Франціи, всегда побѣдоносной.

Неаполитанское Королевство составляеъ полуостровъ , окруженный съ трехъ сторонъ моремъ, а съ сѣвера ограждено владѣніями Папы , котораго власть столь же священна , какъ и его особа неприкосновенна ; почему никакому завоевателю нельзя лишить престола такого Государя , который можеъ возжигать войны, вооружать народы одинъ противу другаго, не опасаясь никогда ущерба своей власти. Если бы Церковныя Области и были временно заняты непріятелемъ: то сей Епископъ, Король, по уваженію народовъ и Государей къ его сану, всегда можеъ быть увѣренъ , что по

заключеніи мира возвратишся въ свои владѣнія съ тою же власпію и силою, какую имѣлъ прежде.

По симъ важнымъ причинамъ Короли Обѣихъ Сицилій не могутъ распространить свои владѣнія. Церковныя области всегда будутъ непреодолимымъ къ тому препятствіемъ, равно и нападеніе съ сей стороны на Королевство будетъ защищено сею священной оградой. Изъ сего слѣдуетъ, что сохраненіе неупралиштеа, небольшое число войскъ для защиты крѣпостей, и нѣсколько фрегатовъ для обороны береговъ отъ нападений Варварійцевъ, могли бы обезпечить постоянное спокойствіе жителей сей страны. Все вниманіе Правительсва должно обратиться на улучшеніе и распространеніе торговли и наукъ. Нѣтъ страны въ Европѣ, болѣе удобной къ обогащенію себя торговлею, особенно по близкому сосѣдству съ Левантомъ, и нѣтъ народа, способнѣйшаго къ усовершенствованію въ изящныхъ художествахъ.

Въ крейсертвѣ у Рагузы, 1806.

Семь мѣсяцовъ я не имѣлъ досугу, ни случая писать къ вамъ, любезные друзья; но вы не много поперяли. Изъ газетъ, которыя мы довольно часто наполняли извѣстіями о побѣдахъ нашихъ, вы могли знать,

живѣ ли я, или убитѣ, и гдѣ нахожусь. Военныя дѣйствія до сего времени продолжаются съ большею для насъ выгодною, и если бы мы имѣли на корабляхъ хотя только пять тысячъ высадныхъ войскъ: то не смотря на превосходство силы, Французамъ не возможно было бы удержаться въ Далмаціи. Они уступили намъ острова, прикрывающіе Далмацію, и опъказавшись отъ завоеванія Капшаро, помышляютъ теперь о своей безопасности. Адриатическое море покрыто нашими кораблями; Венеціанская флотилія, которою столько намъ грозили, уже не существуетъ. Непріятель, заключившись въ крѣпостяхъ, не смѣетъ ничего предпринять противу Капшаро, ибо нападеніе на сей крѣпкій пунктъ нашей позиціи было весьма не удачно, а припомъ не имѣетъ онъ никакой возможности освободиться отъ тѣсной блокады нашихъ эскадръ, повелѣвающихъ моремъ. Надѣялись Французы, что зимнее время принудитъ насъ удалиться, и доставитъ имъ случай вознаградить свои пошери; но ни бури, ни весьма опасное плаваніе въ морѣ, усѣянномъ множествомъ острововъ и подводныхъ камней, ничто не успрашаетъ нашего дѣятельнаго и предприимчиваго Адмирала, который опважными дѣйствіями своими доказалъ, что флотъ можетъ уничтожить

всякія підприємія непріятельской арміи, по необходимости дѣйствующей при берегахъ моря. До сего времени, 40,000 армія ни на шагъ не подвинулась впередъ, и мы съ 3000 опрядомъ стоимъ твердо въ своей позиціи, и кажется послѣ многихъ бесполезныхъ усилій, непріятель уже отказался отъ покоренія Греціи и Іоническихъ острововъ.

Военный взглядъ на происшествія въ 1806 и 1807 годахъ (*).

Хотя военныя дѣйствія 1806 года, бывшія въ Адриатическомъ морѣ при берегахъ Далмаціи, подробно изложены въ Запискахъ Морскаго Офицера; но я желаю представить здѣсь читателю въ краткомъ обзорѣніи, совсемъ въ другомъ видѣ и съ другой точки зрѣнія, именно: въ тактическомъ и политическомъ оныхъ отношеніи къ тогдашнему нашему положенію и обстоятельствамъ.

Вице-Адмиралъ Сенявинъ, прибывъ изъ Кронштада въ Корфу 18 Января 1806 года, и принявъ отъ Генерала де Ласси главное начальство надъ сухопутными и морскими силами, нашелъ себя по многимъ причинамъ

(*) Сія снатья отъ издателя прибавлена для пополненія семи-мѣсячнаго промежутка, объ которыхъ Г. Коробка почти ничего не говоритъ.

весьма въ невыгодномъ положеніи. Уже вся Италія принадлежала Французамъ. Далмація и Капшаро, по Презбургскому миру уступленныя Франціи, подавали Наполеону возможность проникнуть чрезъ Албанію въ Грецію, и такимъ образомъ спѣснивъ насъ въ Корфѣ съ двухъ сторонъ, лишивъ подвозу свѣспныхъ припасовъ, тѣмъ болѣе необходимыхъ, что доставленіе оныхъ, равно какъ и военныхъ запасовъ изъ портовъ Чернаго моря, по возникшимъ уже несогласіямъ съ Турціею, могло бытъ вдругъ прекращено. Али Паша, желая воспользоваться сими выгодными для него обстоятельствомъ, торговался съ обѣими сторонами, и продавалъ намъ свою благосклонность очень дорого; но когда бы сей корыстлюбивый Паша принужденъ былъ уступить превосходной силѣ Французской арміи, назначенной въ Албанію подъ начальствомъ Генерала Молипера, тогда бы подвозъ свѣспныхъ въ Корфу припасовъ вовсе прекратился. Положеніе наше содѣлалось бы еще болѣе затруднительнымъ, когда бы Генералъ Ласси, отправляясь въ Россію, взялъ съ собою большую часть полковъ (*) и оставилъ для

(*) Генералъ Ласси, по убѣдительной прозьбѣ Сениявина, отправился въ Россію только съ однимъ Сибирскимъ Гренадерскимъ полкомъ.

защиты крѣпостей Іонической республики только самое необходимое число. Послѣдствія не могли быть сомнительны: честолюбіе, сила и предприимчивость Наполеона ручались за успѣхъ; но Адмиралъ, озабоченный весьма многими непріятными предположеніями, особенно помимый неизвѣстностію, въ какомъ политическомъ отношеніи находились мы къ Франціи, по заключеніи оною съ Австріею въ Презбургѣ мира, рѣшился занятіемъ области Боко ди Каппаро утвердить за собою господствованіе на Адриатическомъ морѣ, и симъ отважнымъ предприятиемъ опклонишь отъ Іонической республики угрожающія ей бѣдствія, воспрепятствовать Французамъ склонить Грековъ на свою сторону, наконецъ съ помощію Славянъ, постоянно и искренно преданныхъ Россіи, выгнать Французовъ изъ Далмаціи, тѣмъ затруднить всѣ предприятия Наполеона, услужить Опшоманской Порты удаленіемъ отъ границъ ея столь опаснаго сосѣда, который преждевременно объявилъ уже требованія свои на многіе города, находящіеся въ Албаніи, и нѣкогда принадлежавшіе Венеціанской республикѣ.

Предположенія сіи увѣнчались желаннѣйшимъ успѣхомъ, и исполнены съ такою пайною и скоростію, что Наполеонъ не

прежде узналъ о занятіи Боко ди Капшаро, какъ уже не возможно было опклонить отъ себя столь неожиданный ударъ. 21 Февраля эскадра Капитана Белли заняла сію провинцію безъ малѣйшаго сопротивленія. Бокезцы, призвавъ въ помощь Мипрополиша Черногорскаго, принудили 3000 Австрійскихъ войскъ, занимавшихъ крѣпости, положить ружье, попомъ на общемъ сеймѣ единодушно и безусловно опдались въ покровительство Россійскаго Монарха.

Капитанъ Белли, получивъ дословѣрное извѣстіе, что Рагузинскій Сенатъ согласился чрезъ свои владѣнія пропустишь Французскія войска, назначенныя для принятія Капшаро отъ Австрійцевъ, учредилъ блокаду въ каналѣ Каламопо для недопущенія непріятели переправиться моремъ въ Рагузу или прямо въ заливъ Капшарскій. Въ тоже время Мипрополишъ Черногорскій, угрожая занять беззащитную Рагузу своими войсками, собравшимися въ числѣ 10,000 человекъ, принудилъ Сенатъ отказать отъ исполненія заключеннаго условія.

По полученіи извѣстія о занятіи области Боко ди Капшаро, Сенявинъ поспѣшъ опправилъ 2 баталіона съ 4 орудіями для принятія и защищенія крѣпостей Капшаро и Каспель-Ново, въ слѣдъ за коими съ частію

флота 13 Марта прибылъ самъ для учрежденія всего лично. Адмиралъ, удостоившись въ искренней преданности жителей, очаровалъ ихъ своею привѣтливостію, снисхожденіемъ, объявилъ свободными отъ всякой повинности, утвердилъ прежнія права и преимущества, и сими мѣрами крошески и милосердія, подобно благопворной теплотѣ солнца, согрѣлъ сердца, восхищилъ умы, разрушилъ сущесвующія съ давняго времени несогласія между жителями Каполическаго и Греческаго исповѣданія, связалъ узелъ ихъ соединенія и утвердилъ усердіе и любовь къ благодѣтельному Монарху на твердомъ основаніи. Воспоргъ признашельнаго народа возбужденъ былъ до такой степени, что всѣ единодушно, отъ стараго до малаго, поднесли Адмиралу благодарственнѣйшій адресъ и предложили жизнь и имущество въ полное его распоряженіе. Въ нѣсколько дней Адриатическое море покрылось вооруженными, на издивеніи жителей, Божескими легкими судами, которыя прервали единое удобное сообщеніе Французскихъ войскъ, находящихся въ Далмаціи, съ Италіею.

Прошивуположная успѣшительная система правленія, строго наблюдаемая Наполеономъ въ покоренныхъ имъ областяхъ, лишила Далматцевъ послѣдней надежды на

щастіе и спокойствіе. Распоряженія наши въ Боко ди Капшаро, сколько о томъ ни старались Французскіе Генералы, не могли оспаться для нихъ тайною; воспоргъ Божцовъ, подобно пожару, сообщился всѣмъ Славянскимъ поколѣніямъ, обитающимъ на восточномъ берегу Венеціанскаго залива. Презирая казнями, мужественные Далмацы громогласно объявили, что они почишають Французовъ своими непріятелями и примуть Рускихъ, какъ спасителей. Босняки, Герцоговины и даже Албанцы пограничные съ Черною горою, прислали къ Сенявину депуташовъ съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Такимъ образомъ къ немалому нашему удивленію флотъ по малоимѣнію легкихъ военныхъ судовъ, способныхъ для блокады тѣсныхъ проливовъ, ведущихъ къ гаванямъ Далмаціи, увеличился болѣе, нежели вдвое, и при незначущихъ сухопутныхъ силахъ, которыя можно было опдѣлить отъ дивизіи, находившейся въ Корфѣ, Адмиралъ съ помощію храбрыхъ Славянъ, вмѣсто оборонительной, могъ вести наступательную войну и перенестъ театръ оной въ Далмацію.

Приобрѣтеніе Капшарской области избавило Адмирала отъ всѣхъ тяготившихъ его непріятныхъ мыслей, Корфу отъ неизбѣж-

ныхъ бѣдствій , насъ отъ сшуда быль изгнанными изъ Средиземнаго моря. Военное ея положеніе представляло неизчислимыя для насъ выгоды: населенная и окруженная воинспвенными Славянами , намъ преданными , и отъ любви коихъ мы могли ожидать дѣятельной помощи , область сія съ сухаго пупи неприспупна , по причинѣ трудныхъ дорогъ и множества пѣсинъ , кои на всякомъ шагу оспановили бы движеніе регулярной арміи ; съ другой спороны обширный Кашпарскій заливъ , находящійся посреди Адріатическаго моря , представлялъ самое удобное и покойное приспанище для нашего флота , копорый повелѣвая моремъ , могъ дѣлать нападенія по произволу. Напрошивъ того , Французы , занимая узкую прибрежную полосу , пропягивающуюся на пять сощъ верстъ въ длину , безъ флота , аршиллеріи и кавалеріи , шеряли всю выгоду , копорую они могли бы получить отъ превосходнаго числа своей пѣхошы. Французская армія занимала по необходимости такую операціонную линію , копорая съ фронта подвержена была нечаяннымъ нападеніямъ нашего флота и высадныхъ войскъ , а вся наша сухопутная сила спояла у нихъ на лѣвомъ флангѣ , въ швердой позиціи и въ перпендикулярномъ положеніи (какъ извѣстно , самомъ выгоднѣйшемъ въ тактикѣ)

нѣ ихѣ операціонной линіи. Множество приморскихѣ крѣпостей, подверженныхѣ нашимѣ нападеніямѣ, требовали сильныхѣ гарнизоновѣ. Ненависть Далматцевѣ принуждала Французскихѣ Генераловѣ содержать въ городахѣ и большихѣ деревняхѣ значительные отряды, такѣ что изѣ сорока тысячной арміи они не могли употребить при нападеніи на Кашпаро болѣе двадцати тысячѣ, а сіе число было недостаточное, какѣ о томѣ скажу въ своемѣ мѣстѣ, для покоренія слабѣйшаго пункта крѣпости Каспель-Ново.

Въ такомѣ выгодномѣ положеніи мы могли на корабляхѣ переносить силы свои по желанію и безѣ малѣйшаго сопротивленія, могли при всякомѣ нападеніи пресѣкать ихѣ сообщенія и по часпямѣ испреблять по необходимости разбѣянные непріятельскіе отряды. Напрошивѣ того Французы могли вести атаку только со стороны Рагузы, и для сего должны были переходить безплодный горный хребетѣ, на 500 верстѣ простирающійся. Непроходимыя дороги, бѣдность жилищей и невозможность собрать нужное число вьючныхѣ лошаковѣ для перевоза свѣспныхѣ и военныхѣ припасовѣ, затрудняло движеніе ихѣ войскѣ. Въ спранѣ, гдѣ каждый могущій носить ружье, есть воинѣ и искуснѣйшій спрѣлокѣ, гдѣ не воз-

можно имѣть и легкой артиллеріи, регулярная армія перяетъ все свое преимущество предъ народомъ рѣшительнымъ и храбрымъ. Никакая тактика тутъ не поможетъ, гдѣ горсть отважныхъ стрѣлковъ, засѣвши въ пѣсинахъ, можетъ остановить цѣлую армію. Я самъ нѣсколько разъ видѣлъ, что сопня Черногорцевъ, разсѣвшись, бесстрашно нападали на колонны, состоящія изъ 2000 и 3000 человекъ. Напротивъ того, Французскіе волпижеры не смѣли отдалиться отъ своего фронта далѣе ружейнаго выстрѣла. Наконецъ, занятіе Капшарской области разрушило и уничтожило всѣ будущіе замыслы Наполеона, и доставило намъ побѣду съ незначущими силами, противу копорыхъ всѣ усилія Французовъ были тщетны.

Адмиралъ учредилъ строгую блокаду портовъ Адриатическаго моря, занятыхъ непріятелемъ, предписалъ Капитану Белли съ 3 кораблями, 2 фрегатами, 3 бригами и 9 Божезскими судами покорить одинъ за другимъ всѣ острова, прикрывающіе магерый берегъ Далмаціи, предложилъ Митрополишу собрать 6000 отборныхъ воиновъ, приготовивъ для перевозу оныхъ транспортныя суда, самъ же 25 Марта отправился въ Корфу, дабы и тамъ на случай замысловъ непріятеля сдѣлать нужныя распоряженія,

и возвратишься съ большею частію флота и пѣхотными полками, для нападенія на Французовъ соединенными силами въ самой Далмаціи.

Успѣхъ сей экспедиціи не подлежалъ никакому сомнѣнію. Въ продолженіе Мартамѣсяца одними крейсерами нашими перехвачено до ста судовъ съ военными снарядами, съѣзными припасами и войсками, отправленными изъ Италіи въ Далмацію. Капитанъ Белли 30 Марта взялъ крѣпость Курцоло, выгналъ Французовъ съ острова Лиссы и со многихъ другихъ. Острова, которые удалены были отъ материка берега и не имѣли для защиты своей крѣпостей, были непріятелемъ добровольно оставлены, такъ что весь Далматскій Архипелагъ принадлежалъ уже намъ. 17 Апрѣля Белли осадилъ крѣпость, находящуюся на островѣ Лезино. Французскіе Генералы при первомъ Рускомъ выстрѣлѣ, не довѣряя Далматцамъ, принуждены были сосредоточить свои войска въ крѣпостяхъ. Адмиралъ съ шестью тысячами искусныхъ Черногорскихъ стрѣлковъ, и съ четырью или пятью тысячами егерей и мушкетеръ, предположилъ съ помощію жипелей и, перевоза моремъ главную свою силу, покорить всѣ крѣпости одна за другою.

Въ то время, когда первые успѣхи небольшой эскадры Капитана Белли обезпечили уже вѣрную побѣду соединеннымъ нашимъ силамъ, долженствовавшимъ подъ предводительствомъ Адмирала и Черногорскаго Миштрополиша явиться въ Далмаціи, Министры наши, не имѣвшіе еще извѣстій о успѣхахъ предпріятія Сенявина, думали иначе. Держась выше объясненнаго положенія, невозможность удержать за собою Корфу была столь для нихъ неизбежна и очевидна, что Государь Императоръ рескриптомъ отъ 14 Декабря 1805 года, повелѣлъ Генералу Ласси со всѣми морскими и сухопутными силами возвратиться въ Черное море. Адмиралъ получилъ оное по возвращеніи изъ Капшаро въ Корфу, когда Генералъ Ласси съ Сибирскимъ полкомъ уже отправился въ Россію.

Не менѣе того повелѣніе сіе принудило Адмирала переменить свое намѣреніе. Во ожиданіи разрѣшенія на донесеніе о занятіи Капшаро и послѣднихъ происшествіяхъ, посланное съ нарочнымъ въ С. Петербургъ, Адмиралъ положилъ ограничить свои дѣйствія защищеніемъ пріобрѣтенной провинціи и приуготовленіемъ къ нападенію на Далмацію, если по ему позволено будетъ.

Дабы стѣснить непріятеля спрожайшею блокадою, Адмиралъ предпринялъ укрѣпиться на одномъ изъ взятыхъ Капшаномъ Белли острововъ, который бы по положенію своему представлялъ удобность къ нападенію и доставлялъ покойное пристанище нашимъ Крейсерамъ. Въ семъ намѣреніи Адмиралъ прибылъ 19 Апрѣля изъ Корфы въ Капшаро съ большею частію флота и съ двумя баталіонами егерей; изъ Капшаро же 27 Апрѣля съ тремя кораблями отправился къ острову Курцоло. Подходя къ крѣпости, Адмиралъ узналъ, что она снова была занята Французами, почему не смотря на крѣпкій вѣтръ, остановился предъ нею на якорѣ. Между тѣмъ непріятель воспользо-вавшись темною ночью, оставилъ крѣпость и на обывательскихъ лодкахъ въ разныхъ мѣстахъ переправился на прошивулежащій Рагузинскій берегъ.

29 Апрѣля Адмиралъ соединился съ эскадрою Капшана Белли между островами Лезино и Лиссою. Осмотрѣвъ положеніе крѣпости, находящейся на первомъ островѣ, Главнокомандующій предпочелъ оной крѣпость Курцоло, которую и назвалъ главною кварширою авангарда и главнымъ пристанищемъ для дѣйствующей эскадры; почему приказалъ снять осаду крѣпости

Лезино, а Крейсерамъ, разсѣяннымъ на всѣхъ путяхъ сообщенія Италіи съ Далмаціею, равно судамъ блокирующимъ Венецію подтвердилъ строго наблюдать за движеніями непріятеля.

Наполеонъ, раздраженный занятіемъ Каштаро и невозможностію удержать во власти своей сообщеніе моремъ самое удобное и кратчайшее, принудилъ Австрійскій Дворъ подписать трактатъ, коимъ позволенъ свободный переходъ чрезъ Императорскія владѣнія Французскимъ войскамъ. Наводнивъ Далмацію сорока тысячнымъ опборнымъ корпусомъ, Наполеонъ рѣшился, во что бы ни стало, покорить Каштаро и чрезъ Албацію достигнуть до Корфы.

Сенявинъ готовъ былъ опразить всякое нападеніе: но чтобы имѣть болѣе свободы въ исполненіи начертаннаго плана прошиву Далмаціи, и дабы обезпечить спокойствіе обласи Кашпарской удаленіемъ отъ оной военныхъ дѣйствій, рѣшился признать неупралишенъ Рагузинской республики, которой владѣнія опдѣляли насъ тогда отъ Далмаціи, и склонилъ къ тому Французскихъ Генераловъ. Въ семъ намѣреніи Адмиралъ на возвращномъ пути изъ Курцолы въ Каштаро прибывъ въ Рагузу, 6 Маія заключилъ съ правительствомъ оной слѣдую-

щее условіе: какъ Французскій главнокомандующій въ Далмаціи не признаетъ неупралишета республики, то Сенатъ при первомъ извѣстіи о вступленіи Французовъ въ республиканскія земли обязывается принять въ крѣпость Рагузу Россійскій гарнизонъ, и дѣйствовать съ того времени соединенно съ Россійскими войсками.

Въ сей же самый день 6 Маія Французскія войска, назначенныя въ Далмацію, остановившись у Тріэста, принудили Австрійскаго Коменданта запереть портъ для Россійскихъ и Англійскихъ кораблей; наконецъ угрожая пославить свои гарнизоны въ Тріэстъ и Фіумъ, принудили задержать Россійскія купеческія суда, находившіяся въ первой гавани. По полученіи сего извѣстія, Главнокомандующій тотъ же часъ съ тремя кораблями и фрегатомъ отправился въ Тріэстъ. 20 Маія Адмиралъ остановился на карпечномъ выстрѣлѣ отъ баатарей Тріэста въ самомъ грозномъ положеніи. Не могу безъ восторга, безъ сердечнаго умиленія вспомнить доспойный древняго Римлянина отвѣтъ, данный Дмипріемъ Николаевичемъ Адьютанту Тріэстскаго военнаго Коменданта Генерала Цаха, копорый пребоваъ, чшобы эскадра, въ слѣдствіе повелѣнія Австрійскаго Императора,

опошла на пушечный выстрѣлъ: *стрѣляйте!* сказалъ Адмиралъ, *я увижу, гдѣ ваши ядра лягутъ, и гдѣ мнѣ должно стать.* Наибольшее вниманіе соотечественниковъ заслуживаетъ твердая рѣшимость Адмирала, съ которою онъ опровергнулъ хитрыя предложенія, коими хотѣли увѣрить его, что задержаніе судовъ не безчеститъ Руской флотъ, и шѣмъ принудилъ Австрійское начальство, не смотря на угрозы Французскаго Генерала, освободить взятыя имъ Бокезскія суда.

Наконецъ нарочный, отправленный въ С. Петербургъ, возвратился и привезъ Адмиралу Высочайшее благоволеніе за пріобрѣтеніе провинціи Бокс ди Каппаро, равно и за новыя распоряженія, по занятіи оной послѣдовавшія. Адмиралъ получилъ при томъ предписаніе ограничиться защищеніемъ Каппаро, и до времени, когда возможно будетъ, доставить сухимъ путемъ или моремъ двѣ, или при дивизіи, удовольствоваться выгодами, какія флотъ можетъ пріобрѣсть. Сверхъ того Государь Императоръ почтилъ Главнокомандующаго полною своею довѣренностію, и разрѣшилъ его дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, соображаясь съ прежними и будущими предписаніями сколько, сколько положеніе дѣлъ и настоящія обстоятельства дозволятъ.

Въ продолженіе переговоровъ въ Трієстѣ прибылъ на рейдѣ фрегатѣ Авпроиль съ извѣстіемъ, что Ректоръ и два или три Сенагора, соблазненные пышными обѣщаніями Французскихъ Агентовъ, предали свое опечество непріятелю, и Генералъ Лориспонъ съ трехъ тысячнымъ корпусомъ, перешедъ чрезъ Турецкія пограничныя земли, тайно и неожиданно въ ночь на 15 Маія занялъ новую Рагузу. Адмиралъ, окончивъ дѣла въ Трієстѣ, немедленно отправился въ Капшаро, откуда послалъ корабли для доставленія изъ Корфы 13 егерскаго полка подъ начальствомъ Генералъ Маіора Князя Вяземскаго, и 28 Маія со всѣмъ флотомъ прибылъ къ старой Рагузѣ, гдѣ Черногорскій Мипрополисъ уже находился съ своими и нашими войсками.

При первомъ извѣстіи о занятіи Рагузы Мипрополисъ съ Черногорскими и Бокезскими войсками, подкрѣпленный 11 ропами Вишебскаго и 13 егерскаго полковъ, выступилъ изъ Кастель-Ново на встрѣчу непріятелю. Въ пяти верстахъ отъ старой Рагузы, 21 Маія, Французскій авангардъ былъ разбитъ одними нерегулярными войсками. На другой день по упорномъ сопротивленіи Маіоръ Забелинъ взялъ крѣпость старую Рагузу. Въ сраженіяхъ, 23, 24 и 25 Маія

бывшихъ, Черногорскіе рапники дрались съ мужесшвомъ, достойнымъ Славянъ. Избранные Французскіе полки были разбишы и до того успрашены дерзкою храброспїю Черногорцовъ, что Генералъ Лористонъ принужденъ былъ успупись Митрополишу все проспраншво, находящееся между Старою и Новою Рагузою, предъ кою укрѣпившись на неприступныхъ висопахъ, полагалъ возможнымъ удержаться въ оныхъ до ожидаемаго имъ подкрѣпленія.

Адмиралъ, собравъ флотъ и сухопущныя силы въ заливъ Старой Рагузы, и осмошрѣвъ вмѣстѣ съ Митрополишомъ положеніе непріятеля, рѣшился проспирать пораженіе далѣе. По прибытіи Князя Вяземскаго 5 Іюня, произошло достопамятное и славное для войскъ нашихъ сраженіе. Не смотря на превосходство силъ непріятеля и на неприступное избранное имъ положеніе, послѣ кровопролитной битвы, продолжавшейся отъ утра до вечера, Лористонъ принужденъ былъ отспупись и заключиться въ крѣпости. Въ семъ сраженіи непріятель потерялъ до 1000 человекъ убитыми, въ томъ числѣ Генерала Дельгога, плѣнныхъ взято не болѣе 100 человекъ. Наша потеря проспиралась до 200 убитыхъ и раненыхъ. Черногорскіе вишязи бились съ отчаяніемъ,

достойнымъ временъ храбраго Святослава. Они первые взошли на укрѣпленную и почти отвѣсную гору Баргаршъ; шамъ, на краю пропасти, подкрѣпленные шремя ротами егерей, безспрашно сражались и умирали, не уступивъ ни шагу опчаянному и спремипельному нападенію непріятеля, до того времени, какъ главныя наши силы успѣли вскарабкапья на высоту. При шпурмованіи башарей, на коихъ взято 19 пушекъ, Черногорцы заслужили уваженіе опытныхъ нашихъ солдатъ.

Въ продолженіи осады Рагузы, фрегатъ Венусъ и Авспроиль 22 Іюня у мѣстечка Подгорье, находящагося между Нареншомъ и Макарскою, разбили Французскую гребную флотилію. Съ сего времени морская непріятельская сила не смѣла выходить изъ гаваней и не принимала никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Въ то самое время, какъ побѣда обѣщала скорѣ предать въ наши руки Рагузу, получено другое Высочайшее повелѣніе сдать Боко ди Каппаро Австрійцамъ для передачи оной области Французамъ. Пока можно было содержать сіе въ тайнѣ, Черногорцы и Бокезцы весьма усердно помогали нашимъ войскамъ; но когда узнали они, что Графъ Беллегардъ съ 3000 солдатъ уже

прибыль въ Курцоло, (гдѣ онъ задержанъ былъ нашими Крейсерами) и идетъ въ Каппаро, но храбрые сіи воины впади въ уныніе и большею частію разошлись по домамъ. Нашъ слабый отрядъ, проспирившійся до 2300 человекъ, не могъ ничего предпринять противу крѣпости, защищаемой 6000 гарнизонмъ, который однаковъ послѣ двухъ неудачныхъ вылазокъ, не смѣлъ выходить изъ крѣпости. Наконецъ Генералъ Молишоръ, съ 3500, прошедъ Турецкими владѣніями, 24 Іюня прибылъ въ самый пылъ нашей позиціи. Мишрополишъ отправилъ къ рѣчкѣ занять непріятеля перестрѣлкой Черногорцевъ и оставшихся при немъ Божцовъ, которые съ подкрѣпленіемъ двухъ егерскихъ ротъ остановили первую Французскую колонну, и успѣли, сражаясь храбро, спуститься къ старой Рагузѣ и далѣе въ Каспель-Ново. Князь Вяземскій, дабы увѣришъ Молишора, что онъ предпріялъ спуститься по той же дорогѣ, и вмѣстѣ обманушъ Лориспона, выходившаго изъ южныхъ воротъ крѣпости, поставилъ на высотахъ егерскій баталіонъ для прикрытія своего отступленія въ противную сторону отъ Каппаро къ порту Санто-Кроче, куда для перевозу войскъ на корабли присланы были гребныя суда. Сей обдуманный маневръ обманулъ Французскихъ Генераловъ

и спасъ наши войска отъ невыгоднаго сраженія. Молишоръ и Лористонъ, полагая атаковать Рускихъ на походъ къ старой Рагузѣ, не нашли ихъ тамъ. Принужденны будучи возвратиться назадъ, они къ крайнему своему удивленію увидѣли, что войска наши уже были на корабляхъ. Князь Вяземскій совершилъ сіе славное отступленіе въ двухъ верстахъ отъ крѣпости и въ виду двухъ корпусовъ, изъ коихъ каждый былъ вдвое сильнѣе нашего опряда. Егерскій баталіонъ, оставленный на высотахъ, отразивъ нападеніе Французскаго авангарда штыками, отступилъ къ пристани. Тутъ Молишоръ и Лористонъ соединенными силами атаковали сей храбрый баталіонъ съ двухъ сторонъ; но Капитанъ 2 ранга Быченскій, подъ распоряженіемъ коего войска сажались на суда, разбѣжалъ колонны непріятельскія картечнымъ залпомъ, произведеннымъ съ канонерскихъ лодокъ и вооруженныхъ гребныхъ судовъ. Пошерь наша состояла въ одномъ раненомъ и 10 егерей, оставленныхъ на часахъ у башарей, состоявшей изъ 4 пушекъ и прехъ мортиръ. Непріятель въ продолженіи девятнадцатидневной осады потерялъ болѣе 3000 убитыхъ, умершихъ отъ ранъ, болѣзней и изнуренія.

При объявленіи повелѣнія о сдачѣ Каштарской области Австрійцамъ, а пошомъ

Французамъ, народъ, пораженный горестнымъ опчаяніемъ, рѣшился оставить опечесство, или погребсти себя подъ развалинами его. Такое великодушное намѣреніе повергло Главнокомандующаго въ новое запруднишельнѣйшее положеніе: народные депуташи, подавъ ношу сильнаго содержанія, заливаясь слезами и рыдая, неопступно просили позволенія переселиться въ Россію, или оставшись спокойнымъ зришелемъ, предоставивъ ихъ собственнѣйшей защитѣ. Адмиралъ, пронувшій до глубины души, подумавъ, воскликнулъ: «Погибну самъ, но не оставлю васъ, храбрый и великодушный народъ, утѣштесь, я съ вами, и никогда васъ не оставлю.» Какъ искра, возжигающая пожаръ, такъ отвѣтъ сей возжегъ сердца народа неописаннымъ воспоргомъ. Плачь женъ, вопли и спенанія мужей, готовящихся предать огню жилища свои и проститься навсегда съ опечесствомъ, премѣнились на радостные торжественные клики: ура! да здравствуетъ Сенявинъ! Корабль его нѣсколько дней сряду былъ окруженъ лодками, наполненными всякаго возраста и пола людьми; всѣ любопытствовали видѣть, спѣшили, тѣснились вокругъ своего благодѣтеля. Громы выпрѣловъ, колокольный звонъ, попѣщные огни свидѣтельствовали искреннюю къ нему признательность.

Адмиралу не возможно было показаться на берегу, чтобы не быть окруженну многочисленною толпою: дѣти усыпали путь его цвѣтами, старцы лобзали прахъ ногъ его, юноши славили его въ военныхъ пѣсняхъ. Сенявинъ сталъ въ глазахъ нашихъ героевъ: онъ принялъ на себя слишкомъ большую отвѣтственность.

Въ тотъ же день флотъ снова вышелъ для успѣшенія непріятеля съ моря; опборные опряды Бокезцовъ и Черногорцевъ снова явились подъ спѣнами Рагузы, и хопя Молипоръ имѣлъ уже подъ начальствомъ своимъ 8000 человекъ, но не осмѣлился выйти въ поле ссѣязаться съ сими храбрыми и опчаянными воинами. Они разгромили все, что пощажено было во время осады. Республика покрылась развалинами; щасіе, богатство и благоденствіе ея подданныхъ исчезли: однѣ спѣны Рагузы уцѣлѣли; но жилили, добрые граждане и предатели, безъ разбора были ограблены Французами; только нѣ изъ нихъ сохранили жизнь и имущество, кои успѣли переѣхать на острова, прикрывающіе Рагузскія владѣнія и находившіеся подъ покровительствомъ Россійскаго флота.

Переговоры о сдачѣ области Кашпарской, веденныя искуснѣйшими Австрійскими ди-

пломатами, Графами Беллегардомъ и л'Епиномъ, а съ Французской стороны Генераломъ Лориспономъ, были, какъ извѣстно, безуспѣшны. Благоразумное и осторожное поведеніе Сенявина побѣдило всѣ хитрости, происки, и къ крайнему неудовольствію Наполеона онъ увидѣлъ наконецъ, что ни переговорами, ни ложнымъ миромъ не успѣлъ онъ обмануть и вырвать изъ рукъ Адмирала столь нужную ему провинцію.

Миръ, заключенный 8 числа Іюля въ Парижѣ между Россією и Францією Спашскимъ Совѣтникомъ Убри, повторенный ношами сего чиновника при разѣ, равно полученное изъ Россіи подтвержденіе воли Государя о непремѣнной сдачѣ Капшаро Австрійцамъ, пославили Адмирала въ невозможность удержавъ за собою столь нужную намъ обласъ. Но какъ Лориспонъ требовалъ, чшобы Капшаро была сдана прямо Французамъ, а Беллегардъ представялъ, что сіе лишитъ Австрійскаго Императора Браунау и другихъ пограничныхъ крѣпостей, удержанныхъ Наполеономъ въ замѣнъ Капшаро: то Сенявинъ для одного вида согласился съ мнѣніемъ Лориспона. Беллегардъ, потерявъ перпѣніе, спалъ угрожать силою взять Капшаро. Адмиралъ приказалъ Капитану Белли при малѣй-

шемъ движеніи Австрійской флотиліи и транспортовъ съ войсками , переведенными въ каналъ Каламото , поступать съ ними непріятельски. Когда же Австрійскіе дипломатики перемѣнили угрозы на ласковыя убѣжденія, то Сенявинъ, согласившись прекратить военныя дѣйствія и возвратить всѣ взятыя у Французовъ Далмацкіе острова , объявилъ Лориспону и Беллегарду, что Каптарская провинція прежде размѣны мирнаго трактата, подписаннаго Убриемъ, сдана не будетъ. Лориспонъ, удивленный и огорченный, прекратилъ переговоры и уѣхалъ. Послѣ отбѣзда Лориспона, Адмиралъ, не смотря на представленія Австрійскихъ Генераловъ, не вошелъ съ ними ни въ какія дальнія объясненія.

Въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ Адмиралъ, мучимый неотступностію дипломатовъ, и помимый неизвѣстностію, будущъ ли уважены представленія его Государемъ, наконецъ къ общей всѣхъ радости получилъ 26 Августа чрезъ фельдъегеря Высочайшее повелѣніе о всеобщемъ продолженіи военныхъ дѣйствій, и если по прежнимъ предписаніямъ Каптаро сдана, обратно взять и занять всѣ прежнія позиціи , какія до мира , подписаннаго Убриемъ, флотъ и армія наша имѣли.

Цѣль Парижскаго мира была только та, чтобы обмануть бдительность Сенявина, занять Кашпаро, проникнуть далѣе въ Албанію и выпѣснить насъ изъ Ионическихъ острововъ. Наполеонъ желалъ прекратить военныя дѣйствія на короткое время, нужное для перевозу моремъ изъ Италіи войскъ и амуниціи, что изъ перехваченныхъ крейсерами бумагъ и особенно плановъ для укрѣпленія чѣмъ-то-то-то, противъ Корфы находящихся, ясно доказывалось. Къ щастію, Адмиралъ зная, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, не скоро согласился прекратить военныя дѣйствія, и предписалъ крейсерамъ оставить посты такъ поздно, что Французы не успѣли ничего перевести въ Далмацію.

Въ день Тезоименишства Государя Императора начальникамъ въ пайнѣ объявлено было повелѣніе о началіи военныхъ дѣйствій и въ тотъ же день весь флотъ вышелъ въ море для занятія прежнихъ постовъ.

Въ продолженіи мира, не смотря на представленія Адмирала, Французы перешли неутральную черту и начали строить батареи при самомъ входѣ въ заливъ Кашпарскій на мысѣ Оспро, съ намѣреніемъ запереть и бомбами беспокоить флотъ. 2 Сентября начались военныя дѣйствія и

продолжались до 13 числа, съ сухаго пущи сшибками нерегулярныхъ отрядовъ, съ моря блокадою и истребленіемъ непріятельскихъ транспортовъ и канонерскихъ лодокъ.

Планъ нападенія и удачное онаго исполненіе съ малыми прошиву превосходныхъ силъ, копорыя Мармонтъ, новый соперникъ Сенявина, собралъ въ Рагузѣ, достойны особеннаго вниманія вѣнскихъ людей и любителей отечественной славы. Я постараюсь въ краткомъ изображеніи представить читателямъ движенія войскъ, коими пріобрѣтена побѣда, лишившая Наполеона послѣдней надежды покорить Капшаро.

Съ шремя тысячами регулярныхъ войскъ не возможно было пріобрѣсти вѣрныхъ успѣховъ надъ непріателемъ въ полѣ; ибо здѣшніе народы, приходя въ лагерь, и возвращаясь въ дома по своему произволу для снабженія себя провіантомъ, не могутъ пребыть въ дѣйствіи болѣе двухъ недѣль, и пошому не могутъ обезпечить пріобрѣтеннаго побѣдою, и тѣмъ часто подвергающъ помогающія имъ регулярныя войска великой опасности. Напротивъ того, будучи искусными стрѣлками и привычными къ большимъ переходамъ по горамъ, они въ партизанской войнѣ по чрезмѣрной своей

подвижности и тѣлесной силѣ, превосходящѣ наилучше успроенныя Европейскія войска. Основываясь на семъ, Адмиралъ предложилъ вести Черногорцами партизанскую войну, заманивъ Французовъ подъ свои крѣпости, и тогда собравъ большое число народа, разбить ихъ на голову. Мармонъ, судя по потерѣ, пререпѣнной его войсками въ безпрестанныхъ перестрѣлкахъ съ Черногорцами отъ 2 по 13 Сентября, и зная, что сіи ратники не долго пробудутъ въ полѣ, рѣшился напротивъ того выманивъ наши регулярныя войска въ поле, и отстрѣзавъ оныя отъ крѣпостей, испробовать превосходною своею силою. Но къ 13 числу собралось Черногорцевъ и Бокезцовъ до 15,000, которые просили сраженія и смерти. Адмиралъ, не перемѣняя прежняго намѣренія, рѣшился воспользоваться ихъ изспупленіемъ и положилъ начать наступательное движеніе.

13 Сентября регулярныя наши войска въ числѣ 3000 выступили изъ Каспель-Ново; въ то же время башареи на мысѣ Оспро были атакованы со всѣхъ сторонъ кораблями и канонерскими лодками. Какъ скоро наши войска показались на видъ и шли для нападенія во флангъ, Французы поспѣшно оставили укрѣпленія и примкнули къ боль-

шему репраншаменту, построенному ими въ портѣ Малонѣ, который къ вечеру по крапкомъ, но упорномъ защищеніи былъ взятъ.

14 Сентября непріятель, сражаясь, отступалъ, держась вдоль морскаго берега. Крейсера картечными выстрѣлами помогали нашимъ войскамъ.

15 Сентября сраженіе не умолкало день и ночь; Французы отступали шагъ за шагомъ; Митрополичъ, начальствуя авангардомъ, преслѣдовалъ и нападалъ, не давая ни минуты отдыха. Въ сей день непріятельская флотилія, стоявшая въ портѣ Старой Рагузы, безуспѣшно покушалась перейти въ Новую Рагузу и потеряла одно судно съ 180 тяжело ранеными; прочія суда ея были сильно повреждены.

16 Сентября, подъ распоряженіемъ Главнокомандующаго взятъ укрѣпленный лагерь при *Виталино*. Черногорцы и Бокезцы, имѣя при каждомъ отрядѣ взводъ егерей, удивили Французовъ порядкомъ и спойкостью (какой прежде они въ нихъ не замѣчали), и соревнуя нашимъ войскамъ, оказали чудеса храбрости. Въ первый разъ въ генеральномъ сраженіи дрались они столь же спойко, какъ самыя лучшія регулярныя вой-

ска. Мишрополишъ съ 2000 своихъ вишязей (*) врубился въ каре и положилъ на мѣспѣ цѣлый полкъ, при чемъ храбрый воевода Ускоковичъ убитъ. Графъ Савва Ивеличъ, начальствуя Ризанопами, взялъ присхупомъ урочище *Волгее Жерло*, и удержалъ, не смотря на всѣ усилія непріятеля возвратить оное. Флошилія вновь и также безуспѣшно хотѣла пройти въ Новую Рагузу.

17 Сентября войска наши приблизились къ сильно-укрѣпленному лагерю, расположенному подъ спѣнами Старой Рагузы. Здѣсь командующій регулярными войсками Генералъ-Маіоръ Попондопуло посредствомъ легкихъ переспрѣлокъ открылъ и отъ плѣнныхъ узналъ, что непріятель усилился двумя полками, прибывшими изъ Далмаціи, и что къ вечеру ожидаются другіе два полка. Черногорцы, какъ и прежде, во весь день нападали малыми опрядами, не давали покою и въ продолженіи ночи, смѣняя другъ друга, вступали въ сраженіе поочередно.

18 Сентября Мармоншъ, удаливши наши войска отъ крѣпостей, приспустилъ къ исполненію своего плана: въ первый разъ пред-

(*) Такъ называются избранные воины и шло-хранители.

упредилъ наше нападеніе своимъ наступленіемъ, сбилъ передовые посты и овладѣлъ главною кварширою Мипрополиста. Черногорцы исхищили своего Владыку изъ великой опасности и опсупили въ порядкѣ. Наши войска уклонились и оспановились въ выгоднѣйшей позиціи. Адмиралъ, дабы показъ видъ, что хочеть выгнать непріятеля изъ укрѣпленнаго его лагеря и иппи впередъ, приказалъ Генералу Попондопуло удержать позицію до вечера, а въ ночь опсупить къ дефилю *Модези*, на границѣ Бокезской находящейся: Мипрополисту поручилъ занять другіе дороги въ горахъ; самъ же опправился въ Каспель-Ново, дабы лично все учредитъ для принятія непріятеля. Сей маневръ спасъ наши регулярныя войска; ибо Мармонъ, опбивъ войска Мипрополиста въ горы, выступилъ ночью съ трехъ сторонъ на опрядъ Генерала Попондопуло въ семи колонахъ, изъ коихъ каждая была сильнѣе; но обманулся въ своемъ предположеніи и по упру не нашелъ ихъ на прежнемъ мѣстѣ.

19 Сенября въ крѣпкой позиціи при Модези произошло достохвальное сраженіе, пріобрѣтшее новый лавръ непобѣдимой нашей пѣхотѣ. Адмиралъ, прибывъ въ Каспель-Ново, послалъ гонцовъ въ Черную гору и во всѣ уѣзды Капшарской области,

возвѣстипь народу обѣ опасности опечесства , и чшобы всѣ , кто можетѣ носитѣ оружіе , собрались къ крѣпости къ 21 числу. Корабли поставлены были съ двухѣ фасовѣ крѣпости , дабы приступѣ къ онымѣ защищать перекрестнымѣ огнемѣ. Мапрозы , свезенные съ кораблей , день и ночь работали надѣ постройкою бапарей и наружнаго укрѣпленія къ Еспаньолѣ. Въ дефиляхѣ , ведущихѣ къ Капшаро , въ скрытыхѣ бапаряхѣ поставлено до 200 орудій , взятыхѣ съ купеческихѣ кораблей , при баталіона съ 16 фалконешами , Колыванскаго (*), Козловскаго и Вишебскаго полковѣ , смѣненными морскими солдатами и мапрозами , въ крѣпостяхѣ заняли дефилю съ вечера и укрѣпили оную , сколько время позволило.

Избранная при Модези позиція была такого рода , что непріятель не могѣ оную обойти съ фланговѣ , ниже напасѣ на наши войска съ превосходною силою. Лѣвое наше крыло примыкало къ глубокой и непроходимой пропасти и защищаемо было артиллеріею , которая могла обстрѣливать всю длину нашего флота. Въ такомѣ положеніи 3500 нашихѣ солдатѣ съ помощію 2000 жипелей , поставленныхѣ на скалѣ , на правомѣ флангѣ находящейся , устояли

(*) Сего числа привезенѣ изѣ Корфы.

противу 20,000 Французовъ, подкрѣпляемыхъ отъ 4 до 5000 Рагузинцовъ.

Генералъ Лориспонъ, обошедшій съ своею колонною ночью вчерашнюю нашу позицію, первый сдѣлалъ нападеніе и былъ съ урономъ отбитъ; другія колонны, приходя и нападая, имѣли ту же участь. Въ полночь, когда всѣ колонны собрались, Мармонъ атаковалъ передовые наши посты на всѣхъ пунктахъ и сраженіе сдѣлалось общимъ. Непріятель безпрестанно вводилъ въ огонь свѣжія войска, которыя по приближеніи къ нашему фронту обращаемы были въ бѣгство штыками резервнаго гренадерскаго баталіона. Въ продолженіи прехъ часовъ Мармонъ, устраивая сзади первой линіи разспроенныя свои колонны, посылалъ ихъ снова въ атаку; но всѣ усилія его были тщетны; храбрые и опытные полки его разсѣивались предъ фронтомъ нашимъ, подобно легкому пару, и были поражаемы штыками гренадеръ, на разстояніи двухъ сотъ шаговъ, откуда они возвращались на свое мѣсто въ ожиданіи другой атаки. Черногогорцы, засѣвшіе на высотѣ, выбирали любыя жертвы. Уже груды тѣлъ составили предъ нашимъ фронтомъ родъ бруствера, какъ мужественный Мармонъ рѣшительно повелъ всю силу свою на штыки, въ намѣреніи пробиться. Сраженіе сдѣлалось кро-

вопролипи́бе ; но наши семь часовъ сряду выдержали всѣ усилія храбрости Французской , и не уступили имъ ни шагу. Наконецъ къ вечеру Генералъ Попондопуло получилъ повелѣніе отступити къ крѣпостямъ и исполнилъ сіе успѣшно , не смотря , что непріятель по выходѣ изъ дефилеи , обошелъ его лѣвой флангъ. При впаденіи рѣчки Сатурнино въ море , карточный залпъ съ канонерскихъ лодокъ охладилъ и удержалъ чрезмѣрное спремленіе Французовъ. Они остановились за рѣкою на той позиціи , гдѣ одинъ егерскій баталіонъ , прикрывая отступление , истребилъ цѣлый Французскій полкъ.

20 Сенября Мармонъ , не видя съ нашей стороны никакого препятствія , приблизился къ крѣпости на три версты , и тотчасъ выслалъ двѣ колонны , одну къ Каспель - Ново , другую по дорогѣ къ Ризано. Первая , зажегши предмѣстіе , была разсѣяна картечнымъ перекрестнымъ огнемъ корабля Ярослава и крѣпостей Каспель - Ново и Еспаньолы. Слабые остатки сей первой колонны присоединились ко второй. При видѣ пылающихъ домовъ и при громѣ выстрѣловъ не возможно было удержати Божцовъ на своихъ мѣстахъ , что строго запрети́лъ имъ Адмиралъ , дабы скрыти отъ непріятеля свою силу и намѣреніе. Съ ужаснымъ

крикомъ высыпались они изъ засады, окружили колонну со всѣхъ сторонъ, разстроили оную, врубившись въ нее мечами и разсѣянные ошашки гнали до самаго лагеря. Мишрополишъ также щещно убѣждалъ своихъ Черногорцевъ. Они оставили его, и бѣгомъ спустившись съ горъ, напали на самый лагерь. Мармоншъ маневрировалъ, употреблялъ всѣ хитроси искусства, обходилъ ихъ нестройныя толпы, но ничто ему не помогало. Они отспунили, и, удерживаясь за стѣнами садовъ, снова нападали безспрашно и рѣшительно. Новые отряды (*), приходящiе изъ дальнихъ мѣстъ, перекрестившись, шли искашь смерти. Битва сдѣлалась кровопролитнѣйшею; ожесточенные Черногорцы не давали никому пощады, со всѣхъ сторонъ спремился храбрый народъ къ лагерю и оказалъ необыкновенные порывы свирѣпаго мужества. Три спа благородныхъ Бокезскихъ юношей ворвались въ лагерь, достигли главной кварширы Мармонша, и будучи окружены, не сдались, а умерли или пробились назадъ. Адмиралъ, сожалѣя о сей безвременной атакѣ, принужденъ былъ вывести

(*) Иѣкоторыя изъ нихъ перешли около восьми-десяти верстъ въ суши безъ отдыха, и шомчасъ по прибышii дрались до вечера.

нѣсколько баталіоновъ для поддержанія народа, громкими воплями требовавшего генеральнаго нападенія. Не возможно было устроить ихъ, какъ то было въ сраженіи при Вишалино; но безпорядокъ сей и неизбѣжная дерзость разстроивали лучшіе полки Французовъ. Мармоншъ съ твердостью держался въ своей позиціи, перестрѣлка горѣла до глубокой ночи, наконецъ Мишпрополишъ успѣлъ оную прекрашнть.

Сего же числа сильный отрядъ подъ начальствомъ Черногорскаго Сердаря Мило, посланный въ обходъ, взялъ лагерь при Вишалино, заклепалъ взятыя пушки, истребилъ два обоза, отбилъ нашихъ плѣнныхъ и прислалъ въ Каспель-Ново раненыхъ, которыхъ принесли на плечахъ. Храбрый Мило, разсѣявъ и истребивъ непріятельскія паршіи, спалъ на дорогѣ къ Старой Рагузѣ и отпрѣзавъ Мармоншу отступленіе.

21 Сентября Мармоншъ, какъ Генералъ искусный, не дался въ обманъ и не допустилъ совершенно себя окружать. Проникнувъ намѣреніе Сенявина, онъ поспѣшно оставилъ ночью лагерь съ семью пушками, бросилъ всѣ тяжести, и своихъ и нашихъ раненыхъ, взятыхъ наканунѣ въ плѣнъ.

Съ разсвѣтомъ нерегулярныя войска напали на лагерь, защищаемый только однимъ

полкомъ, который потчасъ отступилъ; но былъ настигнутъ и истребленъ. Какъ скоро узнали о бѣгствѣ непріятеля, всѣ бросились за нимъ въ погоню. Ничто не можетъ сравниться съ сею торжественною минутою; войска наши съ распущенными знаменами и музыкою немедленно выступили, народные опряды, помавая своими флагами и восклицая: да здравствуетъ Александръ! упреждая одинъ другой, бѣжали по всѣмъ дорогамъ, какъ бы желали получить вѣнецъ на Олимпійскихъ играхъ, и слабыя жены и дѣши шуда же спремались, не оглядываясь. Городъ и окрестныя деревни совершенно опустѣли. Боезцы на гребныхъ судахъ спѣшили, оббѣхавъ мысъ, предупредить непріятеля; сіи присоединились къ опряду Мило, который шедши всю ночь, нечаянно сполкнулся съ непріятелемъ, но былъ слабъ, чтобы остановить его колонны на равнинѣ, называемой *Дебелый берегъ*.

Мишрополитъ съ легкими своими войсками настигъ Французовъ въ 15 верстахъ; сраженіе загорѣлось и не умолкало прое сутокъ сряду. Мармонтъ, окруженный Черногорскими спѣлками, шагъ за шагомъ медленно и въ порядкѣ отступалъ. Когда же наши егеря и опряды мапировъ напали на аріергардъ его, тогда онъ, дабы уклониться

опѣ главныхъ нашихъ силъ, прибавилъ шагу, и построившись въ густую колонну съ загнутымъ фасомъ, шелъ не останавливаясь. Приморцы и Черногорцы, ободренные симъ подкрѣпленіемъ, пользуясь удобными для нихъ мѣстоположеніями, удачно поражали непріятеля опѣ всѣхъ сторонъ быспрымъ и вѣрнымъ своимъ ружейнымъ огнемъ. Ряды его примѣшно рѣдѣли, трупы убитыхъ и множество брошенныхъ по дорогамъ ружей свидѣтельствовали о великой потерѣ непріятеля. Мармонъ, пробившись, такъ сказать, сквозь толпы нерегулярныхъ войскъ, спасъ свои быспрымъ опшупленіемъ, и вошелъ наконецъ въ укрѣпленный лагерь подъ Старою Рагузою, гдѣ подкрѣпленный оставшимися въ ономъ полками и тяжелыми оружіями, опразилъ нѣсколько нашихъ нападеній. Адмиралъ, имѣя въ виду повелѣніе защищать только Капшаро, и желая сохранить солдатъ, 24 Сентября опспунилъ и опспавилъ войска по кварширамъ.

Черногорцы и Приморцы, прошедъ мимо крѣпостей, вокругъ Старой и далѣе Новой Рагузы, умертвили все живущее, порубили сады, засыпали колодцы, сожгли поля и дома, и подобно своимъ праотцамъ, *взяли все на щитъ*. Рагузскія владѣнія покрылись развалинами и подобны были безплодной

пустынѣ. Высылаемые изъ лагеря и крѣпостей отряды были истребляемы. Къ прискорбію своему Мармоншѣ не могъ воспрепятствовать нашимъ парціямъ возвратиться въ дома со славою и добычею.

Потеря наша только 19 числа была значительна и вообще въ продолженіе 22 дней военныхъ дѣйствій проспиралась до 600 человекъ убитыхъ, раненыхъ и въ плѣнъ попавшихся. Потерю нерегулярныхъ войскъ точно опредѣлить нельзя; но вѣроятно она проспиралась до 2,000 человекъ. Непріятель потерпѣлъ значительнѣйшій уронъ: солдатъ, выбывшихъ изъ фронта, по показанію плѣнныхъ, проспиралось до 8,000 человекъ, въ томъ числѣ убито: Генералъ 1, штабъ офицеровъ 18, оберъ офицеровъ 37; раненъ Генералъ Молишоръ и неизвѣстное число офицеровъ; въ плѣнъ взято: Генералъ Бове, 47 штабъ и оберъ офицеровъ и 1,300 рядовыхъ. Сверхъ того взято 50 пушекъ, весь обозъ и 10 транспортныхъ судовъ съ провизіею и значнымъ количествомъ военныхъ припасовъ. Крейсера наши въ сіе короткое время приобрѣли болѣе, нежели на миллионъ рублей призовъ. Можно ли изчислить утрату бѣдныхъ Рагузинцовъ? Они потеряли все любезное сердцу: лишились опечества и принуждены были идти по

міру или проситъ милосшныи у своихъ не-
пріятелей, не нашедъ оной у своихъ друзей
и покровишелей.

Напрасно Французы кощуншвовали, наря-
жали своихъ солдатъ въ Рускіе мундиры и
водили ихъ по улицамъ на показъ. Нашихъ
же плбнныхъ числомъ до 175 человекъ утоми-
ли маршами, приводя и выводя изъ того же
города по нбскольку разъ въ день. Напрасно
объявили они въ Венеціи о покореніи Кап-
паро и о взяшій въ плбнъ Адмирала со всею
нашею арміею; напрасно написали они въ
Мониперъ, что Черногорцы приняли ихъ
дружески съ распротершыми объяшяи.
Испинное ихъ положеніе вскоръ сдблалось
всбмъ извбспнымъ и Наполеонъ, негодуя на
своихъ Генераловъ, принужденъ былъ согла-
ситься съ ними, что завоеванія почти не-
возможны, или пошребуютъ великихъ по-
жертшвованій шамъ, гдб народъ гошовъ уме-
реть за независимосшь своего опечесшва.

При вшоричномъ нападеніи, чего по всбмъ
вброяшностямъ должно было ожидать, 3000
солдатъ были весьма недосшпаточны для за-
щишы провинціи; ни чбмъ не возможно было
вознаградить и малбйшій уронъ оныхъ, по-
чему Адмиралъ предположилъ образовашь
нбкоторое число Черногорцевъ для посшю-
яннаго опшравленія службы. Хошя народъ

сей по обычаю своему не терпѣи и малѣйшаго вида подчиненности; но довѣренность и уваженіе къ личной храбрости Сенявина (*) при помощи Мишрополиша побудили ихъ принять Императорскую службу. Вскорѣ 5000 Черногорцевъ и Бокезцовъ къ удивленію своему и нашему пріучились къ нужнѣйшимъ воинскимъ движеніямъ.

Мармоншъ, ослабленный потерями и невозможностью достать нужное количество свѣспныхъ припасовъ для прокормленія солдатъ и разоренныхъ жилищей въ ожиданіи подкрѣпленія изъ Ипаліи, сидѣлъ запершись въ крѣпостяхъ Старой и Новой Рагузы. Адмиралъ, сберегая регулярныя войска, высылалъ сильныя отряды Черногорцевъ на сообщеніе Французовъ и сіи партизаны каждый почти день приводили плѣнныхъ и приносили какую либо добычу. Герцоговинскій Епископъ Арсеній прислалъ депутатовъ изъяснить добрую волю народа, соединить оружіе свое съ нашимъ; Сенявинъ не перемѣнилъ своего плана и просилъ только Гер-

(*) Слѣдуя древнему Славянъ обыкновенію, Черногорцы сами избираютъ себѣ въ начальники храбрѣйшаго изъ среды своей, и слѣпо повинуются ему только въ часъ сраженія. Адмиралъ заслужилъ у нихъ сіе лестное званіе.

цоговиновѣ не продавати свѣспныхъ припасовѣ Французамъ и доброхотнѣ помогати нашимъ легкимъ опрядамъ. Такимъ образомъ Французы были обложены преданными намъ народами, и какъ бы въ слѣдствіе продолжительной осады, умирали съ голода.

Въ заключеніе расскажу вамъ, любезные друзья, о нѣкопрыхъ случаяхъ, достойныхъ вашего вниманія и показывающихъ опличительныя черпы характера нашего Главнокомандующаго: принявъ начальство и разсмапривая списокъ Капитановъ кораблей, онъ остановился при имени одного, и, подумавъ нѣсколько, сказалъ: знаю, что Н. Н. не способенъ командовать кораблемъ, я бы не поручилъ ему и барказа; но предмѣспникъ мой конечно иначе думалъ; бытъ можетъ, что Г. Капитанъ и перемѣнился.

Въ театрѣ Офицеры поссорились и пошумѣли. Поручикъ К...й былъ обвиненъ, какъ начинщикъ; но онъ въ самомъ дѣлѣ старался примирить своихъ товарищей. Адмиралъ, призвавъ полковаго Командира, приказалъ ему арестовать Поручика. Полковый командиръ просилъ позволенія освѣдомишься о дѣлѣ и рекомендовалъ К..., какъ самаго скромнаго и храбраго Офицера. Я вамъ вѣрю, опвѣчалъ Адмиралъ, и по вашей

рекомендації желяю познакомитсья съ нимъ покороче, пришлише его завтра ко мнѣ въ дежурство. К.... оставался въ главной квартирѣ довольно долгое время и начиналъ уже скучать, какъ Адмиралъ, позвавъ его къ себѣ, сказалъ: *«Вы имѣете недоброжелатель, и были обнесены; теперь цѣлрившись въ противномъ, прошу извинить меня, если нѣкоторое время считалъ васъ виновнымъ.»* Чрезъ нѣсколько дней Поручикъ получилъ роту, началъ опличаться, шеперь украшенъ орденами, и безъ покровишельства дослужился до Генеральскаго чина.

6 Юня, при опспупленіи высаженныхъ войскъ на островъ Сантъ-Марко, Французскіе артиллеристы, замѣшивъ Адмиральскую шлюпку, направили на оную всѣ выспрѣлы: всплесками отъ ядра облило Адмирала, какъ вдругъ одинъ мапрозъ, оставя весло, началъ снимать фуфайку и башмаки. Адьюшантъ, вскочивши, спросилъ о причинѣ такого поступка: однимъ ядромъ можешъ шлюпку потопить, Ваше Благородіе, отвѣчалъ мапрозъ, я умѣю плавать и хочу спасти Адмирала. *Спасибо, другъ!* сказалъ мапрозу Адмиралъ, *да гдѣ имъ понасть, они не умѣютъ стрѣлять.*

Украшая орденомъ Поручика Кличку, Адмиралъ сказалъ ему: *«Теперь я съ вами*

квитѣ.» А я остаюсь въ долгу у Вашего Превосходительства, отвѣчалъ Кличка. — Вскорѣ въ одномъ сраженіи сей отличнѣйшій по службѣ офицеръ получилъ двѣ раны. Адмиралъ, посѣдивъ его и взявъ дружески за руку, сказалъ: Храбросць ваша дѣлаетъ долгъ мой не уплатнымъ.» А сіи слова будутъ стоить мнѣ жизни, отвѣчалъ Кличка. Я постараюсь не имѣть случая сказать вамъ квитѣ за квитѣ.

При снятіи осады Новой Рагузы десять егерей оставлены были на часахъ у баптарей. Они, видя невозможность избѣгнуть плѣна, вошли въ спарую башню, на вершинѣ горы находящуюся, гдѣ былъ нашъ лагерь, заклали входъ камнями, и не убоясь многочисленности, спрѣляли по проходившимъ мимо ихъ дивизіямъ Молипора и Лориспона до тѣхъ поръ, пока стало папроновъ. Потомъ вышли и положили ружье. Французскіе Генералы, призвавъ ихъ на другой день къ себѣ, похвалили за храбросць, возвратили имъ ружья и приказали препроводить до передовыхъ постовъ въ Каспель-Ново.

Въ крейсерствѣ противу Рагузы.

Вотъ краткое описаніе всего, что случилось со мною, или чего я былъ свидѣтелемъ съ тѣхъ поръ, какъ перешелъ къ вамъ писать. Образъ жизни моей, какъ видите,

совершенно перемѣнился: прошивуположность занятій, предметы, меня окружающіе, не представляли такихъ мыслей, которыя я привыкъ вамъ доселѣ сообщать. Боясь наскучить сухостію разсказа, я хотѣлъ продлить молчаніе; но нѣсколько тому дней, сдѣлавшись веселѣе обыкновеннаго, рѣшился писать и впредь сообщать всякія подробности, до меня касающіяся, съ условіемъ, будьте снисходительнѣе, ибо признаюсь долженъ, что теперь не могу сообщать вамъ по прежнему много занимательнаго.

12 Октября 1806. Третій годъ внѣ отечества засталъ меня посреди Адриатическаго моря, на которомъ никогда еще не раздавались грома Россійскаго оружія. Обманулъ бы васъ, если бы сказалъ, что хочу возвратиться домой и на покой; нѣтъ, друзья, здѣшнее солнце лучше грѣетъ. Семнадцать мѣсяцовъ, проведенныхъ въ мирныхъ, пріятныхъ занятіяхъ, посреди народовъ просвѣщенныхъ, въ странахъ, покрытыхъ классическими развалинами, и семь мѣсяцовъ военныхъ трудовъ, раздѣленныхъ съ народомъ безграмотнымъ, но храбрымъ и свободнымъ, меня равно занимали. Блескъ славы, коей частицу по справедливости могу себѣ присвоивать, теперь меня ослѣпляетъ; и если славолубіе прилично военному человѣку: то

я предпочитаю послѣдніе семь мѣсяцовъ. Они доставили душѣ моей болѣе пищи, болѣе вѣщественности, о которыхъ въ старости пріятно будетъ вспоминать.

15 Октября. Спешные Боры и Французы не такіе предметы, которыхъ ужасы по приближеніи къ нимъ исчезаютъ. Къ Мармонту, сидящему въ Рагузѣ, спешу я всегда подходить ближе, какъ можно, и тогда, того и смогу, что головы не будетъ. При появленіи же бѣлаго облака на вершинѣ Черной горы ежеминутно ожидаю, что сей вѣспникъ начинающейся Боры заставитъ меня на днѣ горькой воды рыбу ловить.

Срокъ нашему крейсерству кончился, но смѣны нѣтъ; ужасно какъ скучно одному ходить взадъ и впередъ, и мучиться на одномъ мѣстѣ воду. Въ такомъ положеніи и бури и пріятная погода равно упоминательны.

Терпѣніе, столь необходимое для мореходцевъ, уже начало истощаться, какъ корабль Елена подошелъ къ намъ. Повѣрьте, что другой не столько обрадуется при свиданіи съ милою подругою, какъ мы моряки, встрѣтившись на морѣ съ товарищами, которыхъ хотя и не видишь, но отъ сосѣдства ихъ ощущаешь какую-то непоспимую радость. *На людяхъ и смерть красна*, справедливо говоришь наша пословица.

Капишанѣ на яликѣ ѣздиѣ на корабль извѣстивъ начальствующаго , что вчера оторвалась у насъ съ бакшпову (*) пребака, которую мы спасли отъ неминуемой гибели; судно было безъ руля и безъ парусовъ — ужасное положеніе! Но оно не рѣдко на морѣ. Бѣдные люди! куда-то ихъ привела судьба?

Каспель-Ново.

18 Октября. Наконецъ окончилось наше крейсерство. Мы получили повелѣніе отправиться въ обыкновенное пристанище нашего флота въ Каспель-Ново, куда на другой день ночью пришли благополучно. Французы отъ чувствительныхъ потерь унялись, и здѣсь теперь все спокойно.

23 Октября. Крѣпкіе вѣтры, проливные дожди и холодъ, довольно чувствительный, предвѣщаяющъ начало зимы, которая продолжается не болѣе двухъ мѣсяцовъ. Здѣшніе жители, особенно Черногорцы, будучи весьма легко одѣты, и прикрываясь только кускомъ сукна, носимаго на плечахъ въ видѣ шали, на передовыхъ постахъ остаются по нѣскольку дней на высочайшихъ горахъ

(*) Такъ называется канатъ, выпущенный съ кормы, въ которому привязываются гребныя и другія суда.

безъ покрова подъ открытымъ небомъ, не жалуясь на холодъ; и Суворовъ назвалъ бы ихъ *Чудо-Богатырями*.

28 Октября. Мы опять отправляемся въ крейсерство къ Далмаціи. При снятіи съ якоря, жестокимъ вѣтромъ подорвало канатъ и чуть чуть не бросило на другой корабль. Всю ночь команда работала и не имѣла покою, пока наконецъ вѣтръ стихъ, и мы вышли въ море.

Капо Често.

30 Октября. Ясное небо не помрачается болѣе бурями, и мы почти ежедневно встрѣчаемъ купеческія суда. Вчера корабль Прасковія прошла въ Капшаро съ какими-то важными извѣстіями.

4 Ноября. Въ прекрасный день мы остановились между городами Себенико и Спалатро у мыса Често. Еще первое изъ военныхъ Россійскихъ судовъ зашло сюда, и потому мы теперь заняты описаніемъ и измѣреніемъ глубины сей рейды, прикрытой съ моря 5 голыми каменными островами. Положеніе наше въ военномъ отношеніи очень выгодно: ибо при всякомъ вѣтрѣ мы можемъ выйти въ море; а всѣ суда, которыя пробираясь между островами, везущъ непріятельскимъ войскамъ снаряды, должны

непремѣнно попасъ къ намъ въ руки. Мы уже взяли одно судно, и надѣемся не уйдемъ съ пустыми руками. Теперь охотнѣе желаемъ пріобрѣсти что нибудь трудомъ: ибо законъ Петра Великаго о призахъ Государь утвердилъ и распространилъ.

7 Ноября. До сего дня мы взяли при судна съ богатымъ грузомъ, да бригъ Александръ, пришедшій къ намъ на помощь, привелъ съ собою четвертое; я уже не сказываю, сколько мы переловили пустыхъ лодокъ безъ грузу, копорыя обыкновенно съ миромъ отпускаемъ, кромѣ попадающихся Гг. Французовъ. Завтра отправляемъ бригъ съ призами и плѣнными въ Каспель-Ново.

9 Ноября. Третьяго дни мы перешли и спали на открытомъ съ моря мѣстѣ, и лишь приготовились сняться съ якоря, какъ вдругъ жестокимъ вѣтромъ подвинуло насъ къ угнѣсисскому мысу. Не полагаясь на якорь, мы рѣшились, выпустя оба каната, вспушить подъ паруса. Какъ ни беспорядочно и шоропливо приступили къ сему дѣлу, однакоже намъ удалось ускользнуть отъ грозившей опасности. Мы вышли въ открытое море, гдѣ крѣпкій южный вѣтръ заставилъ держаться подъ нижними парусами. Трое сутокъ боролись мы съ бурей,

не допускавшею насъ въ мысу Често, у котораго оспались бригъ съ призовыми судами и нашъ барказъ съ людьми.

12 Ноября. Наконецъ Непшунъ умилоспивился, буншующія стихіи умолкли, солнце въ полномъ блескѣ проглянуло на горизонтѣ, и мы, бѣдные и скучные мореплаватели, ощутили новую жизнь. Обрадованные переменною вѣтра, распустили измокшіе паруса и направили путь къ прежнему пристанищу. Оно на сей разъ показалось мнѣ совсѣмъ невыгоднымъ постомъ. Куча домовъ, безъ всякой видимой причины построенныя на каменномъ мысу, отдѣленномъ отъ мапсераго берега низменнымъ перешейкомъ, и вся вообще окрестность представляющъ видъ совершеннаго безплодія и дикости. Ужасной вышины горы, безобразныя скалы, лишенныя украшающей ихъ одежды — зелени, море, колеблемое прежнимъ вѣтромъ, и частые порывы *Боры*, спрежящейся изъ ущелинъ, покрытыхъ снѣгомъ, составляли вмѣстѣ картину не очень пріятную. Не хорошо, если кого застанетъ зима въ лѣтнемъ плащѣ. Я хочу сказать, что у насъ паруса очень худы, и нѣтъ ни шубъ, ни рому.

13 Ноября. Пользуясь прекраснымъ днемъ, я побѣжалъ въ селеніе. Жители по обыкно-

венію ласково вѣспрѣтили насъ у приспани, съ крайнимъ любопытствомъ поглядывали и попомъ оставили въ покоѣ осматривать ихъ дома, складенные изъ неравнаго плишняка и поспроенные болѣе для вмѣстительности, чѣмъ для удобности. Мы, привыкшіе жить въ великолѣпныхъ палахахъ, создаваемыхъ болѣе щеславіемъ, нежели надобностію, съ жалостію взирали на дома сихъ бѣдняковъ, которые съ своей стороны конечно не согласились бы промѣнять ихъ на лучшіе дома. Далматъ, вооруженный кинжаломъ и прикрытый грубою епанчею, какъ воинъ и человѣкъ съ чувствомъ, до крайности любитъ свое опечесво. Приверженность его къ безплодной землѣ происходитъ не отъ разсудительной причины, но отъ привычки, сильнѣйшей всякой страсти. Подъ церковью, стоящею на самой вершинѣ холма, находится подземелье, наполненное кучами человѣческихъ костей. Это общее кладбище: умершаго опускаютъ въ сію могилу и замазываютъ отверстіе. Такъ погребаютъ умершихъ въ Далмаціи: каменистая почва есть причиною сего обыкновенія.

Вѣспрѣ скрипчалъ, и мы опять вступили подъ паруса, опыскавъ напередъ и поднявъ поперянные наши якоря. Сего дня вооруженный каптеръ взялъ большую пребакулу

сѣ маслѣ изъ Пуліи. Для продажи прежнихъ и опводу сей надобно было опсправитъ на сей кого либо изъ Офицеровъ; выборъ палъ на меня, и вошъ я спранспвую на плохой пребакулѣ, вооруженной и снабженной очень дурно.

14 Ноября. По утру при благополучномъ сѣверномъ вѣтрѣ я опсправился опѣ Капо Често; на другой день въ 4 часа утра прошелъ островъ Курсолу, и былъ у Меледы, но въ дальнемъ разспояніи опѣ берега. Тутъ къ несчастію вѣтрѣ перемѣнился и задулъ опѣ востока, скоро развело волненіе, и сколько я ни старался приблизиться къ Меледѣ, но меня опнесло въ море. Требака такъ была тяжело нагружена, что волны свободно ходили чрезъ палубу. Весь день сѣ великимъ трудомъ и опасностію лавировалъ я, пока къ захожденію солнца успѣлъ не много прикрыться островомъ. Положеніе мое ни мало симъ не облегчилось; я уже думалъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, броситъ въ море грузъ, лежавшій на верхней палубѣ; но вѣтрѣ нѣсколько стихъ и допустилъ подойти къ берегу, гдѣ волненіе не сполько насъ безпокоило. Всю ночь никто изъ экипажа не смѣлъ сомкнуть глазъ, опасность была очевидна, судно пошекло и если бы къ благополучію нашему сѣ

разсвѣтомъ свѣжій опѣ сѣвера вѣтрѣ не подулъ, по пребаку залило бы волнами. Тотѣ только можешъ поспигнушъ наше восхищеніе, кто самъ испыталъ такого рода безпокойства. Я позабылъ свою усталость, спѣшилъ воспользоваться щасливою переменною вѣтра, и заранѣе разчислялъ, когда могу припши въ Капшаро.

16 Ноября. День сей будетъ для меня долго памятенъ. Держась мористѣе, проходилъ я каналъ Каламошо, гдѣ, какъ предупрежденъ былъ, скрывались Французскіе корсеры. Предъ полуднемъ я видѣлъ многія суда, выходящія и входящія въ Рагузу, какъ вдругъ наступила совершенная тишина; не могу выразишъ моего смущенія, біенія сердца и грусти. Прилѣжно наблюдалъ я каждое облачко, каждую песпринку на морѣ; зришельная труба не выходила изъ рукъ, наконецъ вѣперокъ подулъ, однакоже столь слабый, что я не могъ опойши опѣ берега, но дабы не подашъ подозрѣнія, я приказалъ повернушъ назадъ, какъ будто иду въ Тріэстѣ. Въ сіе время показались двѣ пребаки и двѣ лодки, послѣднія шли прямо на мою пребаку на греблѣ. Нашаль Калагарисъ, Тріэстскій купецъ, молодой человекъ съ воспитаніемъ, коему принадлежалъ грузъ, стоившій 80,000 рублей, и Пауло, хозяинъ

судна, старались увѣритъ меня, что это рыбачьи лодки. Чрезъ полчаса надежда сія рушилась: передовая была канонерская Французская лодка. Минута жестокая! Попасъся въ плѣнъ весьма непріятно, я почишавъ сіе хуже самой смерти. Опчаяніе овладѣло мною. Рѣшившись лучше умереть, нежели не исполнить возложенной на меня порученности, собравъ своихъ людей и объявилъ имъ, что мы должны сражаться до послѣдней капли крови. Ребята, сказалъ я своимъ мапрозамъ, не хочу васъ обманывать какою либо помощію отъ своихъ крейсеровъ; но вѣрьте, что храбрымъ Богъ помогаетъ.

Примѣшивъ наше пригопование, Калагарисъ, поговоривъ съ шкиперомъ Пауло, подошелъ ко мнѣ и сказалъ въ полголоса: сопротивленіе шупъ бесполезно, положитесь на меня, я пожертвую собою для спасенія васъ, и если сіе мнѣ не удастся, тогда дѣлайте, что разсудите: возвратите мнѣ мои бумаги, онѣ подписаны Французскимъ Консуломъ, и слѣдственно Корсеръ не можетъ задержатъ меня. Въ столь чистосердечномъ предложеніи я не могъ подозрѣвать обмана, почему возвратилъ бумаги, отдалъ Калагарису мои деньги и золотыя вещи на сохраненіе, надѣлъ мундиръ и поручилъ судьбу свою Богу. Между тѣмъ съ

лодки выпалили изъ пушки съ ядрами и приказали приѣхать хозяину. Мы подняли Австрійскій флагъ. Пауло на яликъ отправился на лодку. Мучительное ожиданіе! сомнѣніе въ честности хозяина почти лишило меня разсудка; но минута восторга, когда я увидѣлъ, что шкиперъ ѣдетъ одинъ, и что корсеры поворошили отъ насъ къ берегу, была неизъяснима. Радость и благодарность моя были равносильны. Пауло приспавъ, вскакиваетъ на палубу, бросается ко мнѣ на шею, цѣлуетъ мою руку, и возвращая свои бумаги, говоритъ: я безпокоился больше объ васъ, нежели думалъ о своихъ выгодахъ. Слава Богу! вы теперь свободны, а мы опять ваши плѣнники. Я лучше, продолжалъ Калагарисъ, хочу поручить себя великодушію вашего Адмирала, нежели быть освобождену Французскимъ корсеромъ (*). Дѣлайте теперь, что хотите.

Признаюсь, любезные друзья, я спавъ смотрѣлъ на сихъ добрыхъ людей совсѣмъ другими глазами, сожалѣлъ, что до сего времени не старался приобрѣсть ихъ дружбы.

(*) Добрые люди не обманулись въ своемъ ожиданіи: Адмиралъ возвратилъ имъ судно и грузъ, и въ награду приказалъ выдать 200 червонцевъ.

Не могу и теперь опомниться отъ удивленія, не могу вообразить себѣ, какимъ образомъ купцы, у коихъ на умѣ одинъ прибытокъ, люди обремененные содержаніемъ большаго семейства, могли рѣшиться пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ, свободу, только для того, чтобы спасти отъ плѣна меня и моихъ матрозъ. Они знали, и ни мало въ томъ не сомнѣвались, что по правамъ войны судно и грузъ есть добрый призъ, и никогда имъ не могутъ быть возвращены.

Вѣперокъ подулъ, и мы спѣшили пройти пагубное сіе мѣсто. Калагарисъ совѣщовалъ держаться мористѣ, я съ радостію согласился, и мы скоро удалились отъ береговъ. Солнце закатилось, темная ночь и попутный вѣтръ допустилъ направитъ путь прямо въ Каптаро.

17 Ноября. Новое несчастіе! Тогда, какъ намъ оставалось до Каптаро не болѣе 20 верстъ, вѣтръ переѣнился, сдѣлался противный и вдругъ сосвѣжелъ. Вскорѣ выбило изъ парусовъ; я принужденъ былъ искать убѣжища въ 90 верстахъ назади у острововъ Агоспинскихъ. Проходя Рагузу, видѣли, что шѣ же два корсера лавировали къ Каптаро, а одна пребака, безъ сомнѣнія, военная, шла къ намъ на встрѣчу.

Крѣпкій вѣтрѣ пособилѣ пройти отѣ сей послѣдней въ дальнемѣ разспояніи, но бѣда еще не миновалась: пребака наша на жестокомѣ волненіи изнемогала подѣ тяжеспію; пресной воды и дровѣ оставалось только на одинѣ день. Солнце заходило, и если бы уже въ шемношѣ не успѣли войти въ каналѣ, окруженный голыми оспровками, гдѣ бросили якорь, то ночью неизбѣжно брошены были бы на подводные каменья, окружающіе Агоспу: ибо пребака въ полвѣпра не могла бы оныя обойти.

Острова Агостинскіе.

18 Ноября. Всю ночь дулѣ крѣпкій юго-восточный вѣтрѣ. Небо было мрачно; я благоговѣлѣ предѣ Промысломѣ, спасшимѣ и укrywшимѣ меня въ семѣ покойномѣ пристанищѣ. Агоспинскіе острова состояшѣ изѣ множества лѣсиспыхѣ оспрововѣ, раздѣленныхѣ весьма глубокими каналами, но споль узкими, что въ нихѣ могушѣ находить убѣжище только малыя суда. Изѣ главнаго канала, въ кошоромѣ я оспановился, есть при выхода кѣ воспоку, юго-западу и западу. Ко вшорому оспрову, находящемуся отѣ насѣ кѣ сѣверу, можно входитѣ двумя каналами отѣ сѣверо-запада и юго-запада. На большемѣ изѣ оспрововѣ

Агосшинскихъ есть два селенія ; прочіе служашъ только для пастбища скопа.

Утро было ясное , Калагарисъ съ своими людьми пошли спрѣлать дикихъ козъ , а своихъ мапрозъ я послалъ рубить дрова и сыскать воды. Предъ полуднемъ они ворожились , охота была не удачна. Въ одной лужѣ нашли не много дождевой воды. Мы смѣялись надъ своей неудачею и называли себя плохими охотниками. Цѣлой день барказъ ѣздилъ за водою и дровами , къ вечеру мы всѣ собрались и примѣчали движеніе облаковъ. Пошелъ небольшой дождикъ ; небо по выяснивалось , по темнѣло. Лоцманъ Салустіо предвѣщалъ , что ночью будетъ буря.

Предвѣщанія старика Салустія сбылись. Съ 9 часовъ и во всю ночь лилъ проливной дождь ; громъ гремѣлъ надъ самою головою и вѣтръ свиспалъ изъ проливовъ ; но море подъ нами было покойно. Спранспвіе на шоль бренномъ суднѣ , какое мое , безпреспанная непріятности и препяшспвіе въ пущи , лишили меня спокойспвія духа. Я былъ въ чрезмѣрномъ уныніи , и утѣшеніе мое состояло въ воспоминаніи объ васъ , друзья мои , и только тогда я нѣсколько ободрялся.

19 Ноября. По утру дулъ крѣпкій западный вѣтръ, попутный въ обѣ стороны, и въ Капшаро и къ острову Лисѣ, гдѣ я надѣялся найти фрегатъ; но надобно было итти въ полвѣтра, а съ пребакою моею, излишне нагруженною, безопасно можно было итти только совершенно попутнымъ вѣтромъ. Предскавъше, съ какою завистию смотрѣлъ я на многія суда, быстро мимо меня несущіяся съ сѣверу и югу. Охотники наши ѣздили на берегъ, также безуспѣшно: они видѣли множество дикихъ лошаковъ и мѣста, гдѣ спали козы. Ночь была темная, бурная и временемъ шелъ дождь.

20 Ноября. Вѣтръ былъ таковъ, что ни къ Лисѣ, ни къ Капшаро итти было не возможно. Душа моя изнемогла въ бореніи съ тысячею различныхъ мыслей. Никакое занятіе не сильно было развлечь меня. Воображеніе мое не могло остановиться ни на какомъ предметѣ. Я прибѣгнулъ къ вѣрѣ и успокоился.

Послѣ обѣда я вздумалъ осмотрѣть острова. Большая часть Италіянцевъ отправились со мною съ ружьями. Холодъ и вѣтеръ заставилъ насъ надѣть капоты. Больше двухъ верстъ подымались мы по камнямъ между кустарниками или засохшими пнями, сваленными бурями. Доспигнувъ

самого високаго мѣста острова, я вынулъ зришельную трубу и искалъ по горизонту и подъ берегами судовъ; но кромѣ великаго волненія ничего не открылъ. Спустившись съ каменной скалы, пошли мы далѣе внутрь острова; но шупъ разошлись, со мною оспался одинъ пассажиръ. Если бы случайно не напали на пропинку, по которой люди наши носили воду изъ лужи, окруженной высокими деревьями: то мы прошли бы далеко, и едва сыскали бы дорогу назадъ. На картѣ сей островъ не назначенъ, и наши Италіянцы не знали его имени. Онъ состоитъ изъ пвердаго плишняку, покрышаго тонкимъ пластомъ земли. Весь островъ покрытъ мѣлкимъ кустарникомъ, между коимъ нашелъ я полынь, шалфей и чаберъ. Тамъ, гдѣ спекаетъ вода, росшупъ еловыя и ивовыя деревья, первыя годны даже на кораблеспроеніе. Каменья, оторванные отъ скалъ, и прецины на самой почвѣ, заставили меня думать, что и шупъ было землепрясеніе. Вѣроятно, что всѣ сіи острова соспавляли нѣкогда матерый берегъ. Изорвавъ башмаки и перецарапавъ ноги и руки, предъ захожденіемъ солнца ворошился на пребакулу.

21 *Ноября.* Съ упра подулъ вѣтръ, съ которымъ мы могли перейти въ Лису, но разсчитывая, что проѣхавъ еще около ста

верстѣ назадѣ, я еще сдѣлалъ бы хуже прежняго, и пошому рѣшился на мѣстѣ дожидать благополучнаго вѣпра. Любезный Калагарисѣ много помогалъ мнѣ своими совѣтами и довѣренностію, которую имѣю къ нему мапрозы. Послѣ обѣда шкиперѣ Паола вмѣстѣ съ Калагарисомъ отправились на барказѣ къ селенію, находящемуся на большемъ островѣ. Они возвратились, когда уже солнце зашло. Калагарисѣ сдѣлалъ мнѣ выгодное описаніе столицы острововъ, владѣтеля и его двора. Въ самомъ дѣлѣ помѣщикъ сего острова, Сенаторѣ Рагузинской республики, могъ почитать себя самоправителемъ: ибо съ тѣхъ поръ, какъ начались военныя дѣйствія, онъ не получаетъ никакихъ повелѣній отъ своего правительства. Наши крейсера давно пресѣкли всякое сообщеніе.

22 Ноября. Провидѣніе послало намъ вѣщерека отъ сѣвера, которымъ немедленно я воспользовался; но едва вышелъ въ море, сдѣлался шпиль. Дабы при переменныхъ вѣпрахъ и печеніяхъ не подвергнуть себя опасности вблизи берега, я вошелъ въ портъ Россо, находящійся на одномъ изъ Агоспинскихъ острововъ, въ 20 верстахъ къ востоку отъ главнаго лежащемъ. Портъ сей можетъ служить весьма покойнымъ

убѣжищемъ для малыхъ военныхъ судовъ. На берегу нашли мы двѣ необитаемыя рыбачьи хижины. Италіянскіе мапрозы ходили на охоту и вмѣсто дичи заспрѣлили изъ спада чепырехъ барановъ. На разсвѣтѣ оставили мы сіе тихое пристанище, въ которомъ по необходимости такъ дурно заплашили за госпепріимство.

23 Ноября. Едва только вышелъ изъ порта Россо, опять сдѣлался шпиль. Вопѣ, гдѣ нужно терпѣніе, подумалъ я, и рѣшился, не смотря на окружающіе меня каменья, о кои съ шумомъ разбивалось море, дожидать, что Богъ пошлетъ. День прошелъ, и пребака не подвинулась впередъ и одной версты; ночь наступила самая темная и пишина продолжалась.

24 Ноября. Съ восхожденіемъ солнца по примѣшамъ должно было ожидать переменъ вѣтра; оно взошло и лучше бы не восходило! Первые лучи его едва могли проницать густыя сѣрыя облака, обложившія небо, море и безъ вѣтра уже сильно волновалось; спарые наши мапрозы единогласно утверждали, что на югѣ готовится буря. И такъ въ семъ несчастномъ плаваніи по жестокіе вѣтры, по совершенные шпили попеременно мучили и истощали осташки

моего терпѣнія. Едва мы успѣли нѣсколько подвинуться впередъ, какъ свѣжій вѣтръ отъ юга принудилъ искасть новаго убѣжища. Къ щаспію, мы довольно приблизились къ острову Меледѣ, могли обогнуть сѣверную его часть, и могли войти въ изрядную гавань, извѣстную подъ именемъ Портъ Паоло, столь же пущую, и необитаемую, какъ и прежнія двѣ.

Островъ Меледа.

25 Ноября. Послѣ обѣда съ Калагарисомъ свѣхали на берегъ и пристали у мыса, который съ одной стороны прикрываетъ Портъ Паоло: пробираясь между колючими кустарниками, взошли на возвышеніе, съ котораго волнующееся море представлялось во всемъ ужасномъ своемъ величіи. Вдали была такая мрачность, что корабли, видимые въ морѣ, казалось, плыли по небу. Смогря на жестокое бorenіе стихій, и сострадавая о шѣхъ, кои отъ нихъ бѣдствуютъ, я благодарилъ Бога за укрытіе насъ въ надежной пристани, окруженной высокими горами. Мы въ ней стояли, какъ на берегу. Къ вечеру вѣтръ стихъ, мрачность души моей уступала надеждѣ, завтра однимъ днемъ припши въ Каппаро. Предметы, меня окружающіе, которые прежде

не привлекали моего вниманія, теперь казались очень пріятными. Красивые холмы, поросшіе лѣсомъ, и долины, покрытыя мягкою муравою, представляли мѣста уединенныя. Вечеръ былъ столько прекрасенъ, сколько дуренъ день; солнце зашло грозно, и златопорозовые лучи его долго горѣли на западѣ: но лишь полная луна освѣтила пространство неба, вѣтръ снова заревѣлъ.

26 *Ноября*. Буря продолжается: дождь, градъ и громъ, все было въ продолженіе нынѣшняго дня. Если бы не веселой характеръ любезнаго Калагариса и нѣсколько книгъ, взятыхъ мною съ фрегата: то я не зналъ бы, чѣмъ избавишься отъ скуки. Вобравшись въ маленькую нашу каюту, въ которой одною рукою можно достать потолокъ, а другою дверь, мы лежа, пѣли кпо на Италіянскомъ, кпо на Французскомъ, кпо на Рускомъ языкѣ: но лишь приходило время обѣда, за которымъ должны были довольствоваться горохомъ и небольшимъ кускомъ солонины и пить дождевую воду, то снова погружались въ мрачныя думы.

27 и 28 *Ноября*. Тотъ же вѣтръ и также скучная несносная погода продолжаются. Двухъ-недѣльное заключеніе въ пѣсной и душной каютѣ становится нестерпимо.

НА ПУТИ ВЪ КАТТАРО.

29 *Ноября*. Вѣ полночь неожиданно вѣспрѣ вдругѣ перемѣнился, и задулѣ легкій попутный. Старикѣ Салюспіо убѣдительно просилѣ подождать разсвѣта; но я не имѣлѣ терпѣнія, и вѣ 3 часа ночи оставилѣ мое убѣжище. Вѣспрѣ служилѣ только до полдня, опять наступила досадная тишина. Вѣ горизонтѣ показались военный корабль, бригѣ и тарпана; послѣдняя на всѣхѣ парусахѣ поворошила и пошла къ намѣ на встрѣчу. Солнце закатилось, ночь наступила, и хотя было темно, но погода была прекраснѣйшая. Италіянцы ужинали на палубѣ; мальчикѣ по обыкновенію читалѣ застольную молитву, я внимательно слушалѣ и вѣ молчаніи просилѣ Бога, да сохранитѣ насѣ отѣ бѣдѣ. Молитва была короткая, я началѣ разсуждать съ Калагарисомѣ о разности Греческой и Каполической религіи: какѣ вдругѣ среди жаркаго разговора ядро просвисало у насѣ за спиною, вскорѣ другое пролетѣло надѣ головами. Вѣ удивленіи мы вскочили, другіе бросились на палубу, чѣобы вызвать людей на верхѣ. Никакой, я думаю, живописецѣ не могѣ бы выразить нашихѣ физіогномій. Я приказалѣ шкиперу немедленно бѣхать шуда, откуда послѣдовали выстрѣлы. Полагая, что это

Французскій Корсеръ, я надѣлъ мундиръ, положилъ въ карманъ папеншъ, и спокойно ожидалъ назначенной мнѣ судьбы. Вообразите теперь мое удивленіе и радость, шкиперъ скоро возвратился съ полною вооруженныхъ Бокезцовъ. Они не приставая къ борту, спрашивали, откуда и куда иду? Я отвѣчалъ имъ по Руски на всѣ ихъ вопросы и они тотчасъ пристали. Сіи Бокезцы принадлежали парпанъ, копорую мы видѣли днемъ вмѣстѣ съ кораблемъ и бригомъ. Они объявили, что идутъ брать Курсолу, что Адмиралъ съ эскадрою уже долженъ быть тамъ, и что они везутъ 20 головорѣзовъ (*) и 6 быковъ. Къ шкиперу парпаны я написалъ записку, чтобы проводилъ меня въ копорую бы сторону ни было, и просилъ, чтобы онъ поднѣлъ на мачшѣ фонарь. Бокезцы опвалили и салютовали мнѣ изъ всѣхъ своихъ ружей. Я шѣмъ же отвѣчалъ имъ. Всѣ улеглись спать, кромѣ меня и Италіянскаго мапроза на рулѣ, пѣвшаго спраннымъ голосомъ національную свою пѣсню; но къ разсвѣту сонъ меня превозмогъ, я приказалъ держаться къ парпанъ, на которой въ самомъ дѣлѣ поднѣлъ былъ фонарь.

(*) Такъ называли они Черногорскихъ стрѣлковъ.

30 Ноября. Проснувшись, я увидѣлъ себя одного миляхъ въ 20 отъ Меледы, а шартана и другія суда уже входили въ Кур-сольскій проливъ. Сдѣлавъ выговоръ рулевому, который забылъ меня увѣдомить о перемѣнѣ вѣтра, я спѣшилъ поправить ошибку и сколько было возможно воспользовался новымъ вѣтромъ. Въ полдень море опять было подобно зеркалу. Каптарскія горы сизѣли вдали, и своею высокою показывали прямой къ нимъ путь. Мы были веселы, равно какъ и день прекрасенъ, хотя впрочемъ желудки наши давно лишены доброй пищи.

31 Ноября. Я наконецъ въ Боко ди Каптаро. Вчера около 3 часовъ по полудни вѣтръ вдругъ задулъ отъ сѣвера, какая радость! Сей часъ поставили всѣ паруса и пустились въ добрый путь. Благодушный вѣтерокъ постепенно свѣжелъ и удовольствіе наше болѣе и болѣе возрасло. Свѣтило дня закатилось такъ пріятно, какъ бы среди лѣта. Ночь была столь свѣтла, что мы удобно могли различать берега. Мореходцы, упомянутые продолжительнымъ плаваніемъ, при наступленіи благополучнаго вѣтра, бывають всему рады; они всегда садятся за столъ съ хорошимъ аппетитомъ.

Утѣшенный, довольный, я нѣсколько уснулъ. Предъ разсвѣтомъ, опасаясь бытъ слишкомъ близко къ берегу, приказалъ убавить парусовъ. Едва начало свѣтлѣть, съ ужасомъ примѣтилъ, что вмѣсто Капшаромы находились предъ входомъ въ Старую Рагузу. Солнце взошло и вѣтръ совершенно насъ оставилъ: осмопрѣвшись кругомъ, не видѣлъ я никакой надежды къ спасенію. Нѣсколько канонерскихъ лодокъ стояли въ гавани, а по дорогѣ возлѣ крѣпости видѣнъ былъ укрѣпленный лагерь. Въ зрительную трубку можно было различать всякое движеніе Рускихъ и Французскихъ передовыхъ постовъ. Толпы Черногорцевъ, замѣтныхъ по бѣлому нашему флагу, занимали высошы. Мнѣ безпрестанно казалось, что одна лодка снимается; но въ самомъ дѣлѣ въ портѣ все было покойно. Ежеминутно ожидалъ я выспрѣла съ крѣпости или съ лодки; къ щасшію мучительное сіе ожиданіе было напрасно. Въ 10 часовъ благополучный вѣтръ подулъ, и я поставивъ паруса, пустился бѣжать, какъ бѣгающій пѣ, коимъ нечѣмъ защищаться. Не понимаю, почему не вздумалось Французамъ взять меня; конечно они слишкомъ напуганы нашими крейсерами, и не смѣютъ носа показатъ въ море и тогда, когда Адмиралъ взялъ съ собою большую часть судовъ, блокировавшихъ

Рагузу. Уже смерклось, когда я обошелъ мысъ Остро, и часу въ претъемъ ночи, не дошедъ до рейды верстъ съ десять, бросилъ якорь.

Кастель-Ново. *Декабрь 1806.*

Въ отсутствіе мое ничего здѣсь важнаго не произошло: Мармонъ по прежнему сидитъ въ крѣпостяхъ и весьма слабо защищается отъ нападеній нашихъ легкихъ опрядовъ, кошорые почти всякой день дерущся съ выгодою. 4 Октября самъ Мипрополитъ съ нерегулярными войсками и 13 егерскимъ полкомъ ходилъ къ Старой Рагузѣ, и взявъ нѣсколько плѣнныхъ обозовъ, безъ попери возвратился въ Кастель-Ново, оставивъ предъ Рагузою наблюдательные опряды.

Вступившіе въ службу Бокезцы и Черногорцы при каждомъ байракѣ (знамѣ) имѣютъ по одному Офицеру и по нѣскольку рядовыхъ. Штабъ-Офицеръ располагаетъ ихъ движеніями. Сіи пять тысячъ стрѣлковъ удивляютъ Французовъ необыкновенною дерзостію, доставляющею имъ великое преимущество надъ регулярными полками. Наконецъ Адмиралъ достигнулъ до того, что и Черногорцы приводятъ спали плѣнныхъ, а прежде сего они убивали всѣхъ попавшихся къ нимъ въ руки. Смѣливость при

нападеніи и удивительная осторожность на передовыхъ поспахъ уподобляеть ихъ нашимъ козакамъ; но смѣло можно сказать, что въ мѣшкѣй стрѣльбѣ и въ искусствѣ рубиться на сабляхъ, Черногорцы превосходятъ всѣ лучшія Европейскія войска. Въ самомъ жаркомъ сраженіи Черногорецъ никогда не стрѣляетъ безъ цѣли, во всякомъ положеніи и разстояніи онъ знаетъ, какъ должно наводити ружье, и никогда даромъ пули не пуспитъ. Всю жизнь свою они проводятъ въ сихъ занятіяхъ; десятилѣтніе дѣти уже не даютъ промаха, и причаються битися на сабляхъ и мечахъ, какъ скоро силы ихъ позволяютъ поднимать сіе оружіе.

Сіи природные воины спраспно любятъ славу, свое опечесство и независимость. Они подлинно ужасны: ибо крайне бѣдны, не знаютъ употребленія денегъ, не имѣютъ понятія о преимуществахъ рожденія, у нихъ только шопъ благороденъ, кшо храбръ. Нѣтъ народа, кошорой бы болѣе Черногорцевъ пользовался полною свободою мыслей и дѣйствій. Каждый изъ нихъ по выбору можетъ быть воеводою, Княземъ и начальникомъ своей деревни или округа: но по окончаніи срока сей временной власпи, Князь, воевода и дѣти ихъ дѣлаются равными послѣднему гражданину.

Хошите ли имѣть точное понятіе о свободѣ и равенствѣ? Желаете ли видѣть вблизи на самомъ дѣлѣ то, о чемъ мечтали философы XVIII вѣка, чего добивались Французы, и чѣмъ соблазнялись другіе Европейскіе народы? Придите, взгляните со мною на Черногорцевъ, и я надѣюсь, вы согласитесь, что нуть не чему завидовать, и не чѣмъ соблазнишься.

Если Французы умертвили добродушнаго своего Короля, опказались опѣ вѣры предковъ, уничтожили дворянство и духовенство: то они еще ничего не сдѣлали для приобрѣтенія свободы и равенства. Они приступили къ исполненію пустыхъ бредней умныхъ своихъ головъ совсѣмъ не такъ, какъ бы должно было. Они искали примѣровъ въ древности, и вѣроятно не знали, что не далеко опѣ нихъ живетъ народъ испинно свободной. Если бы напрошивъ вознамѣрились они подражать Черногорцамъ, (что, смѣю увѣришь, было бы не хуже для нихъ самихъ и ихъ сосѣдей), то имъ надобно бы было уничтожить всякое просвѣщеніе, перестать читать, писать и умствовать. Имъ должно бы опказаться опѣ модъ и роскоши, носить одного покрою сермяжный кафтанъ; довольствоваться чернымъ хлѣбомъ, водою вмѣсто вина, свинымъ

саломѣ вмѣсто лакомої закуски, словомѣ, надобно было, чѣобы Министрѣ, Фельдмаршалѣ, судья и опкупщикѣ сдѣлались трудолюбивыми земледѣльцами, и подобно Черногорцамѣ, могли каждый безѣ усталости проходить по спѣ верстѣ въ супки. Надобно, чѣобы они умирая сѣ голоду, почитали кусокѣ соленой баранины за роскошь даже въ день Пасхи; надобно было, какѣ безполезныя, испребитъ всѣ искусства, служащія къ поощренію роскоши, жить не въ палапахѣ, а въ хижинахѣ, никому не даваць ни чиновѣ, ни кресповѣ, ни жалованья, не обогащаць однихѣ разореніемѣ другихѣ, словомѣ: не допуская никакихѣ исключеній въ равенствѣ гражданѣ, прилѣпиться къ вѣрѣ, опказацься опѣ завоеваній и до изступленія любить бѣдное свое опечесѣво, славу предковѣ, и ничего не перемѣняць въ своихѣ обычаяхѣ; наконецѣ, подобно Черногорцамѣ, вѣриць, чѣо за горами ихѣ окружающими нѣтъ щастія, нѣтъ блаженства, по той единствѣнно причинѣ, чѣо за ними живуць *безвѣрные* Турки и Каполики, нестоющіе по ихѣ мнѣнію *названія людей*....

Вѣ Декабрѣ мѣсяцѣ, когда по проискамѣ Наполеона, разрывѣ сѣ Турціею былѣ неизбеженѣ: Адмиралѣ, дабы, по обвѣявленіи войны, быць въ соспояніи собрать весь

линейный флотъ и обезпечить защиту Капшарской области, усилилъ гарнизоны въ крѣпостяхъ 14 егерскимъ полкомъ, и рѣшился при прекращеніи военныхъ дѣйствій въ слѣдствіе заключеннаго Г. Убриемъ мира, оставленные острова снова покорить; утвердившись же на оныхъ, угрожать нападеніемъ на Далмацію, гдѣ жилили, равно какъ и подданные Султана, готовы были намъ помогать.

Въ семъ намѣреніи Главнокомандующій, посадивъ на корабли 1000 егерей съ 250 отличныхъ стрѣлковъ Черногорскихъ, 30 Ноября взялъ приступомъ редутъ, защищающій крѣпость на островѣ Курцоло, и принудилъ гарнизонъ оной, состоящій изъ 600 человекъ 81 полка подъ командою Полковника Орфенго, положить ружье и сдаться безъ условій. 10 Декабря покоренъ островъ Браццо, лежащій противу самой Спалатры. Тутъ рота Французовъ, защищавшихъ репраншаментъ съ четырьмя пушками, также положила ружье. Принудивъ непріятеля очистишь островъ Сольшу, Адмиралъ готовился покорить Лезино, а потомъ постепенно и другія укрѣпленія, которыя Мармонъ построилъ для защищенія проливовъ; ведущихъ къ Зарѣ и инымъ большимъ крѣпостямъ, находящимся на

машеромъ берегу: какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что Али Паша подѣ покровительствомъ Турецкой эскадры занялъ Превезу и угрожаеши нападеніемъ на Іоническіе острова: Адмиралъ, принудивъ Мармонша снять небольшіе свои опряды, со всѣхъ острововъ, не имѣющихъ крѣпостей, немедленно возвратился въ Касшель-Ново.

1807 ГОДЪ.

Въ первый день Нового года подѣ начальствомъ Капитанъ-Командора Игнашьева прибыла изъ Кронштада эскадра, состоящая изъ пяти кораблей, двухъ фрегатовъ и двухъ корветовъ. Въ краткое пребываніе въ Касшель-Ново Адмиралъ сдѣлалъ нужныя распоряженія для обезпеченія Черногоріи и Капшаро со стороны Турецкихъ границъ, равно и Рагузы, вооружилъ Герцоговиновъ къ собственной защитѣ, и лишилъ Французскихъ Генераловъ надежды, съ помощію Турецкихъ Пашей покорить Капшаро.

13 Января. Главнокомандующій со всѣмъ флотомъ отправился въ Корфу, а пошомъ въ Архипелагъ. Капитанъ 1 ранга Барашинской съ тремя кораблями, 8 фрегатами и со всѣми Бокезскими корсерами оставленъ

былъ начальствующимъ въ Адриатическомъ морѣ. Мишрополишу (*) поручено защищать Капшаро; Спашскій Совѣтникъ Санжовскій, бывший Министръ при Черногорскомъ народѣ, утвержденъ Гражданскимъ начальникомъ въ Капшарской области. Полковнику Книперу, командующему сухопутными войсками, предписано, равно какъ и Капшану Барапынскому, защищать Капшаро до послѣдней капли крови.

Островъ Браццо.

Положеніе наше въ Капшаро, не смотря на соединенныя силы Французовъ и Турковъ, ни мало не перемѣнилось. Непріятели и по опбытіи Адмирала, не смѣя сдѣлать общаго нападенія, оставались въ бездѣйствіи. Мишрополишъ по прежнему безпокоилъ ихъ весьма выгодною для насъ партизанскою войною. Барапынскій, укрѣпившись въ Курцоло, разсѣялъ крейсеровъ; на всѣхъ сообщеніяхъ непріятеля перехватывалъ ихъ транспорты, и съ помощію Далматцевъ превозилъ Французовъ въ самыхъ крѣпостяхъ.

(*) Мишрополишу за отличную храбрость Государь Императоръ пожаловалъ бѣлый клобукъ и свой поршрешъ на Георгіевской лентѣ, богато украшенные брилліантами.

Миѣ достался самый скучный постѣ при островѣ Браццо, скучный по всѣмъ отношеніямъ. Вы представите себѣ можете, каково поспоятъ семь мѣсяцовъ сряду въ такомъ мѣстѣ, гдѣ одна только деревня и ни одного порядочнаго дома, въ которомъ бы можно провести время съ удовольствіемъ. Одно утѣшеніе состояло въ томъ, если на нѣсколько дней сходишь въ Курцоло, гдѣ, какъ въ главной квартирѣ, иногда встрѣтимся съ поварищами, крейсирующими въ другихъ мѣстахъ.

Впрочемъ постѣ нашъ былъ самый удобный для блокады Спалатро, гдѣ находилась главная квартира Французовъ. Сначала мы имѣли кой-какія дѣла съ непріятелемъ, но вскорѣ не осталось у нихъ ни одной вооруженной лодки: если же копорыя уцѣлѣли, то никогда не удалялись отъ крѣпостей своихъ далѣе пушечнаго выстрѣла. Смѣлая нападенія нашихъ крейсеровъ—набздииковъ, которые брали суда изъ-подъ самыхъ башенъ (*), принудили Французовъ уступить

(*) Видѣтъ сей части представляетъ одно изъ многихъ подобнымъ сему дѣйствій. Фрегатъ Автроиль подъ пушками крѣпости Спалатро потопляетъ и беретъ въ плѣнъ нѣсколько Французскихъ судовъ.

намѣ совершенное господство надѣ моремѣ. Далмашцы, которые одною только торговлею могли существовать, должны бы были умереть съ голоду, если бы мы не имѣли повелѣнія позволять всѣмѣ ловить рыбу и пѣмѣ изѣ нихѣ производить торговлю въ союзныхѣ намѣ портахѣ, которые переселялись на острова, или будущѣ искать нашего покровительства. Мы обращались съ ними какѣ друзья, и за всякую бездѣлицу платимѣ наличными деньгами: напрошивѣ того, Французы обременяли ихѣ шатогоспными налогами; а изѣ опасенія, чѣобы не имѣли съ нами сообщенія, запрещали у береговѣ ловить рыбу, составляющую единственное пропитаніе живущихѣ у моря. Солдаты грабили безнаказанно; Генералы позволяли опнивать у жителей послѣдній кусокѣ хлѣба, и безѣ пощады разспрѣливали пѣхѣ, кои осмѣливались сопротивляться: словомѣ, мы, будучи непріятелями, защищали народѣ, а они подданныхѣ своихѣ припѣсняли всякими средствами. Присутствіе наше пѣмѣ болѣе было несносно для Французовѣ, чѣо они не могли перешолковать нашихѣ поступковѣ въ дурную сторону, ниже переѣнать своего поведенія: ибо солдаты и Офицеры, не получая жалованья, по необходимости должны были кормиться грабежемѣ.

Терпѣніе народа наконецъ истощилось. Далматы рѣшились опмстити пиранамъ; но къ несчастію бунтъ начался нѣсколькими днями прежде положеннаго срока. Зажженная Французами деревня была сигналомъ общаго возстанія; ударили въ набатъ, и съ кликами: да здравствуетъ Александръ! народъ истребилъ малые разсѣянные отряды своихъ припѣснителей. Мармонтъ, уменьшивъ гарнизоны въ крѣпостяхъ, собралъ сильную армію. Камандоръ Барапынскій прибылъ изъ Кашпаро только съ 6 ротами егерей, и при столь слабой помощи храбрый народъ снова поклялся, подобно Бокезцамъ, освободиться отъ Французовъ и присягнуть въ вѣрнопопданствѣ Россійскому Императору. Не стану описывать вамъ всѣхъ слѣдствій сего ужаснаго бунта: въ продолженіе шести недѣль на всемъ пространствѣ несчастной Далмаціи перестрѣлки не умолкали день и ночь. Мармонтъ потерялъ половину своей арміи, принужденъ былъ просить подкрѣпленія и снова заключиться въ крѣпостяхъ. Разоренные жители оставили свои пепелища и перебрались на острова. Голодъ и болѣзни принудили Французовъ быть снисходительнѣе къ оставшимся на матеромъ берегу жителямъ.

Въ половинѣ Іюля получено извѣстіе о зачленіи въ Тильзитѣ мира, военныя дѣйствія прекратились и мечпанія бѣдныхъ Далматцевъ бысть Рускими уничтожились. До того времени, пока мы не получили повелѣнія отъ Командора Барашинскаго возвратиться въ Капшаро, я имѣлъ случай бысть въ Спалатро и осмотрѣть ея окрестности. Далмація споль мало у насъ извѣстна, что я, желая сдѣлать описаніе ея болѣе занимательнымъ, собралъ разныя о ней свѣдѣнія, которыя и предлагаю вамъ въ краткомъ обзорѣніи.

Взглядъ на Далмацію.

Далмація принадлежишь нынѣ къ землямъ мало посѣщаемымъ. Писатели XVI и XVIII вѣка оставили только нѣкоторыя историческія и географическія замѣчанія. Въ новѣйшія времена знаменитый путешествователь Г. Форписъ заслуживаетъ наибольшее вѣроятіе. Повѣривъ его описаніе собственными глазами, предлагаю то, что, мнѣ кажется, заслуживаетъ вашего вниманія.

Далмація, на восточномъ берегу Адриатическаго моря занимаетъ пространство между 43 и 46 градусомъ сѣверной широты.

Она покрыта раздѣльною цѣпью высокихъ горъ, прикрытыхъ съ моря множествомъ большихъ и малыхъ острововъ, и подводныхъ камней. Верхніе слои горъ состоятъ часпію изъ мрамора, извѣснаго въ древности подъ именемъ Трагурійскаго, часпію же изъ рыхлаго камня, смѣшаннаго съ окаменѣлыми раковинами. Нижніе слои прибрежныхъ крупныхъ скалъ большею часпію состоятъ изъ огромныхъ массъ песчанаго камня, который многіе путешественники несправедливо называли пышнымъ именемъ гранишовъ; мѣстами есть однакожь и самый гранитъ.

Плиній свидѣтельствуетъ, что во время Императора Нерона ежедневно изъ рудниковъ сей страны доставали пятьдесятъ фунтовъ золота; ибо сей драгоцѣнный металлъ лежалъ въ самыхъ верхнихъ слояхъ земли. Форшисъ, основываясь на семъ показаніи, прибавляетъ, будто бы въ Далмаціи золото собираемо было на берегахъ рѣкъ. Нынѣ кромѣ небольшого количества желѣза и мѣднаго марказита, нѣтъ ни одного важнаго рудника; даже и прекрасный Трагурійскій мраморъ остається безъ употребленія по невозможности доставлять оный къ пристанямъ, откуда на корабляхъ удобно можно было бы перевозить оный по желанію.

Климатъ сей страны кажется преперпѣлъ неблагопріятныя перемѣны. Испребленіе лѣсовъ, которыми покрыты были горы, открыло страну сѣвернымъ холоднымъ вѣтрамъ и изсушило множество небольшихъ горныхъ ручьевъ, оплодотворявшихъ землю. Низкія же мѣста, напояемыя быстрыми рѣками, около Наренцы, представлявшія прежде прекрасныя обширныя луга, обратились нынѣ въ болота, которыя распространяютъ заразительную гнилость. Несмотря на то, что Далмація подвержена непостоянной перемѣнѣ погодъ, зною и холода, бурь и засухъ, почва земли ея не уступаетъ плодоноснѣйшей земли Италіи. Доказательствомъ сему служитъ, что въ окрестностяхъ города *Травы* даже пальмовое дерево приноситъ плоды.

Венеціанское правительство, котораго хорошія государственныя узаконенія и мудрая политика вознаграждала многія важныя ошибки, для превосходной своей провинціи Далмаціи вовсе ничего не сдѣлало. По недѣлительности ли, или по весьма неправильной системѣ, власти республики пользовались только мужествомъ и вѣрностію Далматовъ, не употребляя никакихъ усилій къ ихъ образованію и къ улучшенію земледѣлія сей плодоносной страны.

Виноградныя лозы и оливковыя деревья лучше распушѣ на берегахѣ, нежели на островахѣ; напрошивѣ того, рожѣ и плодовишыя дерева болѣе успѣвають на долинахѣ во внушренности земли. Но всѣ произведенія сей земли недоспащочны для пропитанія жителей; почему, кромѣ на берегахѣ живущихѣ, которые недоспащокѣ сей сѣ избышкомѣ замѣняютѣ морскою поровлею, другіе занимающія скотоводствомѣ и живущѣ очень скудно. Ловѣ анчоусовѣ и сарделей составляетѣ нынѣ главный промыслѣ прибрежныхѣ жителей; они же изѣ своего лѣса строятъ прочныя суда. Если бы земледѣліе было въ лучшемѣ состояніи: то Далмація могла бы назваться богатѣйшею обласшію въ Европѣ. Попечительное правительствѣ могло бы завесѣ значныя рыбныя ловли, могло бы поощрѣ къ добыванію коралловѣ, въ нѣкоторыхѣ мѣстахѣ успиляющихѣ дно морское, а для обезпеченія благосостоянія живущихѣ въ горахѣ могло бы заимствовать полезныя насажденія изѣ Греціи. Коринка, хлопчатая бумага, шабакѣ и разнаго рода плодоносныя деревья могли бы здѣсь легко сдѣлаться природными. Масликовыя деревья, во множествѣ безѣ пользы распуція, улучшение породы козѣ и овецѣ, и разработываніе оставленныхѣ рудниковѣ, доставили бы бѣднымѣ жителямѣ

безнужное содержаніе. Но , къ сожалѣнію , когда при вступленіи Французовъ торговля совершенно прекратилась: то Далматцы, не имѣя хорошаго земледѣлія и никакой внутренней промышленности , влачащъ жизнь въ унизительной нищетѣ.

Славяне поселились на берегахъ Адриатическаго моря въ началѣ VI столѣтія. Достоверные писатели утверждаютъ , что они вышли отъ береговъ Волхова и Днѣпра, различными путями достигли до границъ Римской Имперіи , и постепенно покоряя область за областью , поселились въ нынѣшней Бугаріи, Сербіи, Босніи, Кроаціи, Далмаціи , Каринтіи , Штирії , Венгріи, Моравіи, Богеміи, Лузаціи, при рѣкахъ Одеръ , Эльбъ и Саалъ, въ Польшѣ и Силезіи , гдѣ смѣшались съ природными жителями. Въ VIII вѣкѣ Славяне , оставя идолопоклонство , присоединились къ Греческой церкви. Илирійское и многія другія Славянскія государства въ IX вѣкѣ уже были довольно обширны и могущественны. Въ новѣйшія же времена малая изъ нихъ часть отъ гоненія Папъ принуждена была принять Каполическое исповѣданіе. Къ сему числу принадлежатъ прибрежные жители Далмаціи.

Спрана сія во время междоусобной войны Римлянъ и въ первыхъ столѣтіяхъ по Р. Х. при владѣніи Цезарей играла весьма значительную роль, и была тогда весьма многочисленна, богата и просвѣщенна. Послѣ того, изъ сей же страны Римляне вели войны противъ народовъ Панноніи, Иллиріи и Дакіи; почему Далмація и теперь наполнена развалинами, сохранившимися отъ лучшихъ временъ Римскаго величія и славы.

По раздѣленіи Римской Имперіи на Восточную и Западную, Далмація принадлежала Греческимъ Императорамъ; когда же власть оныхъ въ сихъ странахъ ослабла, то принадлежала частію Кроатскимъ, частію Иллирійскимъ Государямъ. Въ послѣдшіе времена приморскіе торговые города составили многія независимыя республики, изъ коихъ Наренпинская, болѣе другихъ могущественная, прославилась морскими разбоями и содѣлалась опасною для Италіи и Венеціи. Испрія, Далмація, Рагуза съ островами, прикрывающими восточной матерой берегъ Адриатическаго моря, дабы избавишься отъ пиратовъ Наренпы, добровольно признали надъ собою власть Венеціи. Въ 997 году съ помощію сихъ новыхъ подданныхъ Дожъ Урсеоло II по упорномъ сопротивленіи покорилъ Наренпу, съ кошо-

рою въ продолженіи 160 лѣтъ Венеціане вели непрестанную войну и иногда платили ей дань. Вольные и покоренные города въ Далмаціи безъ различія получили правителей подъ названіемъ *Подеста*. Сіи правители избирались изъ знашнѣйшихъ Венеціанскихъ фамилій.

Частыя возмущенія жителей Зары приписать должно болѣе зависти Королей Венгерскихъ, чѣмъ любви ихъ къ свободѣ. Короли не могли сносить, чтобы всѣ ихъ приморскіе города были во власти республики. При первомъ возмущеніи въ 1040 году Зара опдалась въ покровительство Кроатскаго Короля; въ 1115 жители ея призвали въ помощь Венгерскаго Короля; въ 1170 объявили себя независимыми, и избрали своего Архіепископа правителемъ; въ 1186 въ другой разъ для освобожденія себя отъ ига Венеціанъ признали надъ собою власть Венгерскихъ Королей. Въ 1242, 1310, 1345 и 1357 годахъ Венеціане снова были изгнаны и въ 1358 Истрия, Далмація до Дурацо покорена Венгерскимъ Королемъ и уступлена ему по миру. Около 1386 года Далмація отъ Венгріи перешла въ правленіе Королей Босніи.

Наконецъ въ 1409 году, Венеціане купили Зару у Владислава Короля Венгерскаго, и всю Далмацію вновь покорили. Съ эшаго вре-

мени вѣ продолженіи чепырехѣ столѣтій Далмація поспоянно принадлежала Венеціанской республикѣ. Вѣ 1797 году она вмѣстѣ съ Венеціею опдана Авспрійскому Имперашору, по Кампо-Формійскому практату, которымѣ вѣ 1806 году уступлена Франціи и наконецѣ по рѣшенію Вѣнскаго Конгреса вѣ 1814 году снова возвращена Авспріи.

Время и смѣшеніе съ чужими народами, не смопря на чрезмѣрную привязанность Далмацкихѣ Славянѣ къ своимѣ обычаямѣ, много измѣнили ихѣ харакперѣ и нравы. Прибрежные жишели, исповѣдующіе Каполическую религію, едва сохранили шѣнь своего происхожденія, они говорящѣ Венеціанскимѣ нарѣчіемѣ, и хошя между собою употребляющѣ природный Славянскій языкѣ; однакожѣ споль испорченный Ипаліянскими словами, чшо ихѣ съ трудомѣ понимащѣ можно. Гайдуки и Морлаки, обитающіе вѣ горахѣ и не измѣнившіе вѣрѣ предковѣ своихѣ, будучи бѣдны, воинспвенны, менѣе образованны, сохранили свой языкѣ, нравы, обычаи и почши во всемѣ похожи на Черногорцевѣ.

Венеціанское правительсшво, опасаясь храбросши Славянской, и думая шѣмѣ удобнѣе управлящѣ ими, чѣмѣ они будущѣ грубѣе, невѣжеспвеннѣе, не обращало и малѣй-

шого вниманія на вихованіє юношества. Сь того времени, какъ победы Суворова и присущствіе Россійскаго флота въ Адриатическомъ морѣ наполнили души Славянъ воспоргомъ и пріятнымъ воспоминаніемъ ихъ прежней независимости и сродства съ Рускими, Австрійское правительство, желая предупредить сіе вредное для политики ея вліяніе, запретило даже ввозъ церковныхъ книгъ; и хотѣя вмѣсто оныхъ печатающіяся таковыя въ Вѣнѣ Латинскими и Нѣмецкими липерами, однакожъ народъ, какъ того и должно было ожидать, не имѣетъ въ немъ должнаго уваженія; и за большія деньги и съ великою для себя опасностію достають книги Священнаго писанія Кіевской печати (*). Французы, дабы разорвать узелъ, связующій Славянъ съ Рускими, дабы истребить и воспоминаніе ихъ происхожденія, употребляли другія средства, еще жесточайшія. Они учредили въ городахъ училища, въ коихъ дѣти, насильно извлекаемые изъ семействъ, обучающіяся одному Французскому языку, привыкають не уважать своихъ древнихъ обычаевъ и вѣры. Сверхъ того, они употребляютъ истинно инквизиціонныя средства, дабы подавить

(*) Кіевъ называютъ они *Святымъ градомъ*, и почитаютъ оный наравнѣ съ Іерусалимомъ.

народный духъ и поселишь въ нихъ ненависть къ Рускимъ. Но ложная и несправедливая полишика сихъ прехъ державъ и щещна и бесполезна. Шестъ вѣковъ продолжительнаго рабства, и всѣ упѣснительныя гоненія, употребленныя въ наше время, не могли ослабить любви и преданности сего несчастнаго народа къ Россіи, которую они называютъ своимъ отечествомъ, своею родною страной. Россійскіе Государи не имѣютъ нужды употреблять какія либо усилія для сохраненія своего вліянія на всѣ поколѣнія Славянъ, ибо ни время, и никакія хитрости полишики не могутъ конечно ослабить того, что происходитъ отъ вѣры и сродства по крови.

Однѣ крошкія мѣры естли не могутъ уничтожить сего прочнаго и страшнаго для подозрительныхъ кабинетовъ вліянія, то, по крайней мѣрѣ, онѣ заспавили бы уважать опеческое правительсво и принудили бы народную гордость терпѣливо сносить шягопящее на нихъ чужеземное иго. Рускому невозможно не любить сихъ добрыхъ чистосердечныхъ Далмацовъ, которые узнали насъ, какъ непріятелей, и не смотря на то, что присутствіе наше толкихъ горестей имъ стоило, не могли разлюбить. Они приняли враговъ своихъ, какъ друзей и родныхъ, и жертвовали за то

жизнію и имуществомъ. Дабы Чипаштели могли судить объ удивительной привязанности сего народа, и вмѣстѣ имѣть понятие объ ихъ языкѣ, я предлагаю нѣсколько куплетовъ изъ двухъ народныхъ пѣсенъ, сочиненныхъ поэтами сирой Далмаціи. Невозможно слышать безъ сердечнаго умиленія жалобный и томный напѣвъ сихъ пѣсенъ.

Посвящена Рускому Народу.

Далмашины, братьо мила
Южъ отъ вики приглашена (1)
Радъ юношества (2) вашихъ сильна
Подтвердишь садъ рабрена

Вспоменомсе моя братьо
Дасмо усну сви поспали
Подъ областью я-о не сришьо (3)
Невирица обещали

Когсѣ избавишь сви желати
Ми имамо Еднокупны
И васѣ начинѣ измыслиши
Непріашель дасѣ онгони.

Поглядайте Градске Зиде (4)
Коиѣ трудно соградены
Отъ Принципа (5) маши миле
Садсу одѣ ни разорени

(1) Славные, (2) Храбрые, (3) Несчастье, (4) Стѣны,
(5) Венеціанской Дождь.

Поглядайте многе злошье
 Кое межю намб свакб даиб чине
 Хоче Законб да оборе
 Измышляюшб опачине

Поглядайте Тешпле (6) свѣтѣ
 Коисб одб ни Погердлени
 Монаштыре разрушене
 Дувне (7) и Фрашры (8) прогонены

Отцы наше уздержаше
 Сшальны законб до истиинне
 Французича погордише
 Измышляюшб о пачине

Охб! Дисте сада свишле круне
 Отб Истока до Запада
 Бранише насб веле шуче
 Одб Француза шамна врага

Ма уфамо у велогб Бога
 Дасу пришле наше сузе (9)
 Предб присшолье Александра
 Великаго одб Руссiе

Вируйше ми Братьо мили!
 Нису пришли овдб залуду
 Плави (10) Царя Александра
 Негб да избави насб ушруду

Самодержецб Превелики
 Есшб Царь до истиинне
 Милосшивы и законишб
 Держичь законб Крисша Бога

(6) Храмы, (7) Монахини, (8) Монахи, (9) Слезы, (10) Ко-
 рабли.

Да видите Официре
Овогъ Царя Великога
Сва доброта укомье
Любовь правде и закону

Витезису Рабрениши (11)
Достоинису сваке фале
Наипричасни Офицеры
Пакъ оставе сви солдашы

Ради фышу Далмашине
Любе гарле и цѣлую
Сваку милость нима чине
И пуцаю пакъ умиру.

ПОСВЯЩЕНА ЛЮБЕЗНОМУ ОТЕЧЕСТВУ.

Наиляду и осемь стошина
Юшъ мой побро више шесть година
Закунала Церна кунавица
Уни врime како сиротица

Не она Церна куковица
Него сирота ядна Далмасія
Горко плаче отъ веле жалости
И узише къ небу отъ милости

Чекаячи (1) кое годъ помочи
Кога краля дачею помочи
Съ гледа орла отъ сулица Истока
Отъ дви главе отъ чешыре ока

(11) Воины храбрые. (1) Ожидая.

Кады онъ види ядну сиротицу
 Васъ пробледи у своему лицу
 Онъ жалости грозне сузе бори
 Сиротицы овако говори

Пробудисе Далмасія славна
 Коя носи на гласу одавна
 Изъ подъ швоей високи Планина (2)
 Казншю-ши не сричшны новина

Французи ши дужди оборише
 А ужалость шебе поставише
 Шуно годинъ еси подъ нимъ спала
 Добро и миръ сваки пошеряла

Одбасише но и перваго закона
 Не познайе ни Церкве ни Бога
 Свою Краля добрагъ погубише
 И срамошной смершью уморише

Осквернише Церкве и Олшари
 Ведушъ коне и све друге ствари
 Делаюче сваке опачине
 Како знаеше и сами побрашине.

Сїи справедливыя жалобы народа должен-
 ствовали бы укропишъ пришѣснителей: но
 они сдѣлали все, дабы приобрѣсть нена-
 висъ и презрѣніе его.

Далмація занимаетъ пространство на
 4,640 квадратныхъ миль съ 300,000 жише-
 лей. Отрасль Алпійскихъ горъ, извѣстныхъ

(2) Горы.

прежде подѣ названіемъ Юліанскихъ, наполняеѣ ее во всѣхъ направленіяхъ. Крупныя скалы, глубокія пропасти и быстрыя рѣки, пресѣкая всю длину ея, дѣлающеѣ сообщенія неудобными. Французы вдоль морскаго берега проложили военную дорогу, по коей не только экипажи, но и артиллерію теперь провозить можно. Хотя работа сія разорила и изнурила жителей: но это одно добро, которое они для нихъ сдѣлали. Далматинцы почишающеѣ лучшими маэпрозами въ Италіи, и столь же хорошими воинами, какъ и другіе Славяне. Съ давнихъ временъ они заслужили сію славу. Спрабонъ повѣствуетъ, что Славяне были очень храбры, употребляли оружіе сходное съ Гальскимъ, и сражались подобно дикимъ Гешамъ. Они жили звѣриною и рыбною ловлею; а какъ сего было не довольно для пропитанія, то корабли ихъ грабили прибрежныя страны на Адриатическомъ морѣ. Множество малыхъ острововъ способствовали симъ разбоямъ, къ которымъ они столько привыкли, что не хотѣли уже обрабатывать плодотворную свою землю. Лодки ихъ были очень легки, и назывались тогда Либурнскими. Съ того времени, какъ Римляне завоевали берега и принудили природныхъ жителей удалиться въ горы, Далматцы начали заниматься земледѣліемъ, особенно насажде-

ніємъ винограда. Изъ овса варили они крѣпкое пиво, *сабая* именуемое: отъ сего-то Императоръ Валенцій, родомъ Илиріецъ, въ насмѣшку назывался *Сабаярецъ*.

Прибрежные и внутренніе округа Далмаціи представляютъ самую рѣдкую противоположность. Въ приморскихъ городахъ видны гордые оспшки прежнихъ ихъ владѣтелей, Римлянъ; въ горахъ бѣдныя хижины Гайдуковъ и Морлаковъ. Тамъ показывающіяся великолѣпныя развалины палатъ Римскихъ Цезарей, оспшки Юпитерова храма, триумфальныя ворота, обширные театры и бани; здѣсь небольшія Христіанскія часовни, складенныя изъ необдѣланныхъ камней.

Изъ числа острововъ Далматскаго Архипелага особеннаго замѣчанія достойны:

Курцола, въ древности назывался *Корцирою*. Городъ, какъ думающъ, построенъ Діоклипіаномъ. Островъ покрытъ лѣсомъ, изъ коего жилили спроющъ для продажи небольшія суда, извѣстныя здѣсь подъ названіемъ Требакулъ и Таршанъ.

Лезино, древле назывался *Фарія*. На семъ островѣ родился Димитрій - Фалерскій. Городъ, находящійся на западной сторонѣ, защищается крѣпкимъ замкомъ и постро-

енѣ вокругѣ онаго по скапу горы амфитеатромѣ.

Браццо (Таурисѣ) гористѣ, и производитѣ лучшее вино въ Далмаціи.

Лисса, находящійся посреди Адриатическаго моря, имѣетѣ прекрасную и удобную гавань, называемую Санѣ-Жорѣо, гдѣ крейсера наши находили безопасное отѣ бурь убѣжище.

Лонго, самый большій изѣ острововѣ, изобилуетѣ хлѣбомѣ, котораго на другихѣ, по причинѣ каменистой почвы, и не сѣютѣ.

Санѣ-Пьетро ди Нембо, голый камень съ небольшою деревнею, замѣчателенѣ по положенію своему. Небольшая гавань укрѣплена башарями, которыя защищаютѣ проливѣ, ведущій къ Зарѣ.

Кѣ числу лучшихѣ и большихѣ городовѣ принадлежатѣ:

Зара съ 7000 жителей, построенѣ подобно Гибралтару на полуостровѣ, окруженномѣ укрѣпленіями, кои справедливо почитаются непреодолимыми.

Себенико съ крѣпостью, построенѣ въ новѣйшія времена амфитеатромѣ на пригоркахѣ у моря, и украшенѣ многими Италіанской архитектуры зданіями.

Къ карнавальнымъ странностямъ , кои
 здѣсь въ такомъ же употребленіи , какъ въ
 Италіи , принадлежишь ежегодное избраніе
 изъ черни *Короля Себеникскаго* , коего прав-
 леніе продолжается , начиная со дня Р. Х.
 14 дней. Въ продолженіе царствованія сего
 Короля , городъ отводитъ ему приличный
 дворецъ , поручаетъ храненіе городскихъ
 ключей и предоспавляетъ судить тяжбы ,
 случающіяся во время его правленія. Когда
 онъ появляется публично , то имѣетъ шер-
 новый вѣнецъ , пурпуровую мантію и бы-
 ваетъ окруженъ всегда большимъ числомъ
 чиновниковъ , кои также , какъ и онъ , изби-
 раются изъ черни. Губернапоръ , Епископъ
 и знатнѣйшіе люди приглашаютъ и угоща-
 ютъ его , какъ можно лучше , и каждый , съ
 нимъ встрѣчающійся , оказываетъ почтеніе ,
 должное Царю. По прошествіи 14 дней все
 кончилось , и Король Себиникской спано-
 вился тѣмъ же , чѣмъ былъ прежде. Фран-
 цузскому Генералу , бывшему Комендантомъ
 сего города , не понравилась комедія , и онъ
 ее запретилъ. Въ самомъ дѣлѣ , по тогдаш-
 нимъ обстоятельствомъ , сію карнаваль-
 ную забаву Французы могли счестъ за
 самую колкую эпиграмму на новаго своего
 Императора и его придворныхъ особъ.

Города *Трава* и *Наренто* съ крѣпостями, какъ почти всѣ другіе приморскіе города Далмаціи, населены потомками древнихъ Римскихъ колоній. *Макарска*, в недавнѣ построенный городъ, производитъ весьма значительную морскую торговлю.

Небольшая Республика *Полица*, съ 20,000 жителей и укрѣпленнымъ городомъ того же имени, подъ Венеціанскимъ правительствомъ пользовалась независимостію; когда же Далмація перешла во владѣніе Австріи, то состояла она подъ покровительствомъ Императора. Наполеонъ не уважилъ преимуществъ сего малаго вольнаго города, повелѣлъ поставить въ немъ свой гарнизонъ и выгнать Правителя Республики, который ежегодно избирался и носилъ титулъ *Великаго Князя*. Граждане сей Республики первые напали на Французовъ при возмущеніи 1807 года.

СКАРДОНСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Подлѣ города *Скардоны*, не въ дальнемъ разстояніи отъ Себенико находящагося, рѣка Керка образуетъ величественный водопадъ, съ коимъ можетъ спорить только Ниагарскій. Любители живописныхъ мѣстъ конечно не найдутъ на всемъ земномъ шарѣ лучшаго и болѣе украшеннаго всѣми прелестями дикой природы. Оба берега рѣки

спѣснены опѣсными скалами, коихъ голыя вершины, какъ бы руками человѣческими обдѣланы въ видѣ остроконечныхъ пирамидъ, круглыхъ и чешвероугольныхъ башенъ. Древнія вешлы и тополи, дремучій лѣсъ, множество ручейковъ, напаяющихъ по обѣ стороны горъ проспирающіяся долины, кой-гдѣ разсѣянныя хижины бѣдныхъ поселянъ, и смиренная обитель пустынника, стоящая на грозной высотѣ: все это вмѣстѣ изъ дали представляетъ удивительную панораму. Рѣка Керка (*) въ бездонной пропасти, образуемой огромными скалами, течетъ извиваясь, сначала тихо, величественно, и какъ бы съ презрѣніемъ обходитъ огромные на днѣ ея лежащіе камни, потомъ, обращаясь въ лѣво, течетъ быстрѣе, и ниспадая съ уступа на уступъ, въ видѣ кристальныхъ столбовъ, спремится и преодолеваетъ всѣ препястствія, вспрѣчающіяся на пути ея. Далѣе, снова успокоивается, обращается въ право: путь горы удаляются отъ береговъ, обвѣмлютъ большое пространство равнаго мѣста, и серебристыя волны ея текутъ между берегами, украшенными свѣжею зеленью. Нечувствительно и поспешенно расширяясь, при-

(*) Во время Римлянъ она раздѣляла Либурию отъ Далмаціи.

ближається она кь огромной скалѣ , похожей на копыто лошадиное. Скала сія, подавляемая тяжестію водѣ , виситѣ надѣ пропастью и преграждаетѣ теченіе рѣки во всю ея ширину. Рѣка , переходя чрезѣ вершину сей скалы , падаетѣ съ высоты около ста сажень , и представляетѣ удивленному взору огромный водопадѣ , подѣ бременемѣ коего дрожитѣ земля. Вода , разбиная вѣ брызги , подѣмлетѣ кь небесамѣ прозрачныя облака паровѣ , на коихѣ солнечные лучи блещутѣ разноцвѣтными огнями. Невозможно безѣ препета приблизиться кь сей пропасти , кь сему гробу , гдѣ рѣка съ шумомѣ и прескомѣ , кажется , на вѣки исчезаетѣ. Тутѣ она, покрывая кипящею пѣною, скрывается отѣ любопытныхѣ взоровѣ; далѣе, стѣсненная двумя скалами, являється снова вѣ узкомѣ и глубокомѣ каналѣ , устланномѣ отѣсно стоящими камнями. Тутѣ Керка, съ ревомѣ разбиваясь о камни , кипитѣ , волнуется и представляетѣ видѣ ужаснаго безпорядка. Пройдя безобразныя скалы , которыя преніемѣ воды полируются отѣ созданія міра, рѣка мало по малу успокоивается , и, пройдѣ мимо Скардоны, у Себенико впадаетѣ вѣ море:

Вообще Керка образуетѣ пять водопадѣ , изѣ коихѣ послѣдній, самой большой,

Скардонскимъ называемый, въ самомъ лучшемъ видѣ являеца лѣтомъ въ хорошую погоду въ томъ мѣспѣ, гдѣ рѣка съ вышины скалы низвергается въ пропасть, и печетъ далѣе между скалъ, поросшихъ лѣсомъ и покрытыхъ зеленью.

Весною и въ зимніе мѣсяцы, когда идуть здѣсь проливные дожди, особенно во время грозы, чудесное сіе явленіе принимаетъ видъ мрачный и неизобразимо величественный: тогда, какъ бы посредствомъ какого чарованія, лѣсъ, хижины, пустыня, скалы и всѣ предметы, находящіеся въ окрестностяхъ, вдругъ исчезають. Въ сіе время рѣка наводняетъ всю долину; черныя облака, спустившись къ вершинамъ скалъ, соединяются съ водными парами и представляють взору хаосъ, бывшій при сотвореніи міра, когда Богъ не опдѣлилъ еще свѣта отъ тьмы. Тогда-то шумъ и прескъ паденія водопада подобенъ бываетъ громовымъ ударамъ, или сильнымъ потрясеніямъ земли; тогда-то огромныя массы, опорванные отъ скалъ, испоргнушыя съ корнемъ деревья, ошашки разрушенныхъ хижинъ и пѣла живописныхъ свидѣтельствують ярость и жестокое поржесство Керки, которая въ хорошую погоду при ясномъ небѣ представляетъ одно изъ прелестнѣйшихъ явленій въ мірѣ. Жители меня увѣряли, что

при разлишій рѣки , пшцы и живошныя не смѣя къ ней приближитъся , съ робосшію лешащъ и бѣгутъ прочь до того , пока эхо , опъ паденія воды происходящее , нѣсколько смягчипся.

Спалатро , 27 *Іюля* 1807.

При первомъ взглядѣ на Спалатро уже чувспвуешъ какое-то къ нему уваженіе. Городъ обнесенъ каменными укрѣпленіями и расположенъ на берегу моря , который состоипъ изъ горъ , одна на другой взгромозденныхъ. Обширная и глубокая гавань , которая можетъ вмѣщать линейные корабли , образуется двумя высокими скалами , прикрывающими ее опъ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ ; опъ прочихъ же , кромѣ западнаго , который дуешъ прямо съ моря и разводитъ большое волненіе , заливъ совершенно безопасенъ.

Спалатро довольно многолюденъ , и какъ въ немъ имѣешъ свое пребываніе Намѣстникъ и Главнокомандующій Французской арміи , то одушевленъ дѣятельностію. Спроенія вообще довольно изрядны , а нѣкоторыя изъ лучшихъ хорошей Италіанской архишектуры ; улицы узки , неправильны и не очень опряпны , шолько около домовъ Маршала Мармонша и караульнаго

не много подмешено, а далѣе, повсюду кучи сору. Здѣсь, какъ и въ другихъ приморскихъ городахъ, есть театръ, трактиры, кофейные дома, магазины, и то, чего прежде недоспавало, Французы постарались дополнить; развращеніе уже ощушительно, и Нимфы веселія опправляютъ должность полицейскихъ шпіоновъ. Публичныя лошереи, каршежная игра и всѣ средства, поддерживающія полишическое могущество Наполеона, раззорили народъ, и многимъ стоили жизни: ибо Французы, дабы покорить умы ужасомъ, почти всякаго разспрѣливали, на кого былъ поданъ какой-либо незначущій доносъ. Царствующее уныніе, худо скрываемое неудовольствіе гражданъ, съ одной стороны; роскошь и щеславіе Французовъ съ другой, поразили меня своею пропивоположностію: Далматы похваляющія прежнимъ Венеціанскимъ правительствомъ, а Французы увѣряющія, что теперь имъ гораздо лучше. Послѣдніе поподобны тѣмъ людямъ, которые хотя знаютъ, что лгутъ, но ко лжи столько привыкли, что наконецъ опъ чиспаго сердца вѣряютъ, будто говорятъ истину.

Спалапро былъ нѣкогда весьма важнымъ торговымъ городомъ: въ немъ была главная складка товаровъ, которые Венеціане оп-

правляли сухимъ путемъ въ Турцію. Отсюда же Турецкіе товары, приходившіе караванами, на корабляхъ развозились по Европѣ и въ новѣйшія времена подѣ владычествомъ Австріи, Спалапро производилъ значительную торговлю съ Италіею, Западною Европою, Архипелажскими островами, Египтомъ и всѣмъ Левантомъ. Съ прибытіемъ Французовъ, корабли и благосостояніе трудолюбиваго народа исчезли такъ, что не осталось и тѣни промышленности. Преданные Наполеону до того ослаблены, что отъ чистаго сердца вѣряли, будто бы только симъ способомъ можно лишить Англичанъ преимущества на моряхъ; но я не будучи глубокимъ политикомъ, напропавъ увѣренъ, что только сильнымъ флотомъ и нѣсколькими побѣдами можно ослабить могущество сихъ горделивыхъ повелителей океана.

Дворецъ Римскаго Императора Діоклетиана, находящійся въ самой Спалапрѣ, судя по фасадамъ, еще не совершенно развалившимся, принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ остаткамъ древняго изящнаго зодчества. Я предложу вамъ описаніе, что чертотъ сей былъ прежде, и что теперь отъ него сохранилось.

Діоклітіанъ принадлежи́тъ къ числу тѣхъ Государей, коихъ необыкновенное щастіе изъ праха ничтожества возводи́тъ на блистательнѣйшую высоту. Онъ былъ сынъ невольника. Отважность и храбрость, соединенныя съ природными дарованіями и здравымъ смысломъ, доставили ему мало по малу владычество надъ Римскою имперіею. Какъ Цесарь, былъ онъ щастливъ въ войнѣ, хитръ въ политикѣ, благоразуменъ въ правленіи; какъ знапокъ, или по крайней мѣрѣ, любитель изящныхъ искусствъ, наполнилъ онъ Римскую Монархію памятниками своего имени и славы, коихъ гордыя развалины и по прѣшествіи пятнадцати вѣковъ возбуждаю́тъ еще удивленіе и благоговѣніе. Наконецъ сей великій человекъ, наскучивъ власпію, отказался отъ престола и удалился на родину: на берегу бурнаго моря, какъ эмблемы своей жизни, избралъ самое дикое мѣстоположеніе, построилъ дворецъ, и въ немъ, какъ частный отъ всѣхъ забытый человекъ, прожилъ спокойно до смерти своей девясть лѣтъ.

Дворецъ сей, длиною сто, шириною семьдесятъ при сажени, обращенъ главною фасадою къ морю. Сія фасада украшалась прекрасною колоннадою, состоявшею изъ 52 столбовъ, которые образую́тъ галерею въ двѣ съ половиною сажени шириною.

Комнаты, въ коихъ жилъ Императоръ, примыкали къ сей галлерей. На каждой фасадъ дворца главныя ворота украшены двумя осьмиугольными, а по угламъ чепвероугольными башнями; сіи послѣднія возвышались надъ крышею на три сажени; прочія не превосходили высоты стѣнъ, а нѣсколько выдавались впередъ.

Къ главнымъ воротамъ, извѣстнымъ подъ именемъ золопыхъ, примыкала широкая улица, оканчивающаяся большимъ портикомъ такъ, что при выходѣ изъ воротъ представлялись два огромныя и совершенно одинаковыя зданія. На правой сторонѣ жили женщины, а на лѣвой именитые чиновники, находившіеся въ службѣ Императора.

Прошедъ сіи строенія и портикъ, вступили мы въ прекрасную колоннаду, оканчивающуюся крыльцомъ. Между колоннами съ одной стороны видѣнъ храмъ Эскулапа, съ другой Юпитера.

Сѣни, ведущія въ комнаты Императора, составляли прекрасное круглое зданіе, освѣщенное сверху чрезъ куполъ, поддерживаемый чепырью колоннами, близъ коихъ въ нишахъ стояли статуи. Первая комната длиною одиннадцать съ половиною, и девять саженъ въ ширину, украшалась на

каждой сторонѣ шестью огромными колоннами, поддерживающими сводъ сей комнапы. Изъ сей великолѣпныя двери ведушъ въ большую галлерею, гдѣ находились двѣ параллельныя комнапы, изъ коихъ одна была назначена для музыки, а другая для театральныхъ представлений. Онѣ имѣли въ длину 12, а въ ширину 8 сажень, и пополюки ихъ были подпершы 18 колоннами, опстоящими отъ стѣнъ на полпоры сажени. Въ семъ промежуткѣ спавились амфитеатромъ скамейки для зрителей; середина же оставалась всегда незанятою.

Подъ сими комнапами находились бани. Въ нихъ сходили по лѣстницамъ, сдѣланнымъ въ чешырехъ углахъ. Бани раздѣлялись на два этажа, внизу были теплыя, а вверху паровыя и холодныя.

Изъ галлерей, преме арками, споящими на двухъ колоннахъ, входили въ спальню Императора, соспоявшую изъ трехъ полукруглыхъ часшей. По великолѣпію и изящному вкусу сихъ комнапъ можно судить о расположеніи и порядкѣ нѣкогда бывшихъ въ сихъ чертогахъ. Къ сожалѣнію, большая часть внутренняго строенія уже не существуетъ; а къ наружнымъ стѣнамъ пристроены бѣдныя, неопрятныя лавки, сараи и прапширы, такъ что съ трудомъ къ

нему дойти можно. Башни почти всѣ разрушены. Укрѣпленія Спалатры часпію построены изъ оспашковъ сего превосходнаго произведенія архитекшурнаго искусства.

Отъ всего зданія уцѣлѣли злѣпныя врапа, 42 столба изъ колоннады, карнизъ, при главныхъ входахъ, сѣмь свѣ куполомъ, боковыя комнаты, четыре самыя высокія гранишныя колонны, поддерживающія фасадъ периспиля, два колоссальной величины Сфинкса, споящія на тумбахъ между сихъ колоннъ, наконецъ храмы Юпитера и Эскулапа.

Храмъ Юпитера, обращенный теперь въ соборную церковь, безспорно можетъ назваться образцемъ благородной и величественной простоты. Внутренность онаго представляетъ прекрасную ротонду, имѣющую шесть сажень въ діаметрѣ. Высота его до купола шесть свѣ половиною сажень. Восемь колоннъ Коринтскаго ордена, каждая въ три свѣ половиною сажени, поддерживаютъ карнизъ, опдѣланный богатою скульпшурою. Кирпичный сводъ очень хорошо сохранился. Восемь нишъ, изъ которыхъ четыре четвероугольныя, и четыре полукруглыя, сдѣланы въ стѣнѣ вокругъ ротонды. Отъ наружной галереи и колоннады осталось нѣсколько большихъ облом-

новъ и часть потолка. По обычаю древнихъ, храмъ сей освѣщался чрезъ куполъ; но съ тѣхъ поръ, какъ обрапили его въ церковь, пробили окна.

Храмъ Эскулапа обращенъ въ часовню, и въ крайнему неудовольствію любителей древностей, загроможденъ вокругъ мѣлочными лавками. Внутри длина его при съ половиною сажени, а въ ширину двѣ съ половиною. Внутренній карнизъ и сводъ украшенъ прекрасною лѣпною работою, а снаружи чепыре пилястра поддерживаютъ фризъ, вокругъ всего зданія идущій. Главный фасадъ украшенъ чепырью колоннами, вышиною въ три сажени, считая основаніе и капишели. Высота главной двери, украшенной богатымъ анпамблементомъ, семь аршинъ.

Развалины *Солонь*, нѣкогда цвѣтущаго города, находящаяся въ семи верстахъ отъ Спалагры. Множество разбитыхъ столбовъ, капишелей, карнизовъ, надгробныхъ камней, занимающихъ пространство до чепырехъ верстъ, лежатъ въ прахъ и заросли травою; только развалины большого водопровода не совсѣмъ исчезли. Вотъ все, что осталось отъ сего великолѣпнаго города, украшеннаго щедростію Діоклиціана. Смотри на сіи развалины, живо представ-

ляешь ничтожность человеческого величія и неминуемый конецъ горделивыхъ предприятий.

Венеція, 13 Сентября 1807.

Въ первыхъ числахъ Августа, Капшарская область, въ слѣдствіе Тильзитскаго мира, сдана Французамъ. Опустимъ завѣсу на печальныя явленія, бывшія при разлукѣ съ народомъ храбрымъ и чрезмѣру Россіи преданнымъ; но послѣ сей прискорбной необходимости, досповѣрность, что мы скоро должны возвратиться въ отечество, исполнила сердца наши радостію.

14 Августа войска, посаженные на корабли и транспорты, отправились въ Венецію. За противными вѣтрами и по недостатку воды, эскадра 23 погоже мѣсяца остановилась у Пирано, откуда перешла въ Триестъ, наконецъ возвратившись снова въ Пирано, 9 Сентября прибыла къ Венеціи. Корабли по мѣлководію остановились предъ входомъ въ 17 версахъ, а неблагонадежные транспорты съ фрегатомъ Авпроилемъ бросили якорь у острова Маламоки. Въ томъ же день пѣхотныя войска перевезены на гребныхъ судахъ на матерый берегъ и пошли въ Падуа, куда и вся дивизія въ послѣдствіи собралась. Я забылъ сказать, что

нѣсколько мѣсяцовъ команду транспортнымъ судномъ Минервою , изъ числа призовъ, взятыхъ у непріятеля.

Послѣ скучнаго семимѣсячнаго пребыванія у острова Браццо, предметъ новый, доспойный удивленія , кокова Венеція , возбудиъ мое любопытство , и я съ удовольствіемъ и охотою снова буду бесѣдовать съ вами, любезные друзья. По истинѣ къ украшенію моего путешествія недоставало осмошрѣтъ сей древней повелишельницы морей,

Спаринный мой пріятель Родостомо , о копоромъ давно не имѣлъ никакого извѣстія , первый отыскалъ меня ; съ нимъ я поѣхалъ въ Венецію. Отъ Маламоки до города около 10 верстъ. Излучистый и весьма опасный фарватеръ (*) идетъ между островами и мѣлей. Вѣтръ былъ благополучный, свѣжій , печеніе прошивное (**). На половинѣ пуши небо помрачилось ; пошелъ проливной дождь съ градомъ , и вдругъ при

(*) Фарватеромъ называется излучистое глубокое мѣсто , стѣсненное съ обѣихъ сторонъ мѣлями.

(**) Въ Средиземномъ морѣ только въ одной Венеціи есть правильные приливы и отливы , независящіе отъ вѣтровъ.

ужасномъ громѣ и молніи, перемѣнившимся проливнымъ вѣтромъ, яликъ бросило на опмѣль. Мапрозы, соскочивши въ воду, спехнули яликъ на глубину, откуда спустившись по теченію, мы принуждены были привязаться къ одной изъ свай, которыми обѣ стороны мѣлей означаются. Подверженные бурѣ и дождю, съ неперпѣніемъ ожидали мы перемѣны; наконецъ чрезъ полтора часа все утихло, выяснилось, и мы поплыли впередъ. Близъ Венеціи попалась гондола; мы въ нее пересѣли, а ялику приказали иппи излучинами къ главной пристани.

Гондола остановилаь между двухъ колоннъ, мы вышли на берегъ на площади Св. Марка. Удивленіе сокрапило мои шаги: но не имѣя на себѣ сухой нитки, я почувствовалъ, что покажусь спраннымъ, если посреди щеголеватой толпы осмѣлюсь восхищаться величественными и новыми для меня предметами. И такъ мы вошли въ ближайшій пакширъ подъ названіемъ Англійской Королевы, взяли особую комнапу и осушились у камина. Родоспомо снабдилъ меня другимъ плапьемъ и бѣльемъ, и когда смерклось, пошли на площадь Св. Марка, великолѣпнѣйшую въ Италіи.

Взглянувъ на Венецію мимоходомъ, или только побывавши на площади Св. Марка,

можно повѣрить, что волшебные замки действительно существовали. Самое живое, плодотворное воображение не можетъ представить ничего подобного: ибо Венеція во всѣхъ отношеніяхъ единственный городъ. Его началу, могуществу и его паденію не было равнаго во вселенной: тутъ представляется глазамъ панорама великолѣпныхъ зданій, которыя и видя, подумать можно, что предъ нами поставлена картина съ намѣреніемъ обмануть только взоръ. Великолѣпный сей городъ сооруженъ на зыбкихъ волнахъ океана, расположенъ на 72 островахъ, раздѣленъ чепырю сѣми каналами, украшенъ всѣми чудесами искусства, ваянія, скульптуры и зодчества; гдѣ вся жизнь посреди торжествъ и игръ протекаетъ въ безконечныхъ удовольствіяхъ, гдѣ любовь не скрывается подъ завѣсою тайны, и гдѣ вѣчное непрерывное разсѣянiе служитъ для всѣхъ и каждаго единственнымъ закономъ, и гдѣ наконецъ, хитрая, злобная полиція властолюбивыхъ Аристократовъ повелѣла обратишь ночь въ день, дабы подъ мрачнымъ покровомъ первой и при свѣтѣ факеловъ удобнѣе было оковать свободу и вольность послѣднею степенью развращенія народныхъ нравовъ. Можно ли вѣрить всему тому, что объ ней сказано многими писателями, и не усумниться? И можно ли

осмѣлился мнѣ, военному путешественнику, что нибудь прибавить къ ихъ описаніямъ? И то и другое будетъ излишне и не ново: но я рѣшаюсь безъ малѣйшаго тщеславія рассказать вкратцѣ о томъ, что не совсѣмъ излишне и не совсѣмъ старо.

Площадь Св. Марка окружена огромными зданіями, поставленными на легкихъ и безпрерывныхъ аркадахъ. Подъ сими-то аркадами, закрытыми отъ солнца синими завѣсами, занимающими нижній этажъ, находясь кофейные дома, въ коихъ начинаются, продолжаются и кончаются всѣ дѣла знакомства, дружбы и любви. Они великолѣпно и со вкусомъ меблированы и освѣщены множествомъ лампъ, дробящихъ огни чрезъ разноцвѣтные кристаллы. Площадь всякой день иллюменуется, какъ въ торжественный день, и всегда наполнена бываетъ группами мужчинъ и женщинъ, замаскированныхъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, или только прикрытыхъ черною доминою; все это вмѣстѣ представляетъ нѣчто необыкновенное, оригинальное. Здѣсь-то удовольствію не полагается предѣловъ и позволено быть порочнымъ, на чѣмъ республиканское правительство основывало свою власть. Сюда-то стекаются блистать прелестями, умомъ и богатствомъ; тутъ непрерывное

сборище представляєть во всякое время толпу безчисленную, колеблющуюся как волны моря и всегда разнообразную и переменную.

Всемирная торговля, неизчислимыя сокровища, неописанная роскошь содѣлали Венеціанѣ истинными Сибаритами. Правительство, забавляя народъ, не думало о его просвѣщеніи; но какъ удовольствія всегда пріятны, особенно въ спранѣ, гдѣ воображеніе пишається климатомъ и изящными искусствами, гдѣ самое положеніе города дѣлало труды земледѣлія невозможными; по здѣсь, даже посреди низкаго класса общества, примѣшенъ какой-то просвѣщенный навыкъ. Впрочемъ народъ не забавляли грубымъ образомъ, но музыкою, импровизаторами, фейерверками, праздниками: словомъ, правительство пеклось о подданныхъ, какъ Султанъ о своемъ сералѣ, и подобно ему оно требовало отъ нихъ, какъ отъ женщинъ, чптобы они не мѣшались въ политику и не судили о дѣлахъ правительства. Въ награду за сію жертву Дожи и предводители флотовъ, ничего себѣ не присвоивая, приписывали народу славу побѣдъ. Трофеи, взятыя въ Константинополь и на Востокъ, Коринфскіе кони и крылатый левъ Св. Марка возбуждали восторгъ народа, и даже нынѣ, когда почти всѣ памятники похи-

щены побѣдителями , кажущся ему эмблемою собственнѣйшей его славы.

Въ Венеціи должно искать образцовъ совершенно свободнаго и пріятнаго обращенія. Вѣжливостъ доходилъ даже до излишества. Прошедши раза при подѣ великолѣпнымъ поршикомъ, я не встрѣтилъ ни одного угрюмаго лица , ни одной фізіогноміи , которая бы не украшена была улыбкою самодовольствія. Всѣ называли другъ друга по короткости пріятными для уха , уменьшительными именами. Дамы, иныя занимались работою, другія безъ малѣйшей застѣнчивости начинали разговоръ съ иностранцемъ; словомъ, мнѣ казалось, будто всѣ окружающіе меня были изъ одного дома ; и каждая кофейная лавка была гостиною, въ которой добрые пріятели и пріятельницы собрались для свиданія и препровожденія времени.

Наступилъ часъ театра , но какъ нынче представленія не было , то мы пошли смотрѣть фантасмагорію и фізическіе опыты. Зрительей было мало, опыты мнѣ не показались, почему пошли бродить по улицамъ.

Въ полночь пришли въ такъ называемый Ridotto (домъ отдохновенія). Домъ сей платилъ два милліона франковъ за позволеніе брать по нѣскольку червонцевъ изъ кармановъ каждого неопытнаго игрока. Въ ше-

сти огромныхъ и великолѣпно убранныхъ залахъ было такъ тѣсно, что едва можно было проходитьъ. Въ одной играла превосходная музыка, и дамы въ маскахъ и безъ маскъ танцовали. Въ прочихъ залахъ занимались разными играми, а въ одной, на предлинномъ столѣ разсыпаны были червонцы, и около стояло болѣе зрителей, нежели игроковъ. Здѣсь всѣ состоянія смѣшиваются; мнѣ показывали знаменѣйшихъ Венеціанскихъ дворянъ и между дамами тѣхъ красавицъ, которыя въ подобныхъ собраніяхъ находятъ то, что имъ нужно. Почетнѣйшая дама не гнушалась сидѣть подлѣ служанки; вельможа не стыдился быть въ обществѣ съ своимъ камердинеромъ. Маска, какъ принадлежность свободы, равняла всѣ состоянія; и не смотря на сіе, ни шуму, ни безчинства не было, и все шло съ возможною благоприспособленностію, какъ будто публика состояла изъ самыхъ благовоспитанныхъ людей. Такая непринужденность мнѣ крайне понравилась; я до прехъ часовъ ходилъ, стоялъ, сидѣлъ и любовался милою привѣпливостію женщинъ; наконецъ довольный собою, пошелъ домой и легъ спать. Простите до другаго дня.

Венеціанки очень милы и любезны безъ жеманства. По принятому обычаю жишь

всегда в обществѣ, принимавъ и дѣлавъ визиты в кофейныхъ домахъ, онѣ привыкли къ ласкательствамъ, и зная настоящую онымъ цѣну, приобрѣли какую-то очаровательную свободу в обращеніи. Провождавъ большую часть времени в обществѣ, среди чужихъ людей, онѣ безъ малѣйшей застѣнчивости откровенно и по своему вкусу дѣлающъ знакомства; и здѣсь, гдѣ все было таинственно, правленіе, обычаи и нравы, одна любовь не имѣетъ на себѣ покрову.

Венеція, Сентября 14.

Проснувшись в 9 часовъ, я думалъ, что уже не успѣю осмотрѣть до обѣда Венецію: что я говорю?— развѣ какуюнибудь часть. Взглянулъ в окно и на улицѣ было тихо, какъ у насъ в глухую полночь. Я опять легъ, но не могши заснуть, звонилъ, кликалъ слугу, сошелъ внизъ, и увѣрился, что в домѣ даже работники еще спали. Наконецъ в 10 часовъ пришелъ слуга и взглянулъ на меня такъ, какъ бы хотѣлъ сказать, что я не умѣю жить: ибо всталъ совершенно не по Венеціански.

Венеціане ужинаютъ в четыре или пять часовъ утра, ложатся спать на разсвѣтѣ, встающъ в полдень; в упреннемъ нарядѣ приходятъ в кофейни завтракать

и до трехъ или чешырехъ часовъ гуляють и занимаються дѣлами. Попомъ возвращаються домой, въ пятомъ и шестомъ часу обѣдають въ пракпирахъ, ложатся спать, и до 8 часовъ городъ пустѣетъ. Въ девятомъ уже въ уборномъ нарядѣ собираются на площадь Св. Марка. Въ домахъ рѣдко даются балы и обѣды, исключая весьма немногихъ богачей, которые имѣють связи съ иностранцами. Въ половинѣ десятого часа ѣдутъ въ театръ, гдѣ посѣщаютъ знакомыхъ, въ полночь идутъ въ Ридоппо. Такова жизнь въ Венеціи, не знаю, нравились ли вамъ, а для меня кажется самою пріятною и удобною для сохраненія здоровья въ продолженіе жаровъ. Въ зимнее время нѣсколько опскупають отъ сихъ правилъ. Близъ города нѣтъ ни садовъ, ни полей; нѣкуда иппи пользоваться воздухомъ, и только дворяне, имѣющіе дачи на маперомъ берегу, удаляються туда на лѣто, и уже тамъ живутъ по деревенски. При началѣ осени всѣ переѣзжаютъ въ городъ.

Въ одинадцать часовъ я пришелъ на площадь. Въ кофейномъ домѣ Флоріана нашелъ Родостомо, который по просьбѣ моей согласился показать мнѣ Арсеналъ. На дорогѣ встрѣтилъ насъ посланный отъ Г. Б., приглашавшій меня на обѣдъ къ здѣшнему мор-

скому начальнику Г. Паулучи: но я не желая перяшь золошаго времени, опказался, зашелъ въ книжную лавку и взялъ книгу подъ заглавіемъ: описаніе Венеціи для иностранцевъ. По ней осматривалъ я городъ и теперь изъ нее выберу нужныя свѣдѣнія, присовокупя мои замѣчанія о шеперешнемъ состояніи Арсенала.

Славный Венеціанскій Арсеналъ, откуда выходили не имѣвшіе соперниковъ флоты, копорые были ужасомъ Сарацынъ и завистию Генуезцевъ, уже не существуетъ; но слѣды минувшаго величія дѣлають его и понынѣ предметомъ наиболѣе достойнымъ любопытства, и даже въ нынѣшнемъ упадкѣ онъ можетъ почестся наилучшимъ украшеніемъ Венеціи.

Арсеналъ занимаетъ нѣсколько острововъ, обнесенъ высокими надежными стѣнами съ зубцами и разнаго рода башнями; окружность его можетъ простираеться до трехъ миль. Изъ спорожевой башни, находящейся посреди Арсенала, часовой можетъ видѣть все, что дѣлается внутри и снаружи.

Иностранцы, исключая Принцевъ крови, не имѣли права входить въ Арсеналъ со шпагою; благодаря Г. Французамъ, я хоща не изъ числа Князей, но былъ въ немъ съ

своимъ кортикомъ. Огромныя вороша, ведущія въ Арсеналъ, построены, какъ сказано въ надписи, въ 1475 году Архитекторомъ Кампане, украшены прекраснѣйшими мраморными львами, нѣкогда сперегшими Аѳинскій Пирей; фасадъ оныхъ слишкомъ затемненъ колоннами, спашуями и армашурою. Чрезъ мраморный мостъ входятъ въ обширныя сѣни, гдѣ стоить главная спража. Внутренняя сторона Арсенала также украшена колоннами и лѣпною работою.

Начало заведенія Арсенала Санзовино справедливо приписываетъ первымъ вѣкамъ существованія Республики: ибо древніе обитатели сихъ острововъ не только имѣли нужду въ лодкахъ для сообщенія съ матерымъ берегомъ; но должны были строити и большія вооруженныя суда для защищенія себя отъ непріятеля. Въ 1220 году при Дожѣ Маркѣ Николѣ, Арсеналъ находившійся прежде въ другомъ мѣстѣ, славился уже своею обширностію; а въ 1312 году Дожемъ Жіовани Соранзо нарочито былъ украшенъ и распространенъ.

Арсеналъ раздѣляется на двѣ части: въ первой, прилегающей къ морю, строятся и стоятъ корабли. Сія верфь и гавань защищается двумя четвероугольными башнями, соединенными подземнымъ мостомъ. Вокругъ

бассейна построены магазины, въ нихъ хранящяся всѣ принадлежности, къ вооруженію корабля нужныя. Второе отдѣленіе называется Кампо д'Арсенале; оно лежитъ къ югу отъ первого и чрезъ него входящъ въ Арсеналъ съ сухаго пуши.

Первое зданіе, находящееся при входѣ въ Кампо д'Арсенале, есть канатный заводъ; далѣе пушечный дворъ (*), обнесенный рѣшеткою; тутъ лежатъ пушки, а въ пирамидахъ ядра и бомбы. Число ихъ и сопой доли не составитъ того, что у насъ можно видѣть въ Кронштадтѣ. За рѣшеткою въ открытой залѣ работаютъ пушечные сланки: отдѣлка довольно чиста, не знаю, какова будетъ оковка. Поворотъ въ лѣвую руку, начинаются присудственные мѣста; за ними идетъ непрерывный рядъ магазиновъ, экипажескихъ и провіантскихъ; кузницы, липейная пушекъ, оружейный заводъ съ Арсеналомъ; парусная и проч. Здѣсь-то шестнадцать тысячъ мастеровыхъ, тысячи женщинъ, шившихъ паруса, и тридцать шесть тысячъ мапрозовъ готовили

(*) Надъ липеймъ пушекъ начальствуетъ *Албергетти*. Его фамиліи издавна предоставлено исключительное право снабжать флотъ и армію артиллеріею.

нѣкогда перуны для пораженія враговъ Республики. Теперь въ магазинахъ нѣтъ никакихъ запасовъ и двѣ тысячи рабочихъ, разсѣянныхъ на столь великомъ пространствѣ, представляють Арсеналъ совершенно пустымъ, оставленнымъ только для прискорбныхъ воспоминаній.

Оружейной Арсеналъ, также сапели (*) и модель Камера наибольшее заслуживають вниманіе. По мраморной лѣстницѣ привели насъ въ такъ называемую *старую залу*, гдѣ хранилось оружіе для 30,000 человекъ. Зала сія украшена доспѣхами знаменѣйшихъ Адмираловъ и Генераловъ Республики. Надъ дверями поставленъ бюстъ Графа Кенигсмарка. Въ нижнемъ этажѣ отдѣлываютъ стволы, замки и прочія вещи къ ружьямъ. Верхній этажъ составляетъ одну обширную залу, какихъ доселѣ я нигдѣ не видалъ. Она поддерживается посреди поставленными колоннами, со вкусомъ украшенными доспѣхами побѣжденныхъ предводителей. Въ красивыхъ шкафахъ за стеклами, поставленныхъ вдоль поперечныхъ стѣнъ, хранятся драгоцѣнныя оружія. Изъ нихъ Гг. Французы вынули все то, что стоить

(*) Наклонной къ водѣ помостъ, на которомъ строятся корабли.

большихъ денегъ , оставя только одно желѣзо. Порядокъ , въ какомъ подлѣ длинныхъ стѣнъ залы поставлено было 30,000 ружей, (*) по удобству и вмѣстительности достоинствъ замѣчанія. Карнизъ залы состоитъ изъ сабель, пикъ , панцырей и пр. Изъ древнихъ оружій примѣчательны: первая въ Венеціи вылитая пушка , окруженнаядесятью ружейными стволами, копорые однимъ замкомъ вдругъ стрѣляютъ; сосудъ, для ста фишелей, зажигаемыхъ въ одно мгновеніе; латы Генриха IV и наконецъ конное изображеніе Кенигсмарка и бюстъ Наполеона. За мостомъ находится другое зданіе, называемое *Новая зала*, копорой я не видалъ.

Въ морскомъ Арсеналѣ , копорый еще не отдѣланъ , хранятся модели кораблей и всѣхъ крѣпостей, взятыхъ Венеціанами. Въ особой залѣ производится на полу разбивка судовыхъ чертежей; шутъ же преподаются уроки кораблестроенія. Въ сараяхъ, гдѣ приготавливаются корабельные члены, я замѣтилъ, что оныя по недостатку толстыхъ и длинныхъ деревъ, вырубаются изъ двухъ шпукъ, что очень экономно и не вредитъ прочности корабля.

(*) Въ обоихъ Арсеналахъ осталось не болѣе 6,000 ружей, прочія взяли Французы.

Стапели покрыты кровлями, которыя весьма полезны для сохраненія строящихся кораблей и удобны для рабочихъ, ими защищаемыхъ отъ солнца и непогодъ. Не могу понять и представить себѣ причину, почему въ нашемъ суровомъ климатѣ и до сего времени корабли строятся подъ открытымъ небомъ; отъ чего не рѣдко при самомъ спускѣ оказываются важныя въ новомъ кораблѣ гнилости.

На стапеляхъ строятся теперь пять 74 пушечныхъ кораблей, два фрегата, два брига, нѣсколько шкуновъ и мѣлкихъ судовъ. Корабли набраны, но за неимѣніемъ лѣса остаются не додѣланными; фрегаты скоро спускаются: около ихъ прилѣжно работаютъ. Корабли выводятся на камеляхъ до острова Маламокки; тамъ ихъ вооружаютъ, ставятъ артиллерию и погрузивъ до 15 футовъ, переводятъ за опмѣль и уже въ морѣ кладутъ остальныя якоря, погружая корабль линейный не болѣе 20 футовъ. Фрегаты ихъ о 36 пушкахъ, прекрасные бриги о 20, шкуны о 14, къ числу коихъ двѣ пушки поставлены на носу и кормѣ. Шкуны велики, и судя по наружности, должны быть очень тяжелы на ходу. Я говорилъ съ нѣкоторыми морскими Офицерами; они имѣютъ довольно теоретическія познанія: но дур-

ное содержаніе, худое вниманіе къ ихъ службѣ, упражненіе мапрозовъ болѣе фрунтовою, чѣмъ морскою службою, особенно избраніе начальниковъ, безъ малѣйшихъ познаній и опытности, изъ армейскихъ полковъ, не обѣщають великихъ успѣховъ (*).

На возвращеніи пупи я вспомнилъ, и спросилъ: гдѣ же *Бугенторъ*? Его уже нѣтъ, Французы на днищѣ стараго фрегата поставивъ пушки, назвали его своимъ Бученторомъ. И такъ торжественное обрученіе Дожа съ его супругою, Адриатическимъ моремъ, уничтожено, но еще не забыто. Быть можетъ, вамъ не случилось читать описанія сего романическаго празднества, для котораго собирались зрители со всего свѣта; послушайте, что говоритъ о немъ Санзовино.

Названіе Бучентора происходитъ отъ слова *duoscentorum*, то есть двухъ-сотное: ибо великое число людей на немъ помѣститься могло. Галера сія имѣла 14 сажень

(*) За сей нововведенный порядокъ Наполеонъ заплашилъ потерю всѣхъ кораблей, которые онъ осмѣлился выслать въ море. Венеціанская эскадра была взята Англичанами при островѣ Лиссѣ въ 1810 году почти безъ сопротивленія и со стыдомъ.

длины и 3 ширины: вся наружность ея была вызолочена и украшена рѣзьбою, статуями и пр. Въ нижнемъ ярусѣ сидѣли 52 гребца, а верхняя палуба закрывалась бархатнымъ покровомъ; подъ нимъ въ кормѣ стоялъ тронъ для Дожа; по бортамъ во всю длину, въ чешыре ряда кресла для Посланниковъ и спа Сенапоровъ. Въ день Вознесенія Дождь, сопровождаемый Папскимъ Нунціемъ, отправлялся съ площади св. Марка къ проливу Лидо. Три великолѣпныя галеры, называемыя *Пеатонь*, и шакое множество гондолъ, что оными море совершенно покрывалось, слѣдовали въ порядкѣ за галерою правителя Республики. Тутъ Папріархъ, слѣдующій за Бученшоромъ на одномъ изъ Пеатонъ, благословлялъ море, сводилъ Дожа съ трона, и принявъ отъ церемониймейстера золотое кольцо, подавалъ Дожу, а сей бросалъ оное въ море, говоря: обручаюся тебѣ морю, въ память побѣды. Венеціане, защищая Папу Александра III, одержали упоминаемую при обрученіи побѣду надъ Императоромъ Фридрихомъ Рыжебородымъ. По окончаніи сего страннаго церемоніала, и опслушавъ обѣдню въ церкви Св. Николая на Лидѣ, Дождь возвращался на площадь Св. Марка при восклицаніяхъ народа и при залпахъ артиллеріи со всѣхъ крѣпостей и судовъ, стоявшихъ на якорѣ

и ему сопутствовавшихъ. Послѣ сего на площади противу Дожева дворца продолжались 15 дней великолѣпные маскарады и другія зрѣлища для народнаго увеселенія.

Венеція.

Пріятель мой на возвратномъ пути изъ Арсенала вызвался показатъ мнѣ большой каналъ. Мы сѣли въ гондолу. Въ похвалу гондолъ Венеціанецъ можетъ сказать болѣе, нежели Нѣмецъ своему картофелю. Длина ея при сажени, ширина едва ли и два аршина; на срединѣ поставленъ кузовъ или зонтикъ, внутри и снаружи обитый чернымъ сукномъ съ кистями; фонари и окна сдѣланы какъ у кареты; отъ солнца защищающъ шторы. Гондолы столь легки, что одинъ человекъ на кормѣ однимъ весломъ ею управляетъ; гондола лепитъ, и кажется, едва касаясь воды. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть покойнѣе и удобнѣе такого рода шлюпки. Облокотившись или лежа на мягкихъ подушкахъ, вы скоро и безъ малѣйшаго безпокойства переѣзжаете изъ конца въ конецъ обширнаго города. Повѣрьте, любезные друзья, спокойное качаніе гондолъ способствуетъ мечпаніямъ и лѣнности, приводитъ кровь въ движеніе, и сообщаетъ какое-то особенное чувство, съ которымъ сладко засыпаетъ. Скромныя

женщины, какъ я замѣтилъ, входя въ гондолу, всегда спѣшатъ поднять споры.

Мы проѣхали подлѣ 74 пушечнаго корабля, совсѣмъ вооруженнаго. Онъ споитъ на тлѣнѣ-мѣстѣ: но если случится вывести его далѣе, тогда должно снять съ него всѣ тяжести. Миновавъ нѣсколько узкихъ, уединенныхъ каналовъ, вошли въ большой, и предъ нами открылось зрѣлище столь необыкновенное, столь же и величественное, какого нигдѣ нельзя видѣть. Пронзительные, вмѣстѣ нѣжные и печальные клики гондольеровъ, извѣщающихъ другъ друга, дабы при обходѣ угловъ не столкнуться, возбуждаютъ вниманіе. Плывая посреди огромныхъ, великолѣпныхъ, готическихъ палацъ, коихъ мраморные портики, колоннады всѣхъ орденовъ, прекрасные и легкіе балконы, высокія и неправильныя окна и вся сія смѣсь Арабской и Греческой Архитектуры подастъ поводъ думать, будто находишься въ древней Пальмирѣ. Домъ Гримани, въ коемъ почтовый дворъ и многіе другіе, оплечается величиною и вкусомъ. Можно ли повѣрить, чѣмъ сіи тяжелыя зданія спояли на рыхломъ грунтѣ, вязкомъ болотѣ и даже на водѣ? Но черныя фасады и странные украшенія, принадлежащія среднимъ вѣкамъ, свидѣтельствуютъ о древности и прочности ихъ.

Вотъ предметъ , заслуживающій справедливое удивленіе: *мостъ Ріалто* виситъ надъ головою моею. Мраморная арка длиною 27, шириною 6 и вышиною въ 3 сажени можетъ служить и нынѣ образцемъ изящной Архитектуры; но къ сожалѣнію, описаніе сего моста, и какимъ онъ изображается на эстампахъ, не соотвѣтствуютъ настоящему его виду. 24 бѣдныхъ лавочки, находящіяся по обѣ стороны моста, обращенныя къ каналу, помрачаютъ всю его красоту. Мостъ по ширинѣ раздѣляется на три части, средняя отдѣляется отъ лавочекъ мраморнымъ балюстрадомъ. По угламъ моста поставлены четыре скульптурной работы фигуры въ рельефы: съ одной стороны Архангела Гавріила и Богородицы, съ другой Евангелиста Марка и мученика Теодора, покровителей города. Посреди моста спашуя Дожа Паскаля Чикони, въ правленіе котораго началъ мостъ въ 1588 году и окончанъ въ 1591.

Въ 1264 году на большемъ каналѣ построень былъ деревянный мостъ, называемый *Ponte della Moneta*, пошому что съ проходящихъ собирали деньги; въ половинѣ XVI вѣка, суммы уже было достаточно для построения мраморнаго; для сего представлены были многія модели (между коими

одна славнаго Палладія); Санзовинову предпочли прочимъ; но возспавшая въ 1570 году война съ Турками оспановила предпріятіе. По окончаніи войны положили сооружить мостъ по модели Антоніо, прозваннаго *del Ponte*, который по многимъ запрудненіямъ поспроилъ Ріалто къ удивленію всего свѣта. Сказываютъ, что сему Архитектору выкололи глаза, опасаясь, дабы онъ не здѣлалъ чего лучшаго у другихъ народовъ; по моему, справедливѣе было бы выколотъ глаза всѣмъ тѣмъ, которые почидаютъ его чудомъ искусства. Конечно для тогдашняго времени мостъ могъ быть прекрасенъ; нынѣ же благодаря просвѣщенію, наши чугунные мосты въ С. Петербургѣ покойнѣе и удобнѣе Ріалто, по которому надобно подыматься и сходить по ступенямъ.

Проѣхавъ подъ мостомъ, по обѣ стороны канала представляются дома съ великолѣпными покойными лѣспницами, между которыми есть углубленія для помѣщенія гондолъ, и столбы, за которые ихъ привязываютъ. Вышедъ къ морю, попадаются неширокія набережныя, которыя нельзя сравнить съ нашею Англійскою или дворцовою. Привычка хвалить чужое столь у насъ велика, что мнѣ бытъ можетъ и не повѣрятъ; но я говорю правду и не боюсь упрека. На

пути я видѣлъ два зданія для Турокъ и Жидовъ, кои обязаны жить въ сихъ домахъ. Таможенный домъ, на куполъ коего поставлена мѣдная спашуя Фортуны, огромностію и красою древней архитектуры кидается въ глаза. Попомъ поворошили мы въ меньшій каналъ, тамъ въ другой, третій, словомъ обѣхали почти всю Венецію. Гондолы лепящъ взадъ и впередъ, и вмѣсто спуюпни опъ экипажей, эхо повсоряетъ веселыя пѣсни гондольеровъ. Таковаго путешествія ничто не можетъ быть пріятнѣе; качаясь, я задумался: пріятель мой Родостомо принужденъ былъ повсорятъ каждое слово раза три. Наслаждайтесь жизнью въ вашихъ гондолахъ, добрые Венеціане, быспро обшекайте ваши островки, скишайте подъ окнами вашихъ любовницъ; а мнѣ скоро, скоро надобно переселиться въ мѣста, гдѣ нѣтъ ни гондолъ, ни любовницъ. Бореи! я скоро у васъ буду.

Домы въ Венеціи украшены споль спраннымъ образомъ, что архитектура оныхъ хопя не изящнаго вкуса, но возбуждаетъ любопытство и поражаетъ воображеніе; посему и городъ имѣетъ видъ болѣе чудный, чѣмъ пріятный. Одна только необходимость и любовь къ независимости побудила основателей Венеціи воздвигнуть

жилища на песчаныхъ опмѣляхъ, на вязкомъ болотѣ и посреди моря. Колокольни походятъ на корабельныя мачты, которыя стоятъ неподвижно посреди волнъ. Каналы составляютъ улицы; нигдѣ не видно ни деревъ, ни зелени; животныя всѣ изгнаны; словомъ, городъ не походитъ на корабль только потому, что не подвиженъ. Ввечеру блескъ фонарей, коими освѣщаютъ гондолы, отражаясь на водѣ, представляетъ прекрасное зрѣлище. Набережныя, которыя должно назвать улицами, очень узки, похожи на коридоры, и хорошо вымощены. Въ Венеціи все опзывается романическою поэзіею; при вступленіи въ городъ должно разстаться съ природою, и говорить языкомъ Миспификаціи. Здѣсь никто не ходитъ пѣшкомъ, ниже ѣздятъ верхомъ или въ экипажахъ; нѣтъ ни лошака, ни лошади, всѣ тяжесты перевозятся на лодкахъ. Вельможи и средній классъ носятъ праурное, народъ напрошивъ бѣлое, торжественное платье. Каналы и гондолы, церкви и монастыри и даже самые обыкновенные предметы представляютъ мрачную, но вмѣстѣ живописную картину; словомъ, вся наружность только для одной Венеціи прилична: ибо нѣтъ города въ мірѣ, который бы возбуждалъ столь множество мыслей и воспоминаній. Во время бури нерѣдко запо-

ляетъ всѣ улицы, и тогда каждый сидитъ дома, какъ въ башнѣ, окруженной водою. При опливахъ и въ большемъ каналѣ глубина не проспирается выше двухъ аршинъ. Обѣхавъ лучшую и большую часть Венеціи, я расстался съ гондолою, заплативъ шесть лиръ, что на наши деньги составитъ два рубля.

Возвратившись на площадь, нашли тамъ множество гуляющихъ; какая пестрота! Одно только мнѣ не понравилось: замаскированные днемъ дѣлаютъ непріятное впечатлѣніе. Вошедъ въ кофейный домъ, я всматривался въ лучшихъ, и искалъ мѣста подлѣ прекраснѣйшихъ. Всѣ шутили и разговаривали, какъ бы у себя въ домѣ. Но сколь продолжительное будетъ описаніе, если и чувства мои будутъ имѣть здѣсь мѣсто. Не любопытствуйте, что бы могло со мною случиться въ шумномъ обществѣ привѣсливыхъ, милыхъ женщинъ; лучше пойдете со мною на колокольню Св. Марка: она только въ двухъ шагахъ отъ васъ.

Мы осматриваемъ, большею частію, только то, что огромно, что первое бросается въ глаза; рѣдко вникаемъ въ подробности, и потому описываемъ предметы не въ томъ порядкѣ, въ какомъ ихъ видимъ на мѣстѣ, и тѣмъ лишаемъ читателя удо-

вольспвія соображати красоту цѣлаго. Для сего я начну описаніемъ площади Св. Марка и зданій, на ней находящихся, по порядку.

Венеція.

Ни одна столица не можетъ похвалиться столь прекрасною и великолѣпною площадью, какова Венеціанская Св. Марка. Она окружена огромными зданіями; въ нижнихъ эшажахъ, какъ я уже сказалъ, находятся кофейные дома. Все то, что богатство, вкусъ и искусство столь многихъ вѣковъ могли произвестъ, можно видѣть въ наружныхъ украшеніяхъ сихъ домовъ, принадлежавшихъ именитѣйшимъ вельможамъ Республики. Съ лѣвой стороны теперь отдѣляются домъ для Вице - Короля, а на правой помѣщены судебныя палаты. Кофейныя лавки раздѣляются только пѣсными ворошами, ведущими въ улицы; для сего предположено на длинныхъ бокахъ отъ споры большаго канала и площади сдѣлать на колоннахъ открытый портикъ, что не мало украситъ площадь.

Противу средняго большаго входа, ведущаго на площадь, находится церковь Св. Марка, единственное въ своемъ родѣ зданіе: архитектура онаго вмѣстѣ великолѣпная, замысловатая и высокаго вкуса, представ-

ляють безобразную смѣсь всѣхъ орденовъ; Греческія, Арабскія и Гопическія украшенія, прекрасныя сами по себѣ, но въ безпорядкѣ поставленныя, лишаются лучшихъ своихъ красотъ. Порпики, куполы, минареты, Гопическія колонны, украшенныя позолотою, мозаикомъ, составленнымъ изъ всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ спранъ драгоценныхъ камней; скульптурныя изображенія и статуи священныхъ, стоящихъ подлѣ боговъ мифологіи, составляють вмѣстѣ нѣчто необыкновенное, чудесное. Судя по наружности, можно не согрѣшивъ назвать храмъ сей мечетью или дворцомъ Египетскихъ Фараоновъ. Еслибъ я имѣлъ довольно времени и терпѣнія осмотрѣть сію церковь съ должнымъ вниманіемъ; то и тогда не могъ бы дать вамъ точнаго объ ней понятія, и потому всѣ подробности заимствую изъ употребляемой мною книги. Не поскучайте ими, друзья мои, храмъ Св. Марка стоить сей жертвы.

Длиныя спороны церкви занимають на площади 40 сажень, а ширина ея $15\frac{1}{2}$. Пять куполовъ, покрытыхъ свинцомъ и поставленныхъ на крестъ, украшають крышу. Пятью дверями отъ запада и двумя отъ сѣвера и юга входятъ въ церковь. Пять аркавъ, кончающихся шпицами и прикры-

ваючихъ входы, соспавляюшъ собою главную фасаду. Надъ сводами аркадъ видно два ряда сполповъ, поспавленныхъ одинъ надъ другими, числомъ 292; всѣ изъ рѣдчайшихъ мраморовъ. Верхняя колоннада съ трехъ споронъ церкви соспавляетъ галерею. Наружности аркадъ обременены скульпшурою, живописью съ позолотою и мозаикомъ: они изображаютъ спраспи Спасителя, Діану на охотѣ, праздникъ Вакханалій и тому подобное. Между опдѣленіями аркадъ возвышаются шесть шпировъ, родъ малыхъ колоколенъ, въ коихъ поспавлены шесть мраморныхъ спашуй, представляющихъ чепырехъ Евангелистовъ, Божію Матерь и Архангела Гавріила. Надъ среднимъ главнымъ входомъ спояли чепыре коня работы славнаго Лизиппа, украшавшіе пріумфальныя вороша, сооруженныя Римскимъ народомъ Нерону за побѣду надъ Парѣянами. Кони сіи, какъ рѣдкое произведение скульптуры, перенесены были въ Констаншинополь; по взятіи коего Венеціанами, какъ профей, поспавлены для украшения сей церкви. Наконецъ Наполеонъ украсилъ ими карусельную площадь въ Тюльери (*). Надъ второю аркадою за большимъ стекломъ

(*) Въ 1814 году, по взятіи Парижа, сіи кони вновь возвращены въ Венецію.

стоить мѣдный, хорошо вызолоченный левъ съ распростертыми крыльями и волнистою гривой, держащій въ одной лапѣ знамя. Сіе мистическое изображеніе представляеть Св. Марка, покровителя Венеціи.

Внутренность сего древняго храма украшена сокровищами Воспока, добычею побѣжденных Венеціанами народовъ; но при слабости освѣщеніи великолѣпіе ея едва примѣтно. Соразмѣрно пространству, церковъ низка, темна, и всѣ красоты, копорыя видны по частямъ, теряются въ цѣломъ свою цѣну.

Мощи Св. Евангелиста Марка перенесены изъ Александріи въ 828 году. Въ правленіе Дожа Парпичипаціо, иждивеніемъ брата его Жуспиніана построена церковъ и первый камень съ золотымъ крестомъ положенъ Епископомъ Бодоаромъ. При Дожѣ Орсеолѣ, на мѣсто сгорѣвшей церкви, построена нынѣшняя въ 976 году. Въ 1071 году, при Дожѣ Доменико Сельво, начали украшать церковъ мозаикомъ, мраморомъ, колоннами, взятыми изъ Аѳинъ и другихъ восточныхъ областей. При Випалѣ Фальерѣ, въ 1085 году, она была освящена. Внутреннее ея расположеніе, подобно какъ въ храмахъ Восточной церкви, раздѣляется на четыре отдѣленія: 1) Папершь (Atria) за-

нимаєть більшу частину храму; 2) головний корпус церкви (Grembo), в якому знаходиться опідбленіє для мушчин і жінок, як і тепер діляється в Греції; 3) амвон, возвишенне нїсколькими сшупенями і обнесенне рїшеткою пространство: здїсь знаходиться шрон для Дожа, катедра для чтенія Євангелія і предики, і хори для музики; 4) алтарь, по середині якого представляється престол із серпентина, украшений рельєфами із Історії Вешаго і Новаго завїша; по углам престола ушвержені прекрасні мраморні колони, поддерживающі павильон; вкруг возвишенія пред алтарем поставлені изображенія во весь рост чепырех Євангелиштов і чепырех Латинских Богословов, изваянных із мїди, работы Санзовина. Иконостас, сдїланный по образцу церкви Св. Софїи в Константинополі, украшен позолочеными рельєфами і осыпан драгоцїнными камнями і жемчугом. Под престолом в мраморной раме хранился шїло Св. Марка.

Подл другого алтаря споль же богатаго, Дожева часовня опшичается особенным расположением. На широком карнизі, поддерживаемом восемью колоннами, посреди поставлен серебряный крест; по сторо-

намъ же 14 спашуй во весь ростъ, 12 Апостоловъ, Божіей Машери и Св. Марка. Ризница, находящаяся на правой сторонѣ, украшена мозаикомъ и живописью Тинторетта и Санзовина. Вышедъ изъ ризницы, алтарь С. Петра, и далѣе, нѣсколькими ступенями ниже, престолъ Богородицы, копорый особенно уважается по образу ея, писанному Св. Лукою и перевезенному изъ Константинополя. Подлѣ онаго часовня, въ копорой подъ спудомъ лежатъ мощи Св. Исидора. Такимъ образомъ вокругъ церкви есть еще нѣсколько алтарей, украшенныхъ мозаикомъ, спашуями, драгоценными камнями, живописью и позолотою. Въ мозаикѣ показали намъ нѣсколько ониксовъ, изумрудовъ и бирюзы, смѣшанной съ другими самоцвѣтными и драгоценными камнями. На полу церкви изображены живошныя и распѣнія.

Причину перенесенія мощей Евангелиста Св. Марка древній историкъ Сабелликусъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: Король Александрійскій для построенія великолѣпнаго дворца повелѣлъ собирать драгоценныя мраморы, гдѣ бы они ни были. Лучшіе украшали церковь Св. Марка. Въ сіе время въ Александрійской гавани стояли десять Венеціанскихъ купеческихъ кораблей. Бонъ

изъ Маламоки и Рюспико изъ Торчелло, Капишаны двухъ судовъ, пришедши въ храмъ поклонисься святому, предложили Греческимъ священникамъ уступитъ имъ мощи для перенесенія оныхъ въ Венецію. Монахи, огорченные несправедливостію Короля, согласились, и вмѣсто мощей Евангелиста Марка положили тѣло Св. Клавдіана. Произшествіе сіе имѣло весьма важныя послѣдствія. Народъ, признавъ Св. Марка своимъ покровителемъ, и поклоняясь вмѣсто его Св. Клавдіану, привыкъ приписывать первому всѣ свои успѣхи. Уваженіе къ нему смѣшалъ онъ съ любовію къ опеческву, и наконецъ, *во славу Св. Марка!* было знакомъ соединенія при опасностяхъ и общихъ бѣдствіяхъ, и кликами воиновъ, одержавшихъ побѣду.

Колокольня Св. Марка столь высока, что ни Болонская, ни Вѣнская не могутъ съ нею сравниться; нельзя не удивиться, что тяжелая масса, вышиною отъ подошвы до шпица 48 сажень, воздвигнута на болотистомъ мѣстѣ. Площадь при наводненіи покрывается водою, нерѣдко до такой глубины, что по ней можно ѣздить въ гондолахъ. Основаніе колокольни положено при Дожѣ Трибунѣ въ 888 году, спѣсны ея выведены не прежде 1148 года, при Дожѣ Доме-

никѣ Морозини ; а въ 1400 году совершенно окончана чешвероугольною пирамидою. Внутри ея есть башня , между стѣнами копорой и стѣнами колокольни находится оплогій вѣздѣ , по коему прое рядомъ могутъ ити свободно , и даже можно ѣхать верхомъ. Сею лѣспницею (*) входятъ въ залу , поддерживаемую мраморными столбами , на коихъ повѣшенъ колоколъ. Отсюда другая лѣспница ведетъ въ павильонъ , обнесенный мѣдными колоннами , и украшенный по чепыремъ угламъ мраморными львами. Напоследокъ лѣспница сѣуживается ; вы приходите на самую вершину пирамиды , и тамъ можете видѣть , какъ на желѣзномъ прутѣ вершился Ангелъ въ 16 футовъ , сдѣланный изъ мѣдныхъ листовъ.

Изъ павильона представляется взору вся Венеція и окружающіе ее острова на разстояніи 50 верствъ ; на маперомъ берегу видно множество городовъ и селеній ; вдали синѣются Альпы , море , берега и все , что можетъ плѣнить взоры ; но при всемъ томъ въ другой разъ въ павильонъ не пойду. Спросите , для чего ? Лѣспница не слишкомъ свѣтла и очень не чиста . . . Кромѣ сего

(*) Лѣспница сія шире большей части Венеціанскихъ улицъ.

нечего сказать особеннаго, какъ только развѣ то, что мы за свою усталость заплашили нѣсколько лирѣ. Въ Венеціи не меньше Англіи любятъ деньги, и для иностранца мало червонца на сушки, а для Рускаго и двухѣ.

Позади церкви есть другая небольшая площадь, ограничивающаяся съ одной стороны набережною, съ другой Дожевымъ дворцомъ. Напрасно спрогѣ крипики будупъ искапъ недоспапковѣ, ошибокѣ (коихѣ и въ самомъ дѣлѣ много) въ семъ прекрасномъ зданіи. Любящіе романическіе вымыслы среднихѣ вѣковѣ назовупъ жилище Дандоловѣ и Фальеровѣ превосходнымъ, высокимъ въ искусствѣ зодчеспва.

Восемь огромныхѣ дверей ведупъ во дворецъ самодержавныхѣ власпишелей, купцовѣ-воиновѣ. Сей дворецъ занимаетъ часть площади Св. Марка, малой площади и набережную большого канала. Богатое смѣшеніе Архитектуры Арабской и Готической, великолѣпныя порпики и колонны, взнесенныя одни надъ другими, копорыя равно могупъ быпъ приличны для зданій Магомепанскихѣ дервишей и Христіанскихѣ монаховѣ, предспавляюпъ въ одно время жилище, доспойное Царей могущеспвенныхѣ и роскошныхѣ. Восходя гигантскою

лѣстницею и взглянувъ на ужасныя отверсшыя пасши львовъ, въ которыя бросали нѣкогда бѣдспвенные шайные доносы, невольно содрогаешся. Лѣстница сія ведешъ въ залу Государспвенныхъ чиновъ.

Спѣны залы, называемой Чепырехъ-дверной (*de quarto porte*), украшены прудами Тинпореша, Виченпино и Тиціано, изобразившихъ славу и богатство Республики подъ видомъ бѣлокурыхъ, полныхъ богинь и злаповласыхъ Нимфъ. Неудачная аллегорія! — Ихъ Юноны и Венеры не возбуждаютъ ни спраши, ни удивленія. За сею залою въ нѣсколькихъ обширныхъ комнатахъ, уставленныхъ карпинами, занимались дѣлами Республики. Сенапская зала, въ которой 230 членовъ рѣшили о войнѣ и мирѣ, великолѣпна и прекрасна. Пальмѣ поручено было росписатьъ спѣны, пополокѣ Тиціану; лучшаго опличія сему послѣднему не могли сдѣлать. Зала Совѣта украшена портретами Дожей; одинъ изъ нихъ покрытъ чернымъ завѣсомъ, на которомъ подписано пресшупленіе и день казни его. Въ сей же залѣ двѣ карпины Спрашнаго суда и Императора Фридерика Барберуссы, цѣлующаго ногу Папы, представляющъ странную прошивуположность суевѣрія и гордости Папъ и Венеціанъ.

Зала, обитая чернымъ сукномъ, освѣщенная сверху, и наиболѣе поражающая душу невольнымъ препешомъ, естъ зала *Совѣта Десяти*, сего судилища смерши, которое, подъ предлогомъ храненія общественной безопасности, заставляло каждого спрашиваться за имущество и жизнь. Сіи десять Совѣтниковъ избирали жертвы по произволу, и подобно Нерону, мучимые подозрѣніемъ, поражали невинныхъ безъ суда. Нельзя войти въ сію залу безъ особаго ужаса! Здѣсь находилась та бѣдственная дверь, чрезъ которую вводили несчастныхъ, судимыхъ всегда тайно, дабы на всю жизнь продолжись ихъ мученія въ тюрьмахъ, можно сказать, огненныхъ, находящихся подъ свинцовою крышкою Дожева дворца, или въ сырыхъ и мрачныхъ погребахъ, служащихъ фундаментомъ онаго. Мостъ, по которому опводили преступниковъ въ тюрьму, названъ *мостомъ воздыханій*. Осужденнаго не законнымъ образомъ всегда ночью и тайно опвозили за городъ и попили въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ не позволялось ловить рыбу. Ужасная мысль! не оставляль несчастному надежды, что его останки напомнятъ друзьямъ, что онъ невинно поспрадалъ. Въ семъ вершечѣ палачей не возможно было оставаться; я боялся за себя и товарища, а болѣе за болтливаго

Чичерони, и съ удовольствіемъ бросилъ послѣдній презрительный взглядъ на сей памятникъ незаконной власпи, ненасыпимаго честолюбія и отвращительнаго ширанства.

На площади передъ дворцомъ, на краю набережной, обращенной къ острову Звегъ, поставлены двѣ колонны: одна украшенная статуею Св. Марка, а другая Св. Феодора, между коими казнили преступниковъ.

Колонны сіи привезены были изъ Коншанпинополя Венеціанами въ 1204 году; долгое время лежали онѣ безъ употребленія, наконецъ сыскался механикъ, который вызвался поставить ихъ на площади, и за трудъ свой предложилъ спранный условіе: онъ пребывалъ, чтобы между сими колоннами позволено было играть въ карпы, что законами строго запрещалось. Сенапъ согласился, но вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ на томъ же мѣстѣ казнить преступниковъ.

Скажутъ ли вамъ, что я съ радостию бѣжалъ отъ сего дворца; говорятъ ли, что топъ, кто всмалъ рано и половину дня провелъ въ движеніи, — сѣлъ за столъ съ добрымъ аппетитомъ, и за бутылкою бордо скоро забылъ видъ сего мрачнаго чертога скорбей и воздыханій, злобы и несправедливостей? Думаю, не надобно.

О С Т Р О В Ъ З В Е Г А .

Послѣ сыплаго обѣда , прекраснаго вина и плодовъ , мнѣ хопѣлось уснуть. . . . Но пріятель мой предложилъ ѣхать на Звегу , гулять въ саду. Вотъ мы уже на площади , у пристани , сѣли въ гондолу и поплыли чрезъ каналъ , шириною въ 400 сажень , раздѣляющій городъ отъ сего острова. Иной бы сказалъ , какъ блеснѣли куполы церквей , сколько встрѣчалось гондолъ съ прекрасными дамами ; но я вышелъ на островъ , не видавъ ничего , помѣ подобнаго.

Садъ составляющій нѣсколько аллей и нѣсколько сплетенныхъ изъ лозника бесѣдокъ , гдѣ за накрытыми столами хозяинъ , плущъ по ремеслу и воръ по привычкѣ , ожидаетъ охотниковъ покушать. Тутъ мы нашли множество Французскихъ Офицеровъ , смѣло гуляющихъ съ веселыми нимфами.

Прошедъ по аллеямъ , пошли въ другой большой садъ , гдѣ ѣздятъ въ коляскахъ , какъ у насъ катающіяся съ горъ на салазкахъ. Многія дамы , сѣвши въ экипажъ , отъ страха жмурились. Въ городѣ нѣтъ деревьевъ , и для того сюда многіе собираются сморѣть на оныя , чтобы совершенно не опъвыкнуть отъ зелени. Товарищъ мой для

своихъ нѣжныхъ дѣлъ меня оставилъ. Песпроша примелькалась въ глазахъ, одному мнѣ спало скучно; я искалъ мѣста болѣе уединеннаго, и нашедши, сѣлъ въ углу на скамейку, задумался . . . вдругъ городская нимфа, разодѣтая по послѣдней модѣ, подошла ко мнѣ. Желая избѣжать новаго знакомства, я поспѣшно вспалъ, и скорымъ шагомъ, не оглядываясь, какъ бы боясь участи Лоповой жены, побѣжалъ къ набережной, черезъ мостъ, мимо домовъ и церквей, и когда почишалъ себя въ безопасности, остановился предъ церковію Спасителя, построенною въ память избавленія отъ чумы. Наружность церкви проста и величественна, а позлащенная внутренность представляетъ великое богатство; но чтобы не пропустилъ чего, выпишу изъ употребляемой мною книги *forestiero illuminato*.

Церковь построена въ 1576 году по модели славнаго Андрея Палладія, вся изъ мрамора; портикъ поддерживается Коринтскими колоннами, между коими поставлены пять статуй. Прямо противу огромной двери, вылитой изъ мѣди, представляется главный алтарь, украшенный Распятиемъ и статуями Св. Марка и Св. Франческа изъ того же металла превосходной работы Жи-роломо Кампана Веронезца. Церковь освѣ-

щена сверху, что придаетъ сему обширному свяпилищу величественный видъ.

Во многихъ нишахъ поставлены статуи Евангелистовъ, Сивиллы, Пророковъ, ученыхъ Богослововъ, прудовъ отца Піацы Капуцина. По прекраснымъ картинамъ лучшихъ арписовъ того времени, Тинторетта, Франческо, Бассано, Пальмы младшаго, школы Пауловой, также Сарачини и Белико, храмъ сей замѣчателенъ, и былъ бы еще болѣе, если бы опецъ Піацо надъ главнымъ входомъ не представилъ Спасителя, подлѣ его Св. Марка, Св. Роко, Св. Франческо, Св. Феодора и Вѣру съ Дожемъ, Сенаторами и гондольерами.

В Е Н Е Ц І Я.

Уже смерклось, когда я оставилъ церковь и самую Звегу, сѣлъ въ гондолу, и между тѣмъ, какъ она, разсѣкая волны, отбрасывала крушающуюся пѣну, я опять углубился въ мысли, думалъ о васъ, друзья мои, объ отчизнѣ; но скоро развлеченъ былъ шумомъ на площади, которую только начали освѣщать.

Когда вошелъ я въ одинъ кофейной домъ, то въ нѣсколько минутъ прошло мимо меня тысячи незнакомыхъ людей, которые являлись и исчезали какъ легкіе призраки во-

ображенія, и ни одинъ ласковый видъ не пронулъ моего сердца. Одно крошкое задумчивое лицо понравилось бывшему со мною товарищу, но мое равнодушіе не поколебалось, хотя я сидя не подалеку и разсматривалъ эту прекрасную женщину съ удовольствіемъ. Она имѣла прелестный станъ, правильныя черты, полныя руки бѣлѣ алебастра, губы алѣе розана. Ксипапи или нексипапи товарищъ предложилъ ей рюмку мороженаго и свои услуги проводить въ Ридопто. При первомъ словѣ огненный румянецъ покрылъ щеки прелестной незнакомки: но робость ея прошла; она отвѣчала ему довольно весело, что уже дала слово другому. Какъ легкій прахъ, развѣваемый бурнымъ вѣтромъ, исчезли и мои нѣжныя мечты — и живое воображеніе чипашелей легко прибавилъ то, чего шупъ не достаетъ.

Въ театрѣ *Святого Бенетта*, мы съ Родосомъ взяли ложу во вѣпоромъ ярусъ за 20 лиръ. Піеса была подъ названіемъ: Солдатская любовь; музыка новѣйшая, прекрасная, а содержаніе сполнѣ солдатскаго уваженія. За первымъ дѣйствіемъ послѣдовалъ балетъ, довольно изрядный и также любовнаго содержанія; но какъ воображеніе мое было занято совсѣмъ другими мыслями, то я и не помню, за что зрители много и долго

аплодировали. Самъ не знаю, какъ мы очутились въ Ридопто, гдѣ я долго разсуждалъ съ собою, какая могла бы быть причина, что въ суевѣрныя времена зданію, опредѣленному для представленія грѣшныхъ событийъ человѣческой жизни, дали имя святаго.

Опыскавъ въ залѣ мѣсто, гдѣ было поменьше людей, сѣлъ на стулъ, и очень задумался, вспоминая прошедшія блаженные минуны, копорыя никогда уже не возвращаются. Вскорѣ одна замаскированная женщина въ легкомъ неглиже сѣла подлѣ меня. Почувствовавъ сладостное ея дыханіе, я вздрогнулъ какъ преступникъ, и не думая, спросилъ: прекрасная маска, какъ тебя зовутъ? *Жена твоя*, отвѣчала она пріятнымъ и тихимъ голосомъ. Слово сіе, какъ электрическій ударъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ; мнѣ казалось, я узналъ голосъ моей суженой, и не помню, что отвѣчалъ ей. Изъ нѣсколькихъ однакожъ словъ скоро увидѣлъ свою ошибку; почему, сколько благопристойность позволяла, спѣшилъ оставить сію прелестную сирену, обѣщая чрезъ четверть часа къ ней возвратиться.

Долго искалъ я своего поварища и насилу нашелъ его въ углу другой залы, подлѣ какой-то женщины. Новый для меня ударъ, и

шупѣ хотѣли меня удержашь, предлагая иппи вмѣстѣ ужинашъ. Я далъ слово, но какъ Родоспомо для своихъ пригизнѣ вскорѣ меня оставилъ: то я одинѣ съ тоскою на сердцѣ возвратился домой.

13 Сентября. Я просилъ моего добраго Родоспомо проводить меня въ библиотеку, гдѣ показывающъ спашую Ганимеда Фидіевой работы, и въ монастырь Делла Пьетта, богатый изящными украшеніями и славный по воспитанію въ немъ незаконно-рожденныхъ дѣтей. Такое заведеніе конечно необходимо въ Венеціи: (ибо Правительство не спыдишся собирать подашъ съ распущсва). Библиотека была заперта, а въ монастырь я опложилъ иппи до Воскресенья, дабы вмѣстѣ слышашъ превосходную музыку и лучшихъ пѣвицѣ.

Безѣ цѣли и намѣренія бродили мы изѣ улицы въ улицу, пока успалосшъ принудила возвратишъся на площадь, гдѣ нашли Кабіанку съ его дамою. Мнѣ давно хотѣлось видѣшъ Руской мундирѣ, сказала она, и какъ я рада, что шеперь желаніе мое исполнилось.

Сударыня, опвѣчалъ я, мы цѣлое ушпро искали васѣ, чшобы оправдашъся во вчерашней неучпивости.

Каково вы себя чувствуете сего дня?

Я и вчера не был болен; вините Родоспомо, который на меня нагнал. Продолжение разговора было ничего не значущее.

Подали кофе. Надобно объяснить вам сей Венеціанскій обычай: если бы вы двадцать раз заходили в кофейню, то по обычаю, столько же раз и должны пить кофе. Маленькая чашечка, которую вам поднесут, стоить при соли; право не убыточно ни для желудка, ни для кармана. Кабіанки пригласили меня в свою ложу; я общался и не сдержал слова.

Еще с час времени читал газеты, а между тем мой приятель гулял на площади, возвратился с другим кавалером и его любовницею. Не удивляйтесь сему названію, любезные друзья, здесь всякую женщину так называют; Родоспомо рекомендовал меня; дама просила позволенія побывать на моем транспорте. Хотя мы и не хотели для приема их расстаться с Венеціей, но отказ был бы не у места. Выпив прошиву воли еще чашку кофе, мы расстались, и сия чета в 8 часов просила подождать их в кофейне, а опшуда идти в театр в их ложу.

Послѣ обѣда пріятель мой проспился со мною до вечера. Не зная куда итти и что дѣлать, я сѣлъ въ гондолу и приказалъ возить себя куда ни попало. Ни что не можешь сравниться съ симъ превосходнымъ капаньемъ; я не скажу вамъ ни слова болѣе. Побывайте сами, мои милые, въ Венеціи, и послѣ скажите о семъ ваше мнѣніе. Щедро заплативъ гондольщику, спѣшилъ на площадь, гдѣ Родоспомо съ Кабіанкою уже меня дожидались.

Піеса была очень незанимательна; балетъ *Портной*, глупѣйшее произведеніе ума. Если бы не дама, городскія новости, полишика и прочіе разговоры, я вѣрно бы заснулъ. Театръ къ опрадѣ моей кончился, надобно было съ компаніею проходитьъ по площади, попомъ итти въ Ридопшо, попомъ.... но такими подробностями я вамъ наскучу. Пропустя все, позвольте описать спальню дамы, у которой мы ужинали.

Пока накрывали столъ, мы разсматривали каршины и бюсты, украшавшіе прочія комнаты, и пришли въ спальню: мнѣ показала она храмомъ любви и вкуса. Не упоминая о прекрасномъ мраморномъ каминѣ, большихъ окнахъ, скажу, что на стѣнахъ между зеркалами отъ пола до потолка были каршины и эстампы, представляющіе

спройныхъ нагихъ женщинъ , мужчинъ , дѣтей, Купидоновъ и Венеръ , которыя тамъ и сямъ играютъ , бѣгають и кажутся живыми. Всѣ сіи рисунки расположены такъ , что отъ одной лампы все предъ глазами. Постель изъ чернаго дерева съ позолотою поставлена на возвышеніи , и можетъ почесаться образцемъ упонченной роскоши.

Три Граціи изъ бѣлаго мрамора поддерживаютъ занавѣсъ. Съ неизбъяснимымъ удовольствіемъ разсматривалъ я сіи спашуи и не могъ отъвести отъ нихъ взора. Какое бы перо могло описать прелести семнадцати-лѣтней красавицы , у которой каждая форма , можно сказать , вливается въ душу. Съ улыбкою самодовольствія , Кавалеръ Сервенше спросилъ : если у насъ въ Россіи горницы такого вкуса ? Наши женщины не согласились бы поставить нагихъ красавицъ въ своей спальнѣ , отвѣчалъ я , и сѣлъ на кресла. Какое мягкое ! полъ кругомъ кроваши устланъ ковромъ , а оспальная часть комнашы мозаикомъ. Все сіе отражается въ зеркалахъ. Хозяйка умна , веселаго характера ; жаль , что лице ея не соответствуетъ изящному вкусу убранствъ ея храма любви. За ужиномъ до сыпа насмѣялись и въ 4 часа разошлись по домамъ. Я примирился съ наружноспію хозяйки ; лю-

безность и милая ея привѣтливостъ сподобитъ утраченной красоты. Прощайте до утра.

Венеція.

16 Сентября. Шумъ въ коридоръ разбудилъ меня; было уже около десяти часовъ утра, свѣтъ солнца слабо проникалъ сквозь зеленые завѣсы, ночникъ на камелькѣ мелькалъ какъ угасающая искра; но не буду мучить рассказами, каково я спалъ и тому подобное; выведу васъ на площадь Св. Марка, гдѣ прошу со мною позавтракать. Мнѣ надобно было возвратиться на свой транспортъ. Оставивъ письмо пріятелю, расплатился съ хозяиномъ, по 3 лиры на супки за комнатну, нанялъ гондолу за 5 лиръ, сѣлъ, заснулъ, и подвѣзжая уже къ транспорту, проснулся. Теперь дома, ежедневно пишу къ вамъ. Сего дня былъ у меня Родостомо, завтра ожидаю Кабианки съ любовницей. Вечеръ проходилъ по Маламокѣ.

18 Сентября. Начальникъ нашъ Капитанъ Б. . . . имѣлъ повелѣніе остаться въ Венеціи до исправленія транспортовъ, на что попребно было довольно времени: ибо Французы, какъ кажется, нарочно медлятъ снабженіемъ насъ. Надѣясь на сіе, не думалъ я сообщить съѣздить въ Падую, Верону, Бо-

лонію и другіе ближніе города; но вошѣ получено неожиданное повелѣніе: какъ можно скорѣе оставишь Венецію и ийши въ Корфу, куда Адмиралъ Сенявинъ съ побѣдоносною эскадрою изъ Архипелага уже прибылъ. Балтійская эскадра собирается въ обратный путь въ Кронштадтъ, а Черноморская въ Севастополь. Французамъ сіе не нравится; они увѣряютъ, что весь нашъ флотъ останеться въ Корфѣ для защиты отъ Англичанъ новыхъ ихъ пріобрѣтеній, что для насъ столько же будетъ непріятно, сколько и тяжко.

20 Сентября. Третьяго дни около полудня сѣлъ я въ гондолу и чрезъ часъ былъ уже въ кофейнѣ, гдѣ встрѣшился съ Г. Паулчи, начальникомъ здѣшнихъ морскихъ силъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать въ 5 часовъ вечера. Пробывъ съ нимъ полчаса, откланялся до обѣда и пошелъ въ городъ испушить нужныя для себя вещи. Здѣсь все очень дорого.

Жаръ былъ нестерпимый; охота ходишь совсѣмъ у меня пропала; я сѣлъ въ гондолу и съ неперпѣніемъ поглядывалъ на часы, дожидаясь времени ийши къ Паулчи. Гондола остановилась у прекраснаго дома; часовой указалъ лѣстницу и я уже въ залѣ. Меня встрѣшила его жена и еще другая дама;

самъ семъ сѣли за столъ и были очень довольны и веселы. Послѣ обѣда я хотѣлъ уйши одинъ, но Адьюшантъ его Французскій эмигрантъ, человекъ благовоспитанный, пошелъ со мною. Съ веселымъ поварихомъ я и не примѣшилъ, какъ день прошелъ, и мы уже въ 5 часовъ утра расстались.

21 Сентября. Дорого заплашилъ я за веселыя минушны прошедшей ночи: ничто не можетъ сравниться съ больною моею головою; весь свѣтъ, казалось, вертѣлся у меня подъ ногами; люди представлялись то гигантами, то карлами, дома мелькали и какъ будто на меня падали. Если бы можно было пролежать годъ на постелѣ, я и шутъ не подумалъ бы встать; но Родоспомо меня поднялъ и повелъ къ Г. Морucci, богатому и знашному Венеціанину, который служилъ при нашемъ Дворѣ Камергеромъ и имѣетъ орденъ Анны 2 степени. Онъ принялъ меня весьма ласково, чего и должно было ожидать отъ придворнаго; а разговоръ? — о здоровьѣ Императора, о придворныхъ удовольствіяхъ и проч.; жаль, что все это было стараго штемпеля: ибо мы оба уже 4 года, какъ изъ Россіи. У него одна только масть, денегъ куча, а живетъ скромно. вмѣстѣ съ нимъ пришли мы на площадь; я отказался отъ многихъ приглашеній; сѣлъ въ гондолу

и теперь у себя на транспортѣ написалъ къ вамъ сіи спроки.

23 Сентября. На фрегатѣ Авпроилѣ я засталъ Г. Паулучи, прїѣхавшаго пригласить насъ на обѣдъ къ Генералъ-Комисару, которому нужно было переговорить о важныхъ дѣлахъ съ Капишаномъ Бизюкинымъ. Въ часъ всѣ Командиры судовъ оправились къ Г. Берпеню. Сія претолстая и хваспливая особа занималась дѣлами. Намъ нечего было у него дѣлать до обѣда и мы пошли въ другой домъ смотрѣть спашую Гебы славнаго Кановы.

Въ горницахъ великолѣпно убранныхъ нашли мы множество древнихъ Греческихъ рельефовъ; но превосходная спашуя Гебы обрапила на себя наше вниманіе. Она, кажешся, спыдишся нагошы своей и шоропливо наливаетъ нектаръ изъ золопаго сосуда въ кубокъ. Никакое другое положеніе не можетъ опкрыть выгоднѣе красоты прелестной и застѣнчивой дѣвушки, и самое пламенное воображеніе пылкаго юноши ничего не можетъ прибавить къ ея совершенству. Хладный мраморъ, кажешся, претеплетъ, опасается слѣдствія сихъ спрашныхъ взоровъ, на него устремляемыхъ.

Въ той же горницѣ, кромѣ сей оригинальной спашуи, поставлены копїи того же ма-

спера: *Амуръ* и *Психея*. Амуръ, прекрасный юноша съ видомъ неподражаемой улыбки обнимаетъ *Душеньку*, а та со всею необходимостію къ нему прилегается. Замысль, положеніе и соразмѣрность всѣхъ частей доказываетъ, что скульпторъ имѣлъ самое прекрасное воображеніе и Душеньки его не можетъ быть ни милѣе, ни спройнѣе. Если правильное образованіе тѣла составляетъ главное достоинство скульптуры, то произведеній ея одни чувства могутъ быть судьями. Ни кто не послѣдуетъ, но всякій пойметъ одного Англичанина, который влюбился въ спашую Венеры Медицейской. Одѣшья спашуи, какое бы достоинство и трудность въ работѣ ни представляли, не будутъ имѣть того успѣха, какъ нагія. Открытъ прелести человѣческаго тѣла есть цѣль скульптуры, которая въ изображеніи оныхъ далеко превосходитъ живопись; вопъ почему приличія, необходимо нужныя для стыдливости, скульпторами не уважаются, и обнаженная спашуя всегда будетъ служишь образцемъ для художниковъ, и предпочитаема зрителями и знаменами.

Мы не спали разсматривать копію Психеи, копорой оригиналъ обѣщали показати въ другомъ домѣ, и едва замѣтили, что на длинныхъ стѣнахъ комнаты изображена

исторія Софронискова сына въ рельефѣ превосходной работы. Мозаическіе сполы, бронзовыя люстры, зеркала, шпофные диваны, спашуи Амура и Психеи, и другія богатыя убранства свидѣтельствуютъ о вкусѣ и роскоши хозяина. На столѣ лежала книга, въ которую просили насъ вписать свои имена, и я внесъ цѣлой реэспрѣ. Хозяинъ, живущій въ деревнѣ, хочетъ знать, кто приходитъ удивляться полезному употребленію его богатства.

Съ неперпѣніемъ перешли мы въ другой домъ. Швейцаръ привелъ насъ прямо въ комнату, посреди коей на пьедесталѣ стоитъ Душенька. Она со вниманіемъ разсматриваетъ бабочку и локтемъ поддерживающее съ плечъ покрывало. Ахъ! какъ хороша эта Психея, сказалъ я, входя въ комнату; обошедъ ее нѣсколько разъ кругомъ, и не видя никакой разности съ копіею, кромѣ того, что та изъ гипса, а сія изъ мрамора, я удивлялся однакожъ сему оригиналу болѣе, и мнѣ казалось, что милѣе двушки не можетъ быть. У сей настоящей Душеньки болѣе выраженія въ лицѣ, станъ удивительно выработанъ, и съ каждымъ пристальнымъ взоромъ открывались новыя прелести.

Будь благословенъ Канова! Да возмогутъ наши молодые художники подъ своимъ руководствомъ плѣнять насъ подобными Амурами, Душеньками; да возмогутъ и они приблизиться искусствомъ къ Фидію, подобно какъ пы съ нимъ равенъ.

Еще слово о Кановѣ: онъ богатъ (не малое преимущество для изящнаго искусства), имѣетъ чепырехъ прекрасныхъ дочерей, изъ коихъ одна, можетъ быть, служила моделью для Душеньки. Теперь живетъ онъ въ Римѣ и работаетъ спашую Наполеона, вышиною въ 18 футовъ.

Не стану скучать вамъ описаніемъ, какъ мы сѣли за столъ, какъ на площади пропиву дома Генералъ-Комисара гремѣла музыка, сколько было зрителей: иные, можетъ быть, завидовали гостямъ и хозяину; а я завидовалъ имъ, скучалъ помпезнымъ церемоніаломъ, и желалъ какъ можно скорѣе конца. Въ 8 часовъ мы встали и принялись за важныя дѣла, а если сказать откровенно, то онѣ были пусшыя мѣлочи, которымъ Французы хотѣли придашь нѣкоторую значительность.

Сентября 24. Проспившись съ Венеціею, и высыпавъ малые осшашки лиръ и сольди въ мою шкапулку, я удивился, какъ дорого

споили мнѣ не большія шалости. Печальными спопами прошелъ я площадь, зажмурилъ глаза, сѣлъ въ гондолу, и теперъ дома, на своей Минервѣ, подѣ защищою ея мудрости, могу слѣдовать разсудку, и подобно Улиссу, сказать: друзья, теперъ я самъ съ собою и съ вами.

Родоспомо привезъ нѣсколько вещей для отца и двухъ пріятелей для отвоза въ Корфу: съ ними спану смѣялся и благословлялъ Венецію.

На пути изъ Венеціи въ Пирано, *Сентября 27.*

Ничто не было мнѣ такъ чувствительно, какъ обманулся въ надеждѣ провести всю зиму въ Венеціи, насладиться тамъ новыми удовольствіями, и тѣмъ наградишь прошедшій годъ скучнаго пребыванія на островѣ Брацѣ. Если вы вѣрите поговоркѣ Доктора Панглоса: все къ лучшему, то я ему не вѣрю. Ничего не можетъ быть хуже, какъ плыть изъ Венеціи въ Пирано, куда мы прибыли подѣ конвоемъ Австроиля.

Въ семъ письмѣ хочется мнѣ собрать для васъ, любезные друзья, нѣкоторыя дополнительныя свѣденія, относящіяся до Венеціи, сего построеннаго на днѣ моря зданія, которое, подобно огромному и прочному кораблю, брошенному на мель, въ продол-

женіє 14 вѣковъ устояло прошиву всѣхъ
 усилій времени и людей. Сей единственнѣйшій
 въ мірѣ городъ, крѣпчайшій безъ укрѣпле-
 ній, неприступный по положенію, основанъ
 не шайкою разбойниковъ, распространенъ
 не кровію и хищеніями, подобно Риму, а
 краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ
 основаніи его, было нещастіє и любовь къ
 свободѣ. Непорочность его начала, причины
 основанія, спранные сооруженіє, продолжи-
 тельное существованіє, побѣды, строгость
 законовъ, сила, богатство, могущество и
 самое паденіє: все это вмѣстѣ представля-
 етъ нѣчто чудесное, почти невѣроятное:
 ибо возможно ли было ожидать блистатель-
 ныхъ подвиговъ отъ малаго числа бѣдныхъ
 рыбаковъ, построившихъ нѣсколько хижинъ
 на песчаной отмели. И тамъ, гдѣ нѣтъ ни-
 какихъ произрастеній, ни матеріаловъ,
 ниже пространства для строеній, къ изум-
 ленію свѣта, явился городъ и народъ, ко-
 торый побѣдивъ самую природу, содѣлался
 повелителемъ моря, распорядителемъ все-
 мірной торговли, смирилъ грозныхъ завое-
 вателей, унизилъ соперниковъ и устоялъ
 прошиву усилій соединенной Европы. Нако-
 нецъ Республика сія, прудъ многихъ спо-
 лѣтій, достигнувъ глубокой старости,
 обремененная болѣзнями, скончалась тихо
 и безъ потрясеній.

Нѣкоторые писатели полагають, что древніе обитатели сей Республики назывались *Венетами*, по имени народа, происходящаго отъ Галловъ; другіе утверждаютъ, что Венеты, по разореніи Трои, вышли изъ Пафлагоніи подъ названіемъ *Генетовъ* и подъ предводительствомъ Аншенора поселились въ округъ, прилежащемъ къ сѣвернымъ берегамъ Адриатическаго моря.

Трибуны: До паденія Римской Имперіи, исторія Венетовъ покрыта мракомъ неизвѣстности. Въ началѣ пятаго столѣтія, когда вся Европа представляла одни убійства и насилія, любовь къ независимости и желаніе избавишься отъ тиранства варварскихъ ордъ Готтовъ и Гунновъ, покорившихъ одинъ за другимъ Италію, принудили Венетовъ, малое число гражданъ Падуи и другихъ жилищей сосѣднихъ областей, построить нѣсколько хижинъ на островѣ Ріальто. По смерти Аппилы, ужаснаго Царя Гунновъ, справедливо наименованнаго бичемъ рода человѣческаго, многіе изъ первыхъ переселенцевъ возвратились на твердую землю; но нашествіе Ломбардовъ доставило оставшимся на островѣ Венетамъ новыхъ соплеменниковъ; и сіи-то уже независимо отъ города Падуи положили основаніе славной республики, коей граж-

дане безопасность и свободу предпочли всѣмъ другимъ выгодамъ. Въ возраждающейся Венеціи пища, одежда и дома у всѣхъ были одинаковы; бѣднѣе и нещаснѣе уравнивали всякое различіе въ состояніяхъ; рыбная ловля и соль, извлекаемая изъ морской воды, составляли единственную ихъ промышленность.

Нужды ничтожной въ началѣ республики постепенно увеличивались; сто лѣтъ спустя по основаніи оной, Венеціане, дабы оградиться отъ нападенія Наренскихъ морскихъ разбойниковъ, должны были вооружить свои рыбацкіе лодки. Готы, Франки, Ломбарды, дикіе Германцы и Унгры щадили Венеціанъ, въ надеждѣ получить отъ нихъ пособіе флотомъ противу своихъ соперниковъ, и, быть можетъ, для того, что покореніе столь слабой республики считали легкимъ пріобрѣтеніемъ; и потому оплагали нападеніе не нее до удобнаго случая. Карлъ Великій, освободивъ Италію, не только оставилъ бѣдныхъ изгнанниковъ въ покоѣ, но подтвердилъ пактъ, заключенный ими съ Ломбардами, коимъ утверждены были границы республики. Правители Венеціи благоразумно отклоняли отъ себя всякое участіе въ войнахъ сосѣдственныхъ державъ, искали покрови-

жельства опдалениѣйшихъ , какъ менѣе для нихъ опасныхъ , плашили незначительную подашь болѣе корыстолюбивымъ , помогали болѣе настойчивымъ ; и такимъ образомъ , въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ , спокойно , непримѣтно для другихъ , республика усиливалась , богашѣла ; когда же отъ могущества ея проснулась зависть , то она уже могла сопротивляться не только одному , но многимъ чеестолюбивымъ Государямъ.

Въ 809 году Пепинъ , сынъ Карла Великаго , за опказъ въ помощи къ покоренію Далмаціи , взялъ островъ Маламоку ; но былъ разбитъ у Ріальшо . Въ 830 году опражено нападеніе Унговъ . Венеціане въ сіе время имѣли уже сильный флотъ и сражались съ переменнымъ щасіемъ съ Норманами , Сарацинами и морскими разбойниками Далмаціи . Война , продолжавшаяся съ послѣдними около 160 лѣтъ , окончилась въ 991 году покореніемъ Наренскихъ морскихъ разбойниковъ , а вскорѣ попомъ и всей Далмаціи , которая составила первыя владѣнія республики на швердой землѣ . Торговля , какъ главной предметъ Венеціанской полишки , упреждала завоеванія . Побѣдами надъ Миланцами , Падуанцами и другими сосѣдними малыми Герцогствами приобрѣли они владѣнія въ Сѣверной Италіи . Сраженія съ Венгер-

цами, Норманами, Греками и Сарацинами утвердили их славу; соперничество их с Генуезцами явилось на Средиземном море позорище, какое дали на нем Рим и Карфаген. Крестовые походы, разорившие Европу, обогатили республику до чрезвычайности; всемирная торговля сдвинулась ей удивительно. Европа и Азия невольно платили дань предприимчивым и трудолюбивым ее купцам. С этого времени купцы превращаясь в воинов и блеск славы превозмогая корыстолюбивые расчеты. Сверх колоний своих в Черном море в 1204 году отторгнули они от Восточной Империи многие области. Каперина Корнаро, получив от супруга своего Кипрскую корону, и будучи почтена широким дочери республики, в знак благодарности отдала своему опеческу и корону и царство. В 1386 году покорена Корфа и другие Ионические острова. Сие кончающееся завоевание и начинающаяся пятиспная войны с Турками; но здсь остановимся и выпишем лучшія черты из истории сей республики.

Самодержавные Дожи. Первые сто пятьдесят лѣтъ республика управлялась трибунами, опправлявшими в продолжение года, каждый на своем острове должность судей. Зависть, несогласия и дурное управ-

леніе нѣкоторыхъ избъ нихъ принудили народъ избрать верховнаго правителя, который подъ скромнымъ названіемъ *Дожа* или *Князя*, облеченъ былъ всею Царскою властію, избирался на жизнь, имѣлъ право жаловать, объявлять войну и заключать миръ, совѣтуясь только съ шѣми избъ гражданъ, коихъ онъ почиталъ достойными своей довѣренности (*). Въ 697 году *Павелъ Анафесте* былъ избранъ первымъ Дожемъ. Употребляя ксшапи и крошость и спросость, возстановилъ онъ спокойствіе. Два преемника его управляли благоразумно, но прешій сдѣлался пираномъ. Народъ, не оставившій себѣ законнаго права, посредствомъ коего могъ бы сопротивляться подобному несчастію, принужденъ былъ прибѣгнуть къ послѣднему способу: напалъ и убилъ Дожа.

Народъ, равно возненавидѣвъ пишла Дожей и Трибуновъ, положилъ ежегодно избирать главнаго правителя съ властію Дожей, подъ названіемъ Начальника военныхъ силъ. Но какъ сіи правители въ краткое царствованіе не могли остановить возникавшихъ раздоровъ; то сіе достоинство черезъ пять лѣтъ было уничтожено, и по причи-

(*) Которыхъ по сему называли *Прегади*, то есть приглашенные.

намб, сколько обыкновеннымб, столько же удивительнымб, вб 730 году сынб убишаго Дожа былб избранб сб прежнею неограниченною власпію.

За симб Венеціанскія лѣтописи представляютьб одни жестокости и вѣроломства. Дожи, объявляя сыновей своихб соправителями, искали учинишь самовласпіе безконечнымб и наслѣдственнымб. Народб долго и терпѣливо сносилб припѣсненія пирановб, наконецб возмущался, убивалб однихб и сб безчестіемб изгонялб другихб. Народб, непостоянный и никогда не размышляющій, желалб почти невозможнаго соединенія самовласпнаго и ограниченаго правленій; желалб скорости и силы перваго вмѣстѣ сб совершенною свободою и равенствомб послѣдняго.

Вб продолженіе сего періода внутреннихб неустройствб фамилія *Партицинаціевб* лишена Дожескаго доспинства, которое они помогались сдѣлать наслѣдственнымб вб своемб родѣ. *Традениго*, тринадцатый Дождб, былб жертвою внутреннихб безпокойствб. Мятежники убили его, когда онб шелб вб церковь. Добродѣтели его, достойныя лучшаго жребія, возбудили негодованіе и убійцы казнены.

Въ половинѣ десятаго столѣтія, сосланный въ ссылку за возмущеніе противу отца, сынъ Дожа Петра Кандіано, по смерти его былъ возвращенъ, избранъ и подвергся той же ужаси. Злонравый сей властитель изрубленъ былъ мстительнымъ народомъ вмѣстѣ съ сыномъ.

Распространеніе торговли. Не смотря на сіе происшествіе, народъ однакожъ не ограничилъ власти Дожа, и въ 976 году единогласно избралъ Петра Урсеола I, гражданина, почишаемаго за непорочность нравовъ. Сей Дождь, предавшись набожности, тайно ночью и переодѣвшись ушелъ въ монастырь. Нѣкоторые изъ его послѣдующихъ преемниковъ, какъ бы въ очищеніе грѣховъ убишаго Кандіано, послѣ немногихъ лѣтъ правленія, къ общему удовольствію, отказались отъ власти и посприглись въ монахи. Венеціане не соблазнились однакожъ похвальнымъ благочеспіемъ своихъ Дожей и ни сколько не расположены были, подражая имъ, отказаться отъ мірскихъ прелестей: ибо въ теченіи XII и XIII столѣтій они завладѣли всею *торговлею* и богатствами Европы и Индіи. Когда все Христіанство вооружилось на покореніе святой земли, когда рыцари разорялись, Венеціане, не смотря на проклятіе Папъ, безъ зазрѣнія

совѣсти доставляли Сарацинамъ нужные военные запасы. Въ оправданіе свое говорили они: вѣра и торговля двѣ вещи совсѣмъ различныя; какъ сыны церкви, мы исполняемъ то, чего святое ученіе отъ насъ пребуеетъ; а какъ купцы, считаемъ себя въ правѣ сбывать произведенія свои тамъ, гдѣ выгоды.

Вѣкъ славы. Съ царствованія *Урсеола II* начинается вѣкъ приращеній и побѣдъ. Сей Дождь исходатайствовалъ у Императора свободу торговать безъ пошлинъ во всѣхъ портахъ Греческой Имперіи, покорилъ Испрію и Далмацію и привязалъ къ ней пракшапомъ Кроацію. Сынъ его дерзнулъ пребогать достоинства Дожа какъ наслѣдства, за что вся фамилія его была на вѣки изгнана изъ отечества. Въ правленіе Пепра *Арскало*, въ 1000 году окончившаго совершенное покореніе Далмаціи, постановлено было закономъ ввѣрять управленіе покоренныхъ областей чиновникамъ, названнымъ *Подестами*, назначеніе коихъ предоставлено Дожу, и впредь всѣмъ побѣжденнымъ народамъ не давать права гражданства и уничтожить опасное обыкновеніе возводить сыновей Дожа въ званіе соправителей.

Въ двѣнадцатомъ столѣтіи два пожара, случившіеся при *Фальерѣ II*, принудили

спроить вмѣсто прежнихъ деревянныхъ домовъ нынѣшнія великолѣпныя зданія. Побѣды его надъ Венгерцами доставили ему пріумфъ, подобный Римскимъ.

Преемникъ его *Микіели* отличался при осадѣ Тира. Крестоносцы, осаждавшіе городъ съ сухаго пуши, укоряли Венеціанъ, что они избрали для себя безопаснѣйшее мѣсто. Дожъ послалъ въ лагерь снятые съ кораблей рули, паруса и весла и приказалъ сказать Генераламъ: теперь мы стоимъ на лучшемъ мѣстѣ, уйми невозможно и сверхъ опасности отъ меча непріятельскаго, мы должны бояться моря и вѣтровъ. По взятіи Тира, *Микіели*, подобно пожарному пламени, пропекъ Архипелагъ: и покрытый славою, былъ умерщвленъ всегда неблагодарнымъ народомъ, котораго онъ оставилъ поржесствующимъ внѣ и спокойнымъ внутри.

Начало Аристократіи. Въ 1173 году, по убіеніи *Микіели*, въ Венеціи было одно только судилище, въ коемъ засѣдали сорокъ судей. До сего времени народъ сохранялъ нѣкоторыя свои преимущества, и избраніе въ Дожи зависѣло отъ его благосклонности и воли. Судилище Сорока, дабы избавишься замѣшательства шумнаго безпорядочнаго избранія, воспользовалось междуцарствіемъ

и успѣло ограничить права народа и самыхъ Дожей, и пѣмъ положило основаніе Аристокрапическому правленію. Для сего изъ всѣхъ подданныхъ республики положено избирать ежегодно 470 совѣтниковъ, составившихъ *Верховный Совѣтъ*, коему ввѣрены права и власть народа. Изъ Верховнаго Совѣта учредили *Тайный Совѣтъ* и *Сенатъ*, которыми ограничили власть Дожа.

Первой Аристокрапическій Дожъ *Зіани*, раздавъ народу кучи золота, успокоилъ его неудовольствіе и принудилъ принять и утвердить себя въ званіи Дожа съ воспоргомъ. При немъ произошло странное обрученіе Дожа съ моремъ.

Въ царствованіе *Малиньера* учреждены двѣ палаты, одна для расправы иностранцевъ, другая названа *Авагадорами*, кои обязаны были наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ и судить преступныхъ судей, не исключая и Сенаторовъ.

Генрихъ Дандоло, избранный въ 1192 году, предопредѣленъ былъ вознести Венецію на высочайшую степень славы и могущества. Сей удивительный мужъ всю жизнь провелъ въ неизвѣстности и будучи уже 80 лѣтъ, почти слѣпой принялъ самъ начальство надъ флотомъ, снаряженнымъ къ

покоренію Палестини. Французскіе Крестоносцы, не имѣя чѣмъ заплащивъ за перевозъ, согласились помочъ ему въ покореніи Зары и другихъ городовъ Далмаціи, опложившихся отъ республики; Дандоло потомъ успѣлъ склонивъ ихъ обративъ оружіе противу похищителя Константинопольскаго престола. Алексѣй, сынъ несчастнаго, ослѣпленнаго и брошеннаго въ тюрьму Императора, нашелъ въ немъ сильнаго покровителя. Неутомимый Дандоло явился подъ стѣнами Царя града, разбилъ войска хищника и возвратилъ корону законному Императору, который сына своего объявилъ соправителемъ. Вскорѣ возникли неудовольствія между Крестоносцами и Греками. Алексѣй не могъ согласивъ противныхъ парсій. Новый измѣнникъ Мурпсофуло возмутилъ народъ, убилъ отца и сына и провозгласилъ себя Императоромъ. Предпріимчивый Дандоло взялъ приступомъ Константинополь въ 1194 году и по заключенному миру пріобрѣлъ своему опеческу Морею, Кандію, весь Архипелагъ и нѣскольکو гаваней въ самомъ Гелеспонтѣ. Герой Дандоло, покрытый славою и удрученный лѣтами, умеръ въ Константинополѣ.

По смерти Дандоло, исторія Венеціи повѣстываетъ о заговорахъ, возмущеніяхъ и

многихъ изданныхъ законахъ. По силѣ одного изъ оныхъ на шесть чиновниковъ, названныхъ *Исправителями*, возложено повѣрять поступки умершаго Дожа, и если найдется, что доходы уменьшились, то продавать имѣніе его въ пользу казны. Другимъ, изданнымъ въ 1265 году, учрежденъ особый родъ избранія Дожей посредствомъ балотираціи, который до уничтоженія республики оставался безъ перемѣны. Симъ способомъ опирали послѣднюю надежду у честлюбцевъ и хитрецовъ: ибо не было уже возможности воспользоваться дѣйствіемъ случайности и купить голоса всѣхъ избираемыхъ, которые сами назначались по жребію и въ тотъ же часъ, не выходя изъ залы собранія, должны были окончить выборъ Дожа.

При избраніи преемника *Жану Дандоло*, народъ, оскорбленный лишеніемъ свѣхъ своихъ правъ, собравшись на площадь, провозгласилъ Тьеполо Дожемъ. Тьеполо, удивленный такимъ скорымъ избраніемъ, до окончанія спора, скрылся изъ города, и народъ съ свойственнымъ ему непостоянствомъ оставилъ свое намѣреніе. Верховный совѣтъ надлежащимъ порядкомъ избралъ Градонико, мужа предприимчиваго, искуснаго и непоколебимаго.

Аристократія—Заговоры. Градонико, оскорбленный презрѣніемъ къ нему народа, въ 1297 году всю власть передалъ въ руки дворянъ, а прочихъ подданныхъ обратилъ въ рабовъ. Сей Дождь, къ крайнему неудовольствію именинѣйшихъ гражданъ, объявилъ, что настоящіе члены Верховнаго Совѣща и другихъ палатъ останутся въ должностяхъ на всю жизнь, и свое достоинство Паприціевъ передадутъ наслѣдникамъ, такъ что впредь нѣтъ надобности въ избраніи членовъ Верховнаго Совѣща. Такая перемѣна имѣла пагубныя слѣдствія. Нѣкто Бокони изъ простолудиновъ принялъ начальство надъ народомъ, который рѣшился убишь Градонико и все новое дворянство; но заговоръ прежде исполненія открытъ и Бокони съ другими предводителями черни казнены. Въ слѣдъ за симъ возникло другое болѣе опасное возмущеніе. Попомки древнѣйшихъ фамилій Трибуновъ и Дожей, которые навсегда исключены были изъ Совѣща, избрали своимъ предводителемъ сына того Тьеполо, котораго народъ при первомъ возмущеніи провозгласилъ своимъ Дожемъ. Намѣреніе ихъ было смѣнить Градонико и возстановить прежнее правленіе. Не смотря, что заговоръ наканунѣ назначеннаго къ исполненію дня обнаруженъ, граждане и народъ напали на Дожа и чле-

новъ Совѣта; но были разбиты и разсѣяны. Тѣеполю бѣжалъ, объявленъ измѣнникомъ, лишенъ чести и имѣнія; однакоже нѣкопорые изъ древнѣйшихъ фамилій были приняты въ Совѣтъ, а въ предупрежденіе подобныхъ возмущеній учрежденъ Совѣтъ Десяти,—ужасъ правителей и подданныхъ.

Совѣту Десяти предоставили право судить окончательно всѣ государственныя пресупленія; поручили хранить строгость законовъ, равенство и согласіе между гражданами, обуздывать честлюбивыхъ и наблюдать за всѣми опраслами правленія. Совѣтъ сей по одному только подозрѣнію безъ суда имѣлъ право каждаго подданнаго посадить въ тюрьму, допрашивать и подвергать жестокимъ пышкамъ. Заключение лишался всякой помощи: ему не позволялось ни съ кѣмъ видѣться и никто не смѣлъ ни говорить, ни писать въ его оправданіе. Приговоръ опредѣлялся большинствомъ голосовъ; казнь назначалась публичная или тайная по произволу Совѣта. Сужденія судей основывались на недовѣренности, для коей все въ свѣтѣ подозрительно: они принимали малѣйшее сомнѣніе за истину; а то, что можетъ только быть возможнымъ, за дѣло уже состоявшееся; болѣе вѣрили чужимъ глазамъ, нежели своимъ; ша-

лости вмѣняли въ преступленіе и не опасались убивать невиннаго, лишь бы изъ того произошло добро для народа. Никто не имѣлъ права претбовать отъ Совѣща отчета въ его дѣлахъ; опредѣленія его почитались тайною; за очевидныя несправедливости не подвергались они отвѣтственности; по сему ужасное сіе судилище было врагомъ великихъ достоинствъ и заслугъ.

Въ 1355 году, по причинѣ самой ничтожной, самъ Дожъ предпринялъ низпровергнуть правленіе. *Марино Фальери*, будучи 80 лѣтъ, не получивъ по суду желаемого удовлетворенія за оскорбленіе на балѣ молодой его жены однимъ дворяниномъ, согласившись съ Адмираломъ и другими недовольными, положилъ умертвить всѣхъ членовъ правленія. Со времени Троянской войны не было еще подобнаго произшествія, произведеннаго неблагоразуміемъ женщины. Одинъ изъ участниковъ, Берспрандъ, желая избавить отъ смерти Сенатора Ліони, убѣждалъ его ни подъ какимъ предлогомъ не выходить завтра изъ своего дома. Ліони принудилъ Берспранда открыть ужасную тайну. Совѣтъ Десяти немедленно и съ такою хитростию приступилъ къ слѣдствию, что Дожъ не могъ не признаться въ своемъ преступленіи, опданъ подъ судъ,

обличенѣ и казненѣ. Въ большой залѣ дворца на мѣстѣ, гдѣ долженѣ быть его портретѣ, и донынѣ виситѣ черная доска съ надписью: *мѣсто обезглавленнаго Марино Фальери.*

Андрей Дандоло почитается въ числѣ самыхъ ученыхъ людей XIV вѣка. Онѣ первый изъ дворянѣ получилѣ докторскую степень. Въ правленіе его возобновилась бѣдственная съ Генуею война, въ которой предводителями флотовъ, Венеціанскаго *Пизани* и Генуезскаго *Дорія* наиболѣе отличились.

Въ правленіе *Конторинія*, Генуезцы осаждали *Кіозу*, находящуюся при входѣ въ Лагуны. Дождѣ пожертвовалѣ всѣмъ своимъ частнымъ имуществомъ, великодушію его послѣдовали граждане, и войско, поощренное его храбростію, спасло отечество въ самыя опасныя минуты.

Францискъ Фоскари, избранный въ 1424 году, избѣгая морской войны, обратилѣ оружіе въ Италію, гдѣ Венеція начала играть первую роль, и всемѣрно спарался о распространеніи торговли, источника благоденствія народа. Спараніемъ его умножены доходы, правосудіе наблюдалось въ судахъ, устройство и безопасность въ городахъ.

Не смотря, что Совѣтъ Десяти имѣлъ неограниченную власть, жестокосердые Аристократы нашли нужнымъ оную увеличить, сдѣлавъ еще дѣятельнѣе. Въ 1501 году положено избъ членовъ Совѣта Десяти на три мѣсяца выбирать трехъ *Инквизиторовъ*. Они окончательнѣе рѣшали все относящееся до вольности, чести, имѣнія и жизни гражданъ. Ежели всѣ трое согласны, опредѣленіе ихъ исполнялось безъ дальняго обряда; если же во мнѣніи разнспивали, дѣло переносилось въ Совѣтъ Десяти. У нихъ хранились ключи отъ львиныхъ пастей, куда клались тайные доносы. Клевещники, желавшіе получить награду, вырѣзывали изъ записки кусокъ бумаги. Ночныя изслѣдованія, тайные соглядатели употреблялись ими для содержанія въ страхъ высокоумныхъ и обузданія нескромныхъ. Власть Инквизиторовъ была безпредѣльна: брали и мучили всѣхъ, которыхъ слова или дѣйствія имъ не нравились, судили и казнили, когда и какъ имъ было угодно. Они во всякое время могли разсматривать бумаги каждаго подданнаго, обыскивать даже въ карманахъ Дожа, допрашивать его, осудить на смерть, и тотчасъ опредѣленіе свое исполнить. Никто не имѣлъ права слѣдовать или осуждать поступки Инквизиторовъ; напрошивъ того, они избирали

жертвы по произволу, и если пресупленіе казалось имъ вѣрояпнымъ, казнили публично; если же сомнипельнымъ, то шайно убивали вѣ шюрѣмъ, попили вѣ каналѣ Орфано (*), или ночью вѣшали между двухъ колоннъ на площади.

Такимъ образомъ вѣ нѣдрахъ вольности существовало нѣсколько вѣковъ жесточайшее самовластіе. Не смотря на то, что вѣсей Трибуналъ назначали людей самыхъ справедливыхъ, прозорливыхъ и сстрогихъ, они уничтожали взаимную довѣренность, разрушали семейственные связи: ибо злоба, зависть и подозрѣніе были на опкупу у сихъ привилегированныхъ убійцѣ. Всѣмъ сословіямъ сіе смертное судилище было ненавистно; но щепно однакожъ покушались его уничтожити. Увѣренность, что только оно обуздывало буйство народа, содержало дворянъ вѣ страха, Дожа вѣ зависимости и всегда превозмогало частное негодование. Нѣкоторые даже утверждали, что Совѣтъ Десяти съ Инквизиціями были главнымъ оплотомъ Республики.

Венаціане до сего времени не заключали оборонительныхъ союзовъ, и за сіе прене-

(*) Орфано значитъ сиротскій: какое приличное названіе!

бреженіе первыхъ правилъ полишки едва не погибли. Могущество и чрезмѣрное богатство республики возбудили ненависть и зависть почти всѣхъ державъ Европы. Въ 1508 году, по внушенію Папы Юлія II, Германія, Франція, Испанія и почти вся Италія заключили прошиву республики союзъ въ Камбре. Людовикъ XII разбилъ ихъ армію и угрожалъ покореніемъ областей, на твердой землѣ лежащихъ. Венеціане, видя невозможность сопротивляться превосходнымъ силамъ, разрушили грозный союзъ переговорами и деньгами. Юлій и Фердинандъ, получивъ нѣкоторое удовлетвореніе, отказались отъ союза. Первый, раскаявшись, что причинилъ сполько бѣдствій своему опечесству, соединя свои силы съ республиканскими, спасъ Венецію тогда, какъ гибель ея казалась неизбѣжною.

Въ 1570 году возсталъ прошиву республики новый опаснѣйшій непріатель. Салиманъ II, по праву сильнаго, требовалъ возвращенія острова Кипра. Брагандино, Комендантъ крѣпости Фамагусты, испошилъ всѣ усилія храбрости, истребилъ болѣе 50,000 Турокъ и наконецъ принужденъ былъ сдаться на договоръ. Муспафа Паша не исполнилъ условій, разграбилъ городъ, содралъ кожу съ мужественнаго Брагандино, и

солдатъ его, оковавъ, раздѣлилъ на свои галеры.

Въ сіе время Оттоманскія силы угрожали всей Европѣ. Венеція щещно просила помощи и представляла очевидную общую опасность: Франція была въ союзѣ съ невѣрными, Германскій Императоръ боялся ихъ могущества, Португальскій принцъ занималъ дия, Польша истощалась войною съ Россіею; только Папа Пій V и Филиппъ II, Испанскій Король, соединили свои флоты съ республиканскимъ. Донъ Жуанъ Австрійскій, побочный сынъ Карла V, назначенъ былъ Главнокомандующимъ, Антоній Колоннъ начальствовалъ надъ Папскими, а Себастьянъ Веньеръ надъ Венеціанскими галерами. Въ славномъ Лепантскомъ сраженіи Турки потеряли до 20,000 убитыхъ и половину своихъ кораблей, однакожъ не смотря на сію потерю, по заключеніи мира, республика принуждена была уступить Султану островъ Кипръ.

Власть Дожей съ учрежденія Аристократическаго правленія, по мѣрѣ распространенія владѣній республики, постепенно уменьшалась; наконецъ достоинство сіе такъ мало льстило высокоумію дворянъ, что большая часть изъ нихъ отказались бы отъ прелестей власти, если бы опре-

ченіе не наказывалось ссылкой и лишеніемъ имѣнія. Хотя Дожъ и почитался главою республики; но власть его ограничивалась только однимъ голосомъ, какъ предсѣдателя во всѣхъ судебныхъ палатахъ. Въ послѣдніе вѣки существованія республики, онъ безъ позволенія Сенаторовъ не могъ не только выѣхать за городъ, но и выйти изъ своего дворца. Будучи первымъ въ республикѣ, въ судѣ съ простымъ гражданиномъ дѣлался послѣднимъ: ибо всякой могъ его позвать къ суду, а онъ никого. Словомъ, Дожъ былъ совершенный невольникъ въ коронѣ, простой дворянинъ въ совѣтахъ, плѣнникъ въ городѣ и простолюдимъ въ деревнѣ: ибо шамъ всякой могъ его обидѣть, бросать въ него камнями и грязью безнаказанно. Отъ вступленія на престолъ до самой смерти старались уничижать его всякими образами: при коронаціи Канцлеръ, показавъ ему гробъ предшественника, напоминалъ, что память его будетъ чпима по мѣрѣ заслугъ; Сенаторы пребовали на издержки коронаціи и на его погребеніе. Въ продолженіе жизни чепыре Сенатора сперегли малѣйшее его движеніе, и лишь только закрывалъ глаза, *исправители* повѣряли его поступки и щепы, описывали имѣніе его въ казну и принуждали родспвенниковъ плащить недоспающее. Преслѣдовали его

даже за гробомъ: при выносѣ тѣла въ церковь Св. Марка, восковое изображеніе Дожа при разѣ бросали на воздухъ, вѣроятно для показанія народу, что онъ во всю жизнь былъ только нарядною куклою.

Обязанности Дожа состояли въ однихъ наружныхъ обрядахъ: всякой день ходилъ въ Сенатъ и въ другія судебныя палаты, принималъ пословъ. На двѣнадцать тысячъ червонныхъ опредѣляемаго ему жалованья, давалъ въ годъ чепыре бала, на которые безъ его согласія приглашались Послы и дворяне по очереди, вѣнчались съ моремъ и женились на Игуменѣ дѣвичьяго монастыря, котораго онъ почитался наспоятелемъ. Впрочемъ оба браки ограничивались только пышнымъ церемоніаломъ, и не имѣли другихъ послѣдствій.

Въ 1618 году Испанскій Посолъ Маркизъ де Бедмаръ, Неаполитанскій Вицeroй Дюкъ д'Оссонъ и Миланской Губернаторъ Пётръ Толедо, всѣ подданные Испаніи, удостоившись, что для покоренія Италіи сей державѣ необходимо надобно уничтожить Венеціанскую республику, и дабы разрушить сію преграду, согласились въ одинъ день зажечь арсеналъ и городъ, перерѣзать всѣхъ дворянъ, завладѣть столицею и въ то же время Испанскимъ войскамъ

вспупись въ Венеціанскую Ломбардію, разоришь Фріуль, покоришь Далмацію, а Англичанину Геллошу войши въ лагуны. Поджигатели, убійцы, все было готово; мѣста распредѣлены, время назначено, и Сенатъ не имѣлъ еще никакого подозрѣнія. Нѣкоторыя обстоятельство, дѣйствіе случайно, принуждающіе заговорщиковъ умедлишь исполненіемъ; и сія опсрочка доставила двумъ Французамъ случай открытъ заговоръ и время обо всемъ увѣдомить правительство. Въ ту же минуту зачинщики схвачены, осуждены на смертную казнь, и республика еще разъ спасена отъ злоумышленія самого низкаго и безпримѣрнаго въ Исторіи. Клевещники, въ надеждѣ получить обѣщанныя награды, наполнили львиныя пасти тайными доносами. Совѣтъ десяти, слѣдуя своему правилу не щадить девяти невинныхъ для одного виновнаго, губилъ гражданъ по одному подозрѣнію. Казнь спарца Фоскарини за предполагаемую измѣну опечесиву исполнила сердца всѣхъ и ужаса и удивленія. Сенатъ, бывши увѣренъ въ правдушіи сего знаменишѣйшаго вельможи, объявилъ народу обстоятельство дѣла, и Совѣтъ десяти приступилъ къ допросу самыхъ доносителей. Симъ средствомъ искоренили пагубныя слѣды Испанскаго заговора и производители получили достойное наказаніе.

Въ 1645 году Турки сдѣлали неожиданную высадку на островъ Кандію. Славная осада главнаго города продолжалась 24 года. Турецкій флотъ былъ нѣсколько разъ разбитъ. Магомешъ IV, потерявъ терпѣніе, приказалъ не щадить солдатъ, и Визирь его потерявъ 200,000 янычаръ, принудилъ храбраго Морозини сдаться на договоръ.

Издержки сей продолжительной войны истощили Венецію, которая уже не такъ скоро, какъ прежде, могла наполнять опустѣвшіе свои сундуки: ибо открытіе Америки и пути въ Остѣ-Индію мимо мыса Доброй Надежды принудили ихъ уступить часть барышей отъ всемірной торговли Испанцамъ, Португальцамъ и другимъ народамъ. Республика старалась сохранять миръ и усовершенствовать свои мануфактуры: но наглость Султановъ вовлекла ее въ войну, начавшуюся въ 1683 году. Пораженіе Турецкой арміи подъ стѣнами Вѣны Польскимъ Королемъ Собіескимъ подало благопріятный случай принять въ войнѣ участіе. Генералъ Морозини возвратилъ потерянную прежде Морею, которая уступлена Венеціи вмѣстѣ съ другими пріобрѣтеніями по Карловицкому миру, заключенному въ 1699 году.

Въ продолженіе наслѣдственной войны Венеціане соблюдали строжайшій неутрали-

пешѣ ; но по заключеніи Утрехтскаго мира, Турки снова на нихѣ напали и опіяли Морею въ 1715 году. По Пассаровицкому миру, прекратившему сію несчастную войну въ 1718 году, Султанѣ уступилѣ республикѣ только островѣ Черигѣ , и возвратилѣ взятыя имѣ крѣпости въ Далмаціи , что вмѣстѣ съ нынѣшними семью Іоническими островами было остаткомѣ отѣ всѣхѣ завоеваній на Воспокрѣ. Послѣ сего времени, опклоняя отѣ себя всякое участіе въ войнахѣ, республика, сходя съ высоты величія и славы, тихо доживала остальные дни до конечнаго своего паденія. Вниманіе воинственныхѣ Султановѣ , къ щастію Венеціи, обратилось на Россію, соперницу гораздо опаснѣйшую всѣхѣ прежнихѣ ихѣ враговѣ.

Въ Апрѣлѣ 1797 года, когда побѣдоносный Наполеонѣ принудилѣ Австрійскаго Императора заключить перемиріе въ Лайбахѣ, Венеціане взбунтовались и умертвили нѣсколько Французскихѣ солдатѣ, находившихся въ госпиталяхѣ Венеціи. Наполеонѣ на возвратномѣ пути безѣ сопротивленія уничтожилѣ республику и всѣ области ея присоединилѣ къ Чизалпинской республикѣ. По Кампо-Формійскому трактату, заключенному 17 Октября 1797 года, Венеція и Далмація съ островами на Адриатическомѣ

морѣ уступлены Австріи, а Іоническіе острова оспались за Францією. По Люневильскому миру, подписанному въ Февралѣ 1801 года, Венеція снова перешла во владѣніе Франціи и присоединена къ Италіянской республикѣ, нынѣ переименованной Королевствомъ.

Венеція.

Въ предыдущемъ письмѣ я познакомилъ васъ, любезные друзья, какимъ образомъ опъ слабыхъ началъ возникла могущесшвенная республика, указалъ вамъ на лучшія черпы изъ испоріи ея и означилъ главныя измѣненія, случившіяся въ образѣ правленія. Въ семъ изложу вамъ, съ какою точностію исполнялись законы, опишу нѣкоторые обряды вѣры, распри съ Папами, и упомяну объ ученыхъ и художникахъ.

Благосостояніе всякаго царства поддерживается почнымъ исполненіемъ законовъ. Уклоненіе опъ повиновенія имъ было главною причиною уничиженія могущесшвеннѣйшихъ народовъ. И по и другое испытала Венеціане: въ первые вѣки республики ни уваженіе къ заслугамъ, ни чувсшва соспраданія, ничто не могло поколебать непреклонной спрогошти судей, и достоинсшва ихъ измѣрялись одною справедливостію произносимыхъ ими приговоровъ. Все

тогда преклонялось предъ закономъ; ни какая власть не могла ни измѣнить, ниже ослабить ихъ. Но какъ человѣческія постановленія не могутъ быть совершенны, а законы обыкновенно строги: то въ лѣтописяхъ Венеціи находимъ строгость почти всегда чрезмѣрную, часто бесполезную, а иногда даже отвращительную. Для примѣра приведемъ здѣсь нѣсколько историческихъ происшествій.

Сынъ Дожа Фоскари за насмѣшку надъ Сенапомъ былъ высланъ для содержанія подъ присмотромъ въ Тревизу. Въ сіе время Алморъ Донато, одинъ изъ членовъ Совѣта десяти, былъ убитъ; подозрѣніе пало на Фоскари. Инквизиторы подвергли его пыткамъ и заключили на всю жизнь въ крѣпость Канею, что на островѣ Кандіи. Послѣ пятилѣтней ссылки, молодой человѣкъ, потерявъ надежду къ освобожденію, чрезъ посредство отца, просилъ письмомъ заступленія у Герцога Миланскаго. Инквизиторы, испытавъ твердость его жесточайшими муками, не тронулись объявленіемъ несчастнаго, что онъ просилъ пособія у иностраннаго государя, въ той только надеждѣ, что его переведутъ въ тюрьму Венеціи и позволятъ видѣть родителей и друзей. Непреклонные судьи приказали отвести его назадъ въ Ка-

нею , однакомѣ Дожу и его супругѣ позволили просишьяся съ сыномѣ. При семѣ печальномѣ свиданіи матѣ лишилась чувствѣ и вскорѣ умерла, отецѣ едва могѣ произнести: «покорись, любезный сынѣ, законамѣ своего опечества и не пребуй отѣ меня того , чего ни заслуги мои, ни мое званіе не могутѣ для тебя испросишья;» и также впалѣ въ безчувственностѣ, продолжавшуюся до отправления сына въ Кандію. Отецѣ по причинѣ старости, ускоренной сердечною скорбію, неблагодарными гражданами сведенѣ съ престола. Съ такою же твердостію, съ какою увѣщевалѣ сына повиновашьяся законамѣ , оставляешѣ онѣ знаки своего достоинства; но услышавѣ звонѣ колокола Св. Марка, призывающій на избраніе ему преемника, столь тѣмѣ поражается, что на упріе испускаешѣ духѣ. Сынѣ, вскорѣ по прибытіи въ Кандію, въ опчаяніи скончался. Нѣсколько лѣтѣ спустя, дворянинѣ Ёвицо умирая, объявилѣ, что Фаскари невиненѣ: ибо онѣ убилѣ Сенатора Донапо.

Пятнадцатое столѣтіе прославлено подвигами знаменитаго Адмирала *Карла Зено*. Возвращаясь съ Востока, гдѣ онѣ утвердилѣ на престолѣ одного Государя, въ нѣсколькихѣ сраженіяхѣ побѣждаетѣ Генуезцовѣ и за одинѣ неудачный приступѣ къ Мурано,

занятого непріятелемъ, Сенаѣ повелѣваетъ заключить его въ шюрьму. Зено непрекословно повинуетъся, народъ бунтуетъ; упрямый Сенаѣ, уступая обстоятельствамъ, вручаетъ ему снова начальство; Зено беретъ крѣпость и нападаетъ на Генуезскій корабль, нагруженный сокровищами. Спрѣла пробиваетъ ему ногу, другая попадаетъ въ глазъ: онъ наскоро перевязываетъ раны, и продолжаетъ начальствовать, какъ бы не чувствуя никакой боли. По смерти Дожа Коншарини, всѣ голоса соединяются въ пользу героя: но его исключаютъ изъ избранія за то, что онъ слишкомъ достоинъ быть Дожемъ. Въ послѣдствіи времени, не смотря на извѣстное всѣмъ его безкорыстіе и любовь къ опечеству, Совѣтъ десяти лишилъ его чиновъ и заключилъ на два года въ шюрьму, по неосновательному подозрѣнію, будто бы Зено принялъ въ подарокъ чешыре ша червонцевъ отъ Франциска Карраро, копорому Зено далъ сію сумму въ долгъ, когда сей Князь Падуи, какъ военноплѣнный, содержался въ крѣпости Аспи. Зено, доказавъ свою невинность и вышедъ изъ шюрьмы, не ропсалъ на несправедливость приговора и не прешавалъ быть оракуломъ неблагодарныхъ соопечественниковъ. Смерть его оплакивали всѣ Венеціане, особливо солдаты и матрозы. Республика спарается за-

гладить свои просупки и повелѣваетъ Дожу и Сенапу присушпвоваць на его погребеніи, отправленномъ на иждивеніи народномъ.

Извѣстно, что въ Венеціи всякой могъ свободно забавляться, сколько угодно, но весьма опасно было разсуждать о правительствѣ. Венеціанское дворянство сполько къ тому привыкло, что ошъ нихъ никогда не можно было узнать никакой Государственной тайны; кромѣ присудспвеннаго мѣста, нигдѣ не смѣли они разсуждать о дѣлахъ. Тайная полиція была споль бдительна, что, казалось, и самыя смѣны имѣли уши. Одинъ Генуезскій рѣзчикъ, зная сіе обыкновеніе, защищаль республику прошиву двухъ Французовъ, которымъ вздумалось ее поносить. На другой день рѣзчика привели въ залу десяти, и онъ къ ужасу своему увидѣль двухъ Французовъ, повѣшенныхъ на пополкъ. Почитая себя равномѣрно погибшимъ, бѣдный рѣзчикъ оправдывался, какъ можно лучше, и божился, что онъ защищаль правленіе. Одинъ изъ Инквизишоровъ, обративши его къ гошовой висѣлицѣ, съ важностію ему сказалъ: « въ другой разъ молчи, и знай, что республика не имѣетъ нужды въ подобномъ тебѣ защитникѣ. »

Вѣра: съ седьмого вѣка Венеціане заслужили ошъ Папъ названіе *Христіаннѣйшихъ*,

но вб послѣдствіи Римскій Дворб почишаль республику, если не врагомб церкви, то по крайней мѣрѣ непослушною дочерью, мало повинующеюся ея повелѣніямб. Причины сему слѣдующія: духовенство, посвящаемое только избъ подданныхб, не имѣло никакого участія вб правленіи; приходскіе священники избирались прихожанами, подобно какб вб первоначальной церкви. Венеціанскій Патріархб назначался Сенапомб избъ дворянб; онб не могб бытъ Кардиналомб и совершенно не зависѣль отб власти Папб.

Республика, часто подверженная перунамб Вашикана, всегда сопротивлялась имб съ твердостію, измѣнившео ей только вб одномб случаѣ. Венеціане взяли спорону Дома Есповб прошивб Феррарцовб. Климентб V, покровительствуя послѣднимб, предалб проклятію Дожа и Сенапб, положилб запрещеніе на республику и разрѣшилб всѣхб Капюлическихб Государей, убивать подданныхб ея; повелѣль не имѣть съ ними никакого сношенія и присвоивать ихб собспвенность. Спраждущая подб тяжестію сего гоненія Венеція спѣшилб отправишь Франциска Дандоло для испрошенія прощенія у Св.отца. Климентб не хотѣль принять его. Дандоло вкрадывается во дворецб, когда Папа сидѣль за споломб; наложивб на шею веревку, бро-

сається кб его ногамб и клянеться, что до пбхб порб не встанетб, пока не получитб прощенія своему опечесству. Жестокосердый Климентб оставляетб его на поруганіе своимб придворнымб и упбшається его униженіемб. Наконецб разрбшаетб республику и освободитель ея избирається вб Дожи.

Дожб Градонико, по настоянію святаго престола, согласился опкрышь *инквизицію*: но кб удивленію того вбка, опнялб у изувбрнаго судилища всб способы нарушатб спокойствіе подданныхб. Святымб опцамб позволено было судитб только изобличенныхб вб явной ереси: но безб упвержденія трехб Сенапоровб, засбдающихб вб Инквизиціи, всякое рбшеніе сего суда почиалось не дбйствительнымб. Собспвенносшь же казненныхб преступниковб не духовенству, а наслбдникамб возвращали. Грекамб, Магометанамб и Жидамб сб нбкоторымб ограниченіемб положено не препятствоватб опправленію ихб Богослуженія. Вб то время, какб во всей Европб горбли Инквизиціонныя костры, вб Венеціи не знали сихб ужасовб. Республика не плашила Папамб десятины и, кб удивленію Христіанскихб Государей, Венеціанское священство должно было содержать себя только позволенными доходами.